

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ЛАТИНСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
XIII в.

Издание подготовила
С. В. ПОЛЯКОВА

Издательство «Наука»
Ленинградское отделение
Ленинград • 1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, А. С. Бушмин,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов,
С. О. Шмидт*

Перевод, статья и комментарии
С. В. ПОЛЯКОВОЙ

Ответственный редактор
А. И. ДОВАТУР

С $\frac{70304-541}{042(02)-80}$ Без объявления. 4703000000

© Издательство «Наука», 1980 г.

«РИМСКИЕ ДЕЯНИЯ»

1(1)

О любви

У весьма богатого и могущественного короля Помпея¹ была единственная дочь-раскрасавица, которую он так любил, что приставил к ней пятерых рыцарей, дабы под страхом сурового наказания они охраняли ее ото всякой опасности. И вот днем и ночью вооруженные рыцари сторожили царевну и перед входом в ее опочивальню держали зажженный светильник, чтобы ночью, когда они заснут или почему-либо не будут знать, что творится кругом, никто не проник к ней в покой. Была у рыцарей и сторожевая собачка, чтобы пробуждала их своим лаем.

Царевна выросла затворницей и потому особенно жаждала поглядеть на то, что происходит в мире. Однажды, когда она сидела у окошка, подъехал некий герцог, который, едва бросив на нее дерзкий взгляд, сразу влюбился, так как царевна ведь была раскрасавица, очаровывала решительно всех и вдобавок, будучи единственной дочерью императора, после смерти отца становилась по закону наследницей царства. Герцог этот много чего сулил, чтобы добиться благосклонности царевны, а она, поверив его

обещаниям, сдалась на уговоры, тут же убила маленькую собачку, задула светильник и ночью бежала с герцогом.

Наутро в замке стали доискиваться, куда она скрылась. Был тогда в императорском дворце отличный кулачный боец, который всегда ополчался против бесчинства. Когда он узнал, что дочь так обошлась со своим отцом, бегом пустился в погоню. Лишь только герцог увидел вооруженного преследователя, вступил с ним в бой. Но кулачный боец одержал победу, отсек герцогу голову и вернул царевну во дворец. Долгое время она не смела взглянуть в лицо отцу и только постоянно вздыхала и плакала.

Один мудрый приближенный Помпея — он всегда бывал посредником между ним и остальными людьми, — движимый состраданием, помирил царевну с отцом и просватал ее за знатного человека. После этого царевна получила от отца различные дары. Прежде всего длинную пеструю туннику, со всех сторон затканную узором и снабженную следующей надписью: «Я простил тебе, но вперед не греши!». От него же, как от властителя, золотой венец с такой надписью: «От меня твое достоинство». От своего защитника колечко с надписью: «Я любил тебя, учись любить». От мудрого посредника другое колечко с врезанными в золото словами: «Что я сделал? Сколько сделал? Почему сделал?». От сына короля еще одно колечко со словами надписи: «Ты благородного происхождения, не запятнай своего благородства». От родного брата тоже колечко, по ко-

тому шла надпись: «Приблизься ко мне! Не бойся, я тебе брат!». От жениха золотую печать, закреплявшую за ней право наследовать его имущество, со словами: «Ты замужем, более не делай ошибок!». Царевна, получив эти дары, всю свою жизнь хранила их и, любимая всеми, окончила дни в мире.

2(5)

О необходимости хранить верность

Правил царь, в чьем царстве жил некий юноша, которого захватили пираты. Он написал отцу, чтобы тот прислал за него выкуп. Отец отказался, так что юноше пришлось долго томиться в плену. У того, по чьей милости юноша был брошен в темницу, была красивая и любезная очам людей дочь, которую растили в строгости до двадцати лет. Она часто приходила и утешала узника. Но он был в такой горе, что не мог слушать никаких утешений и только выпускал глубокие вздохи и стоны. Однажды, когда девушка пришла к нему, юноша говорит: «О, добрая девушка, если бы ты согласилась помочь мне выбраться отсюда!». Она говорит: «Как же мне взяться за это? Ведь отец, который произвел тебя на свет, не хочет заплатить за тебя выкуп, почему же я, совсем тебе чужая, должна печься о твоём освобождении? Кроме того, если я тебе помогу бежать,

навлеку на себя отцовский гнев, ибо причину ему урон, поскольку отец мой не получит за тебя денег. Однако пообещай мне одну вещь, и я освобожу тебя». Он говорит: «О, добрая девушка, проси чего хочешь! Если будет в моих силах, я все сделаю». Она: «Я не прошу ничего за твое освобождение, кроме только того, чтобы ты взял меня в жены, как только это будет возможно». Он говорит: «Это я тебе неложно обещаю». Тотчас девушка тайно от отца снимает с пленника оковы и вместе с ним бежит на его родину.

Когда юноша приходит к отцу, тот ему говорит: «Сын, я рад твоему возвращению. Но скажи мне, кто эта девушка, которую ты привел с собой?». Сын отвечает: «Она — царская дочь, и я беру ее в жены». Отец говорит: «Я запрещаю жениться на ней под угрозой, что лишу тебя наследства». Сын: «О, отец, что такое ты говоришь? Этой девушке я обязан более, чем тебе. Когда я был в руках врага и, закованный в крепкие оковы, написал тебе, чтобы ты меня выкупил, ты отказался; она же не только освободила меня из темницы, но и от грозившей мне смерти, и потому я хочу взять в жены эту девушку». Отец говорит: «Сын мой, я докажу тебе, что ей не следует верить и поэтому ни в коем случае не следует на ней жениться. Она ведь обманула собственного отца, так как тайно от него освободила тебя из темницы. Из-за этого отец ее потерял большой выкуп, который мог бы получить. Поэтому ей нельзя доверять и потому нельзя на ней жениться. Есть и другое основание. Хотя

эта девушка освободила тебя, она поступила так из любострастия, чтобы выйти за тебя замуж, и любострастие было причиной ее поступка, и потому она не должна, мне представляется, стать тебе женой».

Слыша эти рассуждения, девушка говорит: «Отвечу на твой первый довод, что я обманула своего отца. Это неправда. Обманут бывает тот, кого лишают доли богатства; отец же мой столь богат, что не нуждается ни в какой добавке к своим богатствам. Тщательно все взвесив, я освободила твоего сына из темницы: ведь получи мой отец за него выкуп, несколько не обогатился бы от этого, а ты, если б выкупил сына, обеднел. Следовательно, я помогла тебе, так как ты не дал за сына выкупа, но не нанесла этим ущерба моему отцу. На второй довод, будто мною руководило любострастие, отвечу так: этого не может быть, ибо любострастие рождается как следствие красоты, богатства или храбрости. Твой же сын не обладал ни одним из названных качеств: красота его пропала в темнице, он не был богат, так как не имел средств для выкупа, не был и храбр, ибо храбрость его угасили темничные муки. Следовательно, когда я освободила твоего сына, была движима только состраданием». Отец юноши, услышав такие речи, не мог долее спорить, и юноша с большой торжественностью женился на этой девушке и кончил дни свои в мире.

3(9)

**О том, что прирожденную злобность
следует смирять кротостью**

Мудрый император Александр¹ взял в жены дочь сирийского царя, и она родила ему пригожего сына. Мальчик подрос и, когда достиг совершеннолетия, постоянно стал строить отцу своему козни и всяческими способами искать его смерти. Император этому дивился и однажды пришел к своей супруге и говорит: «Любезнейшая, смело открой мне свою сокровенную тайну: познал ли тебя кто другой, помимо меня?». Она: «О, господин, почему ты спрашиваешь об этом?». Александр отвечает: «Сын твой неустанно ищет моей смерти, и я дивлюсь тому, ибо, будь он моим сыном, не стал бы так делать». Она: «Бог ведает, что, кроме тебя, никто не познал меня, и я готова любым путем это доказать. Истинно он твой сын, но почему преследует тебя, не пойму». Царь, услышав это, обратился к сыну со всей кротостью, говоря: «Милый мой сын, я тебе отец; благодаря мне ты вступил в эту жизнь и будешь моим наследником. Почему же ты ополчился против меня? Я воспитал тебя в роскоши, и все мое принадлежит тебе. Перестань, — продолжал он, — злобствовать и не тщись меня погубить».

Сын Александра не образумился после этих слов, напротив, день ото дня злоба его против отца росла, и он постоянно был готов его убить и подстерегал повсюду. Видя это, Александр взял меч, привел своего сына в уединенное

место и сказал ему: «Вот меч — убей меня тут, ибо тебе будет меньше позора, если убьешь меня скрытно, а не на глазах у людей». Сын при этих словах тотчас бросил меч на землю и в слезах упал на колени перед отцом, моля простить его и говоря: «О, добрый отец, я раскаиваюсь в дурных своих поступках; я творил зло и не достоин зваться твоим сыном. Прошу, прости меня и люби, а я отныне стану твоим добрым сыном и во всем буду служить тебе по твоей воле». Слыша это, Александр бросился сыну на шею, поцеловал его и говорит: «О, драгоценнейший сын мой, не грехи впредь и будь преданным сыном, а я буду тебе добрым отцом». С этими словами он надел на сына дорогие одежды, повел его с собой во дворец и задал своим советникам большой пир.

После этого случая Александр прожил немного дней и кончил жизнь свою в мире, а сын его наследовал царство и мудро правил им. В конце своей жизни, когда смерть была уже близка, он приказал по всему своему царству пронести и всем показывать прапор с такою начертанной на нем надписью: «Все преходит, кроме любви к господу богу».

4(11)

**О яде греха, которым мы всякий день
отравляемся**

Правил весьма могущественный царь Александр.¹ Он держал при себе своего учителя Аристотеля,² который наставлял его во всякой науке. Прослышав об этом, царица какой-то северной земли с самого рождения стала давать своей дочери яд. Когда царица достигла совершеннолетия, она была так пригожа и так в глазах всех хороша, что многие, видя ее, давались диву. Царица послала ее Александру в наложницы. Увидев такую раскрасавицу, Александр тут же влюбился и пожелал творить с нею любовь. Об этом узнал Аристотель и сказал ему: «Воздержитесь. Если вы сделаете это, тут же помрете, потому что эта раскрасавица все время своей жизни принимала яд. Сейчас я докажу, что говорю правду. Здесь есть злодей, который приговорен к смерти. Пусть он переспит с ней, и тогда вы увидите, верно ли я говорю». Так и было сделано. Только злодей в присутствии всех поцеловал царицу, как тут же упал и умер. Видя это, Александр похвалил мудрость своего наставника, который спас его от смерти, а царицу отослал на ее родину.

5 (18)

**О том, что всякий грех,
как бы тяжек он ни был,
должен быть отпущен,
если совершен без злого умысла**

Жил некогда рыцарь по имени Юлиан, который, не ведая того, убил своих отца и мать. Когда этот благородный Юлиан был еще юношей, он однажды охотился и преследовал выслеженного им оленя. Олень вдруг оборотился к юноше и сказал: «Ты меня преследуешь, а убьешь ведь своих отца с матерью». Услышав это, юноша убоился, как бы не сбылось предсказание оленя, тайно ото всех ушел и добрался до весьма удаленной страны и там поступил на службу к одному государю. Он так хорошо служил ему и на войне, и во дворце, что государь этот посвятил Юлиана в рыцари, а кроме того, отдал за него вдову одного кастеляна,¹ чей замок достался ему в приданое.

Между тем отец и мать Юлиана, немало опечаленные его исчезновением, повсюду неустанно разыскивали своего сына. Однажды они попали в замок, где он жил. Жена Юлиана² спросила, кто они такие, и люди эти рассказали ей все, что случилось с их сыном. Женщины по их словам догадалась, что это родители ее супруга, так как Юлиан не раз рассказывал ей свою повесть. Она гостеприимно приняла пришедших и из любви к своему супругу уступила им свою спальню, а себе приготовила постель в другом месте. Наутро супруга Юли-

ана пошла к обедне, а он, «возвратившись», прошел прямо в спальню, чтобы разбудить жену, и нашел своих родителей спящими рядом. Он подумал, что это жена его спит с возлюбленным, молча обнажил меч и убил сразу обоих. Выйдя же из замка, Юлиан видит свою супругу, идущую от службы, дивится и спрашивает ее, кто это спит в их спальне. А она говорит: «Ваши родители, которые долгое время вас разыскивали; я положила их в нашей спальне».

Услышав эти ее слова, рыцарь едва устоял на ногах, начал горько плакать и причитать: «Злосчастный я, что мне теперь делать, ведь я убил любезных своих родителей! Сбылось то, что мне предрек олень: стремясь избежать греха, я, злосчастный, его совершил. Теперь, сладчайшая сестра моя, прощай, ибо до тех пор я не буду иметь покоя, пока не узнаю, что бог принял мое раскаяние». На это она: «Не покидай меня, любезный брат, и не уходи без меня; как я делила с тобой радости, разделю и печаль».

Тогда они вдвоем покинули замок и остановились вблизи какой-то широкой реки, переправляясь через которую многие тонули. Они построили просторное убежище для путников, чтобы замолить свой грех, и желающих всегда перевозили на тот берег, а в убежище своем привечали нищих. Однажды, спустя много лет, в полночь, когда усталый Юлиан уже спал и за окном стояла сильнейшая стужа, он услышал жалобный голос человека, просившего переправить его на тот берег, тут же вскочил на ноги и, найдя еле живого от стужи человека, привел

его в дом, разжег огонь и старался отогреть. Так как это не помогло, Юлиан, опасаясь, как бы путник не испустил дух, взял его к себе в постель и заботливо накрыл. Через малое время путник, который выглядел немощным и показался ему больным проказой, вознесся, сиянный светом, на небо и сказал Юлиану так: «Бог послал меня к тебе, дабы подать тебе весть, что он принял твоё раскаяние и через малое время оба вы упокоитесь в Господе». Затем путник исчез, а малое время спустя Юлиан вместе с супругой, исполненный добрых дел и милосердия, почил в бже.

6 (13)

**О любви, которая преступает
дозволенные границы**

У одного царя была раскрасавица жена, которую он горячо любил. В первый год замужества она понесла и родила сына. Мать до того к нему привязалась, что спала с ним в одной постели. Когда мальчику минуло три года, царь умер. Смерть его вызвала у всех глубокую печаль, а царица много дней скорбела по супругу. После того как тело царя предали погребению, царица вместе с сыном перебралась в уединенный замок. Она продолжала так любить царевича, что совсем не могла обходиться без него, а в иные ночи даже спала вместе с сыном до его 18-го года.

Диавол же, видя такую любовь между матерью и сыном, подстрекнул их на нечестивый поступок, и сын познал свою мать. Царица сразу понесла, а царевич в печали покинул родную страну и достиг далеких краев. Его мать, когда ей пришло время, родила пригожего мальчика, но, едва он появился на свет, перерезала ему ножом горло. Кровь из раны хлынула на левую ладонь царицы, и на ней запечатлелись четыре кружка, вот так: о о о о. Она ничем не могла свести эти кружки и до того их стыдилась, что всегда на левой руке носила перчатку, чтобы незаметен был кровавый рисунок. Царица эта посвятила себя пресвятой деве Марии и потому особенно стыдилась, что от родного сына родила, а другого родного сына убила, и нипочем не хотела признаться в этом своем грехе, однако каждые две недели получала отпущение всех прочих своих прегрешений. Из любви к пресвятой деве Марии царица не скупилась на милостыню, и все ее любили, ибо ко всем она была ласкова.

Однажды случилось, что ее духовник, колени преклоненный у своей постели, пятькратно прочел ночью «Ave Maria»,¹ и ему явилась пресвятая дева Мария и сказала: «Я дева Мария и хочу открыть тебе тайну». Духовник весьма обрадовался и говорит: «Возлюбленная владычица, скажи своему рабу, что тебе угодно». Она говорит: «Царица этой земли исповедуется у тебя, однако совершила один грех, который из стыда не решается тебе открыть. Завтра она пойдет к тебе на исповедь. Скажи ей от меня, что ее милостыня и молитвы ведомы и приняты

моим сыном и я повелеваю ей покаяться в грехе, который она совершила в тайности своего покоя. Царица ведь убила родного своего сына. По моей мольбе отпустится ей этот грех, если она пожелает покаяться. Буде же царица не пожелает тебя слушать, попроси ее снять с левой руки перчатку и увидишь на ладони ее грех, который она таит, а не захочет показать, насильно сними». С этими словами пресвятая дева скрылась.

Наутро царица стала смиренно каяться во всех грехах, кроме того единственного. Когда она умолкла, духовник ее сказал: «Любезная государыня, люди всяко говорят о том, почему ты прикрываешь свою левую руку. Смело покажи мне ее, чтобы я мог посмотреть, нет ли там чего неугодного богу». А она: «Господин, на руке у меня пятна, и потому я не хочу показать ее вам». Слыша это, духовник взял царицу за локоть и против ее воли стянул с руки перчатку, говоря: «Госпожа, не бойся! Пресвятая богородица, которая тебя сердечно любит, велела мне это сделать». Когда духовник царицы взглянул на ее руку, увидел четыре багровых кружка. В первом были четыре буквы ПППП, во втором четыре ДДДД, в третьем четыре ЗЗЗЗ, в четвертом четыре ИИИИ. Вокруг в виде печати шла красными буквами надпись, гласящая: «Постыдно Павшую, Плотью Победенную, Добычу Дерзостно Дьяволу Даренную, Зримо Знаком Злым Запечатленную, Искупит Искупляющая Искусно Искушенную». Тут царица пала к ногам духовника и со слезами смиренно покаялась в своем грехе. Спустя немного

дней после отпущения грехов и покаяния царица почилa во гoспoде. Во всем царстве еднoдушнo oплакивали ee кoнчину.

7 (14)

О том, что следует почитать родителей

Царь Дорoфeй¹ установил закон, что дети oбязаны кoрмить и пoддерживать своих рoдитeлeй. В царстве eгo в тo время жил некий рыцарь, кoтoрый женился на красивой и пoчтeннoй даме, и она рoдилa eму сына. Рыцарь oтпpавился странствовать, нo гдe-тo на дoрoгe eгo захватили разбoйники и кpeпкo связали. Тoтчас рыцарь написал жeнe своей и сыну, чтoбы они eгo выкупили. Узнав o тoм, что он в плeну, жeнa рыцаря вeсьма oпeчaлилась и так бeзутeшнo плакала, что oслeпла. Сын тoгда гoвopит мaтepи: «Я хoчу пoйти и oсвoбoдить oтца из тeмницы». Мaть oтвeчaeт: «Ты нe пoйдeшь, ибo eдинствeнный мoй сын, мoя радoсть и пoлoвина мoей души, и с тoбoй мoжeт приключиться тo жe, что с oтцoм. Нeужeли вызволить из плeнa oтсутствующeгo oтца для тeбя важнee зaботы o мaтepи, живущeй с тoбoю бoк o бoк? Кoгда чтo-нибудь oдинакoвo важнo для двух, лoдoбaeт oтдавать пpeдпoчтeниe тoму, ктo у тeбя на глaзax. Ты — мoй сын и сын твoeгo oтца. Я живу с тoбoй, oтца жe нeт на мeстe. Слeдoвaтeльнo, я думaeю, что ты ни в кoeм слy-

чае не должен покинуть меня и отправиться к отцу».

Сын ответил ей очень разумно: «Хотя я и ваш сын, отец все же главная причина моего появления на свет. Он — сторона действующая, ты — страдательная; отец ушел в чужие края, ты дома; он томится в плену и закован в крепкие оковы, а ты свободна; он в руках врагов, ты среди друзей; он в заточении, ты на воле; ты слепа, но и он не видит света, а только цепи, раны и злосчастия. Потому я хочу отправиться к нему и его выкупить». Так юноша и поступил, и все его хвалили за то, что он приложил столько стараний, чтобы вызволить своего отца.

8 (17)

О совершенной жизни

Некий царь установил закон, что всякий, кто пожелает предложить ему свои услуги, может быть взят на службу, если трижды постучит в дворцовые ворота и этим даст знать, зачем пришел. Жил тогда в городе Риме один бедняк по имени Гвидон. Прослышав об этом законе, он стал раздумывать так: «Я бедняк и человек низкого рода. Для меня куда лучше служить и наживать себе богатство, чем вечно прозябать в нищете». И вот он пришел ко дворцу и, как того требовал закон, трижды постучал в ворота;

привратник тотчас открыл ему и ввел в покои. Гвидон, преклонив колени, приветствовал царя. Тот говорит Гвидону: «Скажи мне, любезнейший, что тебе угодно?». «Государь, места у тебя во дворце». Царь говорит: «А что ты умеешь делать?». Гвидон ему: «Государь, я умею управляться с шестью делами. Во-первых, могу день и ночь охранять могущественного моего государя, постилать ему постель, подносить кушанья, омывть ноги. Во-вторых, могу бодрствовать, когда остальные спят, и спать, когда остальные бодрствуют. В-третьих, умею, испробовав доброе вино, распознать его достоинство и наименование. В-четвертых, умею созывать гостей на пир, перевозить огонь без дыма и обогревать стоящих и сидящих вокруг. В-шестых, указывать, какого пути держаться, направляясь в святую землю, чтобы невредимым воротиться оттуда».

Царь говорит: «Все это прекрасные и полезные многим дела. Я тебя оставляю во дворце и вначале хочу испытать как телохранителя и слугу. В этом году ты будешь моим телохранителем и слугой». Тот в ответ: «Я готов, государь, повиноваться вашим приказаниям». Всякую ночь Гвидон тщательно стелил царю постель, стирал простыни и часто их менял. Вооруженный, он ложился перед дверьми царской спальни рядом со своей маленькой собачкой, отличавшейся звонким лаем, чтобы, если по какой случайности он заснет, а в это время появится кто-нибудь чужой, ее лай его разбудил. Каждую седмицу Гвидон омывал царю ноги и во всем остальном столь исправно и хорошо ему

прислуживал, что не к чему было придраться, а потому царь неизменно хвалил Гвидона.

Когда первый год миновал, Гвидон был назначен сенешалем,¹ дабы показал другое свое умение: «Я умею бодрствовать». Гвидон этот, ставши сенешалем, все лето без отдыха и не смыкая глаз трудился и запас все необходимое на зиму. Когда же зима наступила и все только начали, не смыкая глаз, хлопотать, он спокойно спал, так что исполнил второе свое обещание: «Я могу бодрствовать, когда другие спят...» Царь, удостоверившись, что Гвидон с честью выполнил два своих обещания, весьма обрадовался, позвал своего кравчего и говорит ему: «Любезнейший, налейте в мой кубок сначала винного уксуса, потом отменного вина и после него сусла и дайте Гвидону попробовать — он покажет третье искусство, которым владеет, ибо он мастер определять доброту вина». Так кравчий и сделал. Едва Гвидон пригубил напиток, тотчас сказал: «Одно было добрым вином, другое таково сейчас, а третье лишь будет добрым», т. е. сказал: «сусло будет добрым вином, вино сейчас отменно, а винный уксус был некогда добрым вином».

Когда царь увидел, что Гвидон так хорошо понимает толк в вине, он сказал ему: «Любезнейший, обойди замки и земли и созови на пир всех моих друзей, ибо наступает рождество господне: ведь созывать на пир — четвертое искусство, которым ты владеешь». А Гвидон ему: «Государь, я готов». И вот он обошел замки и земли, но не пригласил никого из друзей императора, но зато всех его недругов. Так что в со-

чельник весь царский замок был полон недругами царя. Когда царь их увидел, он содрогнулся до глубины души, позвал Гвидона и говорит ему: «Любезнейший, разве ты не сказал, что умеешь созывать гостей на пир?». А тот: «Говорил, государь». Царь ему: «Я ведь велел тебе пригласить всех моих друзей, ты же пригласил моих недругов». Гвидон: «Владыка, дозвожь мне ответить? В любое время и в любой час в году к тебе приходят твои друзья и ты с радостью их принимаешь. Но не так это обстоит, если приходят твои недруги. Оттого я привел сюда этих людей, чтобы твое приветливое лицо и добрый пир обратили их из твоих недругов в друзей». Так оно и вышло: еще до начала пира все недруги стали царю друзьями.

Тот весьма обрадовался и говорит: «Любезнейший, благословен господь! Недруги мои обратились в моих друзей. Ну, а теперь покажи свое пятое по счету искусство. Разведи мне и моим друзьям огонь без дыму!». Гвидон: «Государь, изволь». Что же сделал этот Гвидон? В самый летний жар он положил поленья на солнцепек, и они так хорошо высохли, что, едва загоревшись, давали жар и пламя без дыма, так что царь и все его друзья согрелись.

Затем царь говорит Гвидону: «Тебе остается показать еще одно свое умение. Если покажешь, получишь награду и почести». А тот ему: «Государь, кому угодно отправиться в святую землю, пусть идет со мною к берегу моря». Рыцари, дамы и дети, слыша это, последовали за Гвидоном длинной чередой. Когда они пришли туда, Гвидон сказал: «Любезнейшие, видите ли

вы здесь в море то же, что и я?». Они: «Мы не знаем». Гвидон: «Вот высится среди моря высокая скала. Поднимите глаза и увидите». А они сказали: «Господин, мы ее хорошо видим, но почему вы спрашиваете, не понимаем». Гвидон в ответ: «На этой скале живет птица, которая всегда пребывает в своем гнезде, а в гнезде том у нее всегда лежат семь яиц, чему она весьма рада. Природа птицы такова: пока она сидит на яйцах, море спокойно, но только случится этой птице оставить свое гнездо, море приходит в столь сильное волнение, что если кто в это время вышел в море, непременно потонет; пока же птица в гнезде, он безопасно совершит свой путь и воротится». Они говорят: «Откуда же нам знать, когда птица в своем гнезде, а когда улетает?». Гвидон говорит: «Птица оставляет гнездо только по одной причине. Есть другая птица, враждебная ей, которая дено и ночью тщится разрушить гнездо и разбить яйца. Та же, кому принадлежит гнездо, видя, что яйца разбиты или гнездо разрушено, в горе сейчас же покидает гнездо, и тут-то море приходит в волнение и поднимается бурный ветер. Нипочем вам не следует пускаться тогда в плавание». А они говорят: «Господин, а как можно помешать злобной птице приблизиться к гнезду, чтобы мы могли спокойно плыть?». Гвидон в ответ: «Нету на земле ничего, что бы та злобная птица так не терпела, как ягнячью кровь. Поэтому обмажьте гнездо изнутри и снаружи этой кровью, и, покуда там останется хотя бы одна капля ее, злобная птица не посмеет приблизиться к гнезду, и потому та, что сидит на яй-

цах, останется в гнезде, море будет спокойно и вы сможете плыть в святую землю и воротиться невредимыми». Услышав это, они достали ягнячьей крови и обмазали гнездо изнутри и снаружи и затем только отправились в святую землю и все здоровыми и невредимыми воротились оттуда.

Царь за то, что Гвидон так хорошо исполнил свои обещания, сделал его рыцарем и пожаловал большими богатствами.

9 (20)

О горе и отчаянии

Правил император Конрад.¹ В его времена жил некий граф по имени Леопольд, который вместе с женой бежал от царского гнева в лес и укрылся там в какой-то хижине. В упомянутом лесу охотился однажды император Конрад, и, когда стемнело, ему пришлось искать приюта в этой хижине. Хозяйка была на сносях, но как могла лучше устроила его на ночь и собрала ужин. Этой же ночью она родила сына, а император услышал во сне голос, говорящий: «Возьми, возьми, возьми!». Пробудившись ото сна и дрожа от страха, он сказал себе: «Что это может значить: возьми, возьми, возьми! Что мне надлежит взять?».

Раздумывая подобным образом, император заснул. И — смотри — во второй раз он слышит

голос, говорящий ему: «Верни, верни, верни!». Император пробудился ото сна, весьма опечалился и говорит себе: «Что это значит? Сначала я услышал: возьми, возьми, возьми, но, видит бог, я ничего не брал, а теперь голос говорит: верни, верни, верни. Что я должен возвратить, когда ничего не брал?». Тут император снова заснул. И — гляди — в третий раз слышит голос, говорящий ему: «Беги, беги, беги, Конрад! Ибо мальчик, который сейчас родился, будет тебе зять».

При этих словах император ужаснулся. Встав поутру с постели, он позвал двух своих доверенных оруженосцев и говорит: «Ступайте, вырвите из рук матери новорожденного, разрежьте ему грудь и принесите мне сердце». В ужасе они пошли к матери младенца и схватили его. Видя, однако, какой младенец пригожий, оруженосцы, подвигнутые состраданием, положили мальчика между ветвей, чтобы дикие звери его не тронули, а сами убили зайца и отнесли императору его сердце.

В тот же день некий герцог шел поблизости от этого дерева и услышал плач младенца; он снял ребенка с дерева и спрятал под плащом — кругом не было ни души — и, так как не имел детей, принес мальчика жене и велел ей заботиться о нем. Он выдал найденыша за собственного ребенка и назвал Генрихом.² Когда тот вырос, стал очень красив, красноречив и сделался всеобщим любимцем. Император увидел как-то этого ладного, разумного юношу и забрал его от отца во дворец. Но оттого, что юноша был всем мил и люб, император начал опа-

саться, как бы он не вздумал захватить царство, и подозревать, не тот ли это младенец, которого некогда он велел своим оруженосцам убить. И вот, чтобы избежать этой угрозы, император собственноручно пишет письмо царице, гласящее: «Если тебе дорога жизнь, сразу же, как получишь это письмо, убей юношу Генриха». Затем император покинул дворец и удалился в какую-то церковь, где, прилеги на скамью, выронил мешочек, в котором лежало письмо. Священник же по любопытству своему развязал мешочек и, прочитав письмо, содрогнулся, тщательно стер написанные слова «убей юношу Генриха» и написал вместо них: «Нашу дочь отдай замуж за юношу Генриха».

Когда царица прочла письмо, узнала царскую печать и поняла, что письмо написано собственной рукой императора, тотчас созвала знатнейших в государстве людей и сыграла свадьбу своей дочери и юноши Генриха. Свадьба была отпразднована в городе Аквисгрании.³ Потом императору Конраду рассказали, что свадьба его дочери была торжественно отпразднована, и он ужаснулся. Узнав же правду от двух своих оруженосцев, герцога и священника, понял, что не надо противиться божьей воле. Тут же император послал за юношей, признал его зятем и своим наследником.

10 (24)

О том, как диавол искушает мирскими благами

Рассказывают, что один маг владел прекрасным садом, где цвело столько душистых цветов, произрастало столько сладких плодов, столько было усад и отрад, что пребывать там доставляло истинное наслаждение. Этот свой сад маг не хотел никому показывать, кроме глупцов да своих недругов. Войдя туда, они видели столько чудесного, что только диву давались и просили у мага разрешения не уходить оттуда. Но он позволял это лишь тем, кто отписывал ему в наследство свое достояние. Глупцы верили, что сад мага — это рай, в котором они будут вечно пребывать, и отдавали ему свое добро. А маг вставал ночью и убивал этих легковверных людей, когда они спали, и так сад его стал постоянным местом убийства.

11 (25)

**О забвении полученных благодеяний
и о неблагодарности**

Одна благородная дама терпела великие притеснения от злодея, который отнимал у нее принадлежащие ей земли. Слыша о его несправедливостях, она всякий день плакала, и душа ее пребывала в постоянном горе. Как-то раз недалеко от места, где эта дама жила, остановился странник и, видя бедственное ее положение, из

сочувствия к ней решил отстоять права дамы с оружием в руках, но под таким условием, что, если его убьют, дама в своей опочивальне будет хранить посох и суму, чтобы благодарно вспоминать о нем. Она пообещала. Странник победил своего противника в поединке, но сам получил смертельную рану. Узнав о его гибели, дама сделала как обещала: повесила в своей опочивальне посох и суму странника.

Вскоре по царствам и замкам пошла молва о том, что благородная дама вернула назад потерянные прежде ею земли. Об этом услышали три царя и явились к ней — каждый с большой свитой, — чтобы поглядеть на нее и к ней посвататься. Дама убрала себя в лучшие одежды и пошла навстречу прибывшим и приняла их с почетом, а про себя подумала: «Если часом три эти царя захотят войти в мою опочивальню, нехорошо будет, когда у постели моей увидят страннические суму и посох», и она приказала убрать их оттуда прочь, чтобы больше их там не было. Так дама нарушила данное страннику обещание и показала себя неблагодарной.

12 (27)

О справедливом воздаянии

У некоего весьма богатого и могущественного императора была красивая и всем людям милая дочь, которую он любил так горячо, что нарядал пятерых рыцарей охранять ее. Рыцари эти

всегда были вооружены и за свою службу получали содержание из царской казны. При дворе царя были сенешаль и собака, любая императору. Собаку держали на трех цепях, ибо она была очень свирепа и загрызала всех, кто ей попадался.

Однажды, когда царь лежал на своей постели, он принял решение посетить святую землю. Утром он поднялся, призвал к себе сенешаля и говорит ему: «Я надумал пойти в святую землю. Оставляю на твое попечение единственную свою дочь, охраняющих ее рыцарей и любимую свою собаку. Наказываю тебе под страхом смерти, чтобы дочь моя ни в чем не испытывала недостатка. Кроме того, ты должен доставлять все необходимое рыцарям, как это положено, а собаку не спускай с цепи и не закармливай; лучше пусть она будет голодна, чтобы не была такой злобной и свирепой». Сенешаль обещал в точности соблюсти веления царя. Царь между тем достиг святой земли, а сенешаль нарушил все царские веления, которые обещал блюсти. Собаку он закармливал лучшими кушаньями, но не присматривал за ней как нужно, царевну морил голодом, а рыцарям не давал того, что им полагалось, и они разбежались и стали скитаться по свету. Царевна же, лишившись своих стражей, плача и стелая, одиноко бродила по дворцовому двору. Собака, увидев ее одну, разорвала три цепи, которыми была привязана, и загрызла царевну. Ее смерть вызвала во всей стране великую скорбь.

Когда царь услышал о смерти дочери, содрогнулся до глубины души, призвал к себе се-

нешаля и спросил его, почему он оставил дочь его без охраны, рыцарей без их содержания, а собаку кормил не так, как ему было велено. Тот молчал и ничего не сказал в свою защиту. Царь велел палачам бросить сенешаля со связанными руками и ногами в горящую печь, и все одобряли его правый суд.

13 (28)

О старушечьей хитрости

В некоем царстве жил рыцарь, женатый на благородной, добродетельной и красивой женщине. Собравшись как-то в дорогу, он сказал жене: «Я никому не поручаю надзирать за тобой, ибо уверен, что ты в этом не нуждаешься». Затем он удалился вместе со своими спутниками, а жена его безвыходно сидела дома и вела себя безупречно. Однажды, послушавшись уговоров какой-то своей соседки, она отправилась к ней на праздник, а оттуда вернулась прямо домой. Но ее успел заметить некий юноша, который в нее страстно влюбился и без конца засылал к ней послов, прося, чтобы дама ответила на его горячую любовь. Этот молодой человек вызывал только ее негодование. Видя, что он безнадежно отвергнут, юноша впал в такое отчаяние, что совсем заболел. Он постоянно приходил под окна своей дамы, но все было напрасно, ибо она не хотела его замечать.

Как-то раз этот молодой человек отправился в церковь и на дороге повстречал старуху, слышную в городе святой. Увидев, как юноша убит, старуха спросила о причине такой его печали. Юноша ей в ответ: «Что за прок об этом говорить?». А она: «Сыночек, пока больной будет таить свой недуг от врача, не исцелится. Поэтому открой мне причину своей печали, и с божьей помощью я уврачую твою болезнь». Услышав эти слова, юноша рассказал, как пламенно он влюблен. Старуха говорит: «Быстро возвращайся домой; в скором времени я исцелю тебя от недуга».

Тут юноша отправился домой, а старуха вернулась к себе. У этой старухи была маленькая собачонка, которую она заставила два дня кряду ничего не есть, а на третий дала голодной собачке хлеб, замешанный с горчичными зернами. После такого хлеба у собачки от горечи полный день текли из глаз слезы. И вот старуха, взяв с собой свою собачонку, пришла к даме, в которую юноша был без памяти влюблен. Та с уважением приняла старуху, так как она слыла святой женщиной. Когда они сидели друг с дружкой и беседовали, дама заметила, что у собачонки непрестанно текут из глаз слезы, очень удивилась и спросила о причине этого. Старуха ответила: «О, моя дражайшая, не спрашивай, почему она плачет, ибо горе ее таково, что и не выскажешь». Дама, конечно, решительнее и решительнее настаивала, чтобы старуха все ей рассказала. Тогда старуха говорит: «Эта собачонка была некогда моей дочерью, девушкой очень целомудренной и прекрасной собой. Один

юноша без памяти ее любил, но дочь моя была до того добродетельна, что отвергла его любовь, а несчастный юноша умер от горя. За эту вину господь преобразил ее в собачонку, которую ты видишь». Закончив рассказ, старуха заплакала и сказала: «Всякий раз, как дочь моя вспоминает, что была красавицей, а стала собачонкой, она неутешно плачет и всех вокруг заставляет плакать над своей печальной судьбой».

Выслушав этот рассказ, дама подумала: «Увы мне! И меня ведь точно так же любит молодой человек и сохнет из-за любви ко мне». Тут она поведала старухе свою историю. На ее слова та говорит: «Дражайшая моя госпожа, не отвергай любви молодого человека, чтобы, подобно моей дочери, ты не оборотилась часом собачкой, что было бы тяжелейшим несчастьем». Дама отвечает: «Святая женщина, дайте мне добрый совет, как мне избежать такого превращения». Старуха говорит: «Скорее пошли за твоим юношей и исполни без дальнейшего промедления то, что ему угодно». А дама ей: «Прошу твою святость, сама сходи к нему и приведи с собой. Ибо, если к нему пойдет кто другой, может выйти сплетня». Старуха в ответ: «Из жалости к тебе я охотно приведу этого молодого человека». Она сходила за юношей, и он переспал с женой рыцаря. Так по вине старухи эта дама совершила прелюбодеяние.

14 (33)

О похвале

Валерий¹ рассказывает, что некий человек по имени Ператин со слезами сказал своему сыну и соседям: «Увы, увy мне! В саду у меня растет дерево, приносящее несчастье: на нем повесилась первая моя жена, затем вторая и наконец третья, и потому я в неутешном горе». Один из слышавших его жалобы, по имени Аррий, говорит: «Я удивляюсь, что ты горюешь в подобных обстоятельствах. Дай мне, будь добр, три побега этого дерева, и я раздам их соседям: пусть у каждого будет сук, на котором могла бы повеситься его жена». Так Ператин и поступил.

15 (40)

О способе и искусстве испытывать

Со слов Макробия¹ был известен рассказ о том, как некий рыцарь, то ли из-за слухов, то ли на основании собственных наблюдений, стал подозревать, что жена предпочитает ему другого. Часто рыцарь допытывался у нее, правда ли это. Жена все отрицала: она-де никого, кроме рыцаря, не любила. Однако муж ей не поверил и нашел одного толкового клирика, которого просил добиться правды. Клирик на это сказал: «Не могу тебе помочь, если не увижу твоей жены и не поговорю с ней». Рыцарь в от-

вет: «Прошу тебя покорно отобедать сегодня со мной, и я посажу тебя рядом с моей женой».

Клирик пришел в дом рыцаря в обеденное время, и его посадили рядом с хозяйкой. По окончании обеда клирик начал беседовать с ней о различных предметах, а затем взял ее руку и приложил пальцы к запястью; затем завел речь о том человеке, в любви к которому ее подозревал муж. Сразу же, как речь зашла о нем, кровь ее от радости стала биться быстрее и лихорадочнее. Когда клирик это заметил, он перевел речь на рыцаря, и тут кровь этой женщины сразу стала бежать спокойнее и тише. Отсюда клирик понял, что она любит того человека, которого подозревал рыцарь, более своего мужа. Так рыцарь с помощью клирика узнал правду.

16 (45)

**О том, что только добрые внидут
в царствие небесное**

Жил один благородный, мудрый и богатый царь. У него была любимая жена, которая, презрев его любовь к ней, прижила на стороне троих сыновей. Они всегда были враждебны царю и ни в чем решительно не походили на него. Позднее царица родила, уже от царя, четвертого сына и вырастила его. Между тем, свершив круг своих дней, царь умер и тело его было положено в царскую усыпальницу. После смерти

царя четверо вышеупомянутых братьев стали спорить между собой за власть. Наконец они порешили на том, что пойдут к одному старому рыцарю, поверенному тайн умершего их отца, и поступят по его совету. Так они и сделали. Рыцарь внимательно выслушал четырех братьев и сказал: «Послушайтесь меня, и все будет хорошо. Вам следует вынести тело царя из усыпальницы, и пусть каждый держит наготове лук и стрелу: чья стрела глубже войдет в его тело, тому и быть царем».

Повинуясь совету старого рыцаря, братья принесли тело царя и привязали к дереву. Первый сын спустил тетиву и ранил правую руку государя, и потому объявил себя единственным его наследником и царем этой земли. Стрела второго раздробила кость, чему он очень обрадовался, уже считая царство своим. Третий пронзил сердце царя и был уверен, что без дальнейших споров с братьями царство достанется ему. Четвертый, приблизившись к дереву, вздохнул и печально сказал: «Увы, отец мой, я вижу, как твои сыновья поражают тебя стрелами! Да не бывать тому, чтобы когда-нибудь я нанес рану своему отцу, живому или умершему». Когда он так сказал, первые люди государства, а также стоящие вокруг горожане, подняв юношу, посадили его на отцовский престол как подлинного его наследника и государя, а других трех братьев лишили почестей и богатств и изгнали из родной земли.

О трех царях

Король датский особенно чтит тех трех царей,¹ которые, путеводимые звездой, пришли из восточных стран в Иерусалим с дарами новорожденному Христу, и призывал их в молитвах. Когда названный король с большой свитой прибыл в Колонию,² где с подобающей честью поклонись их святые останки, он поднес каждому из трех царей золотую корону, сделанную с удивительным искусством и царской роскошью, и сверх того с великим благочестием роздал более шести тысяч марок на нужды церквей и милостыню нищим, своей щедростью преподав всему народу пример истинной веры. В день, когда король уже собирался воротиться на родину, он лег отдохнуть и — гляди — ему снится, что три царя с коронами на головах и горящим ярко светочем приближаются к нему, и он слышит, как каждый из них с ним говорит.

Первый, самый старший, сказал: «Брат мой, ты в добрый час пришел к нам, но в еще более добрый воротись в свою землю». Второй сказал: «Ты немало роздал, но более унесешь с собой». Третий сказал: «Брат мой, ты явил благочестие и сразу по прошествии двадцати трех лет будешь царствовать с нами на небесах». Первый еще сказал, протягивая царю ларчик, полный золота: «Прими, — говорит, — сокровище мудрости, которое даст тебе силу справедливо судить своих подданных, ибо властители вменяют себе в заслугу вершить правосудие». Второй подал ларчик мирры, говоря: «Прими мирру

раскаения, которой ты сможешь обуздать также и плотские соблазны, ибо хорошо управляет другими тот, кто умеет управлять собой». Третий равным образом подал ларчик, полный фимиама, сказав: «Возьми фимиам благочестия и благочестивой кротости, коими облегчишь страждущих, ибо как роса окропляет и растит травы, так сладостная кротость царя возносит и поднимает до звезд».

Только царь успел подивиться величию явившегося ему во сне, тут же пробудился и, увидев расставленные подле него ларцы, с радостью принял господни дары. Воротившись на родину, он благоговейно исполнил все то, что слышал во сне. По прошествии вышеназванного срока он удостоился царствия небесного.

18 (50)

О хвале праведным судьям

Валерий¹ рассказывает, что консул Зелонг² установил такой закон: кто обесчестит девицу, должен быть ослеплен на оба глаза. Случилось, что его сын обесчестил единственную дочь одной вдовы. Узнав об этом, женщина побежала к правителю и говорит ему: «Владыка, распорядитесь, чтобы был исполнен установленный вами закон. Вот ваш единственный сын — против воли девушки — обесчестил мою единственную дочь». Зелонг, слыша это, глубоко опечалился, но все

же повелел ослепить сына. Советники сказали своему владыке: «Подумай, у тебя только один сын и наследник, и всему нашему царству будет ущерб, если ему выколуют глаза». Правитель в ответ: «Разве вам неведомо, что я положил этот закон? Постыдно было бы мне преступать постановление, неукоснительно выполнять которое сам же я требовал. Раз сын мой первый нарушил закон, он первым и будет судим по нему». Тогда мудрые советники сказали: «Владыка, богом заклинаем вас помиловать сына». Склоненный их просьбами, правитель говорит: «В таком случае слушайте, любезные мои друзья. Мои глаза — это глаза моего сына, и наоборот. Выколите у меня правый глаз, а у сына моего левый! Тогда закон будет соблюден». Так и сделали, и все согласно хвалили рассудительность и справедливость правителя.

19 (56)

Напоминание о смерти

Один знатный господин был завзятым охотником. Как-то раз, когда он отправился в лес, той же дорогой проходил и какой-то купец. Видя, как этот человек красив, статен и богато одет, купец сказал себе: «Господи боже, видно, ты благоволишь к этому человеку — ведь вот как он красив, и силен, и статен, и вся свита его в отменном платье». Подумав так, купец

спросил кого-то из людей этого вельможи: «Скажи, любезнейший, кто твой господин?». Тот ответил: «Он владеет многими землями, грудями золота и серебра, у него множество слуг». Купец говорит: «Бог, видно, благоволит к нему — он хорош собой и разумнее всех, кого мне приходилось встречать». Слуга тихонько передал своему господину слова купца. Тот же, когда вечером возвращался с охоты, пригласил купца переночевать в его замке.

Купец не посмел отказаться и вместе с этим знатым господином направился в город. Войдя в его замок, купец увидел столько богатств и столько роскошных покоев, блистающих золотом, что не мог прийти в себя от удивления. Во время трапезы хозяин посадил гостя рядом со своей супругой. Тот, глянув на прекрасную и привлекательную даму, обомлел и подумал: «Бог мой, человек этот имеет все, чего его душе угодно: красавицу жену, сыновей, дочек, великое множество слуг». Стоило купцу это подумать, как перед хозяйкой замка и перед ним поставили кушанье и, гляди, тонкое это блюдо подали в человеческом черепе и всем в серебряные тарелки накладывали оттуда. При виде черепа, стоящего перед ним на столе, у купца в жилах застыла кровь, и он сказал про себя: «Увы мне, боюсь, что и моя голова будет тут красоваться!». Хозяйка, как могла, старалась ухаживать за купцом. С наступлением ночи гостя отвели в просторный покой, где его ждала постель, занавешенная полотном, и в углу горели яркие светильники. Едва купец переступил порог спальни, слуги заперли дверь, и он остался

один в покое. Купец бросил взгляд в угол, где стояли светильники, и увидел тела двух юношей, подвешенных за руки к потолку. Тут на него нашел сильный страх, который не давал ему уснуть. Наутро купец встал и говорит: «Увы, боюсь, что висеть мне сегодня рядом с этими двумя мертвецами».

Между тем хозяин замка проснулся, велел звать к себе гостя и говорит ему: «Любезнейший, как тебе здесь нравится?». А тот: «Все мне очень нравится, но когда кушанье подали в человеческом черепе, это меня так ужаснуло, что я не мог ничего проглотить, а когда лег в постель и увидел в углу свешивающиеся с потолка тела двух юношей, на меня нашел несказанный страх, не давший мне сомкнуть глаз. Потому, ради бога, разрешите мне уйти отсюда».

Хозяин говорит: «Любезнейший, ты видел, что перед моей красавицей женой поставили человеческий череп. Причина этому такова: обладатель черепа был некогда благородным рыцарем; он соблазнил мою жену и возлег с нею. Я застал их в объятиях друг друга, выхватил из-за пояса меч и отрубил ему голову. В знак совершенного ею проступка всякий день я ставлю перед моей супругой череп ее возлюбленного, чтобы она не забывала о прегрешении, которое совершила. Сын этого человека из мести убил двоих моих родичей, еще юношей, чьи тела висят в покое, где ты ночевал. Ежедневно я прихожу туда, чтобы разжигать в себе жажду мести. Стоит мне подумать о прелюбодеянии моей жены и вспомнить о гибели моих родичей, как я впадаю в глубочайшую печаль.

А ты, любезнейший, ступай с миром и впредь не пытайся судить о чужой жизни, пока толком не узнаешь ее».

Купец распрощался и пошел по своим торговым делам.

20 (57)

О совершенной жизни

Государством римским правил Тит, который установил закон, что день рождения его старшего сына должен почитаться всеми как праздник, а кто этот день осквернит работой, заплатится за то жизнью.¹ Когда закон был объявлен, Тит призвал к себе магистра своего Виргилия² и говорит: «Любезнейший, я издал этот закон, однако людям возможно тайно нарушать его без того, что это будет мне ведомо. Мы просим тебя постараться измыслить что-нибудь такое, что позволило бы мне знать, кто нарушает закон». Тот говорит: «Да будет на то ваша воля, государь». Тотчас же Вергилий, обратившись к своему магическому искусству, воздвиг посередине города каменного истукана, который доносил императору все тайные отступления от закона, совершенные в этот день, и по обвинению истукана бесчисленное множество людей было приговорено к смерти.

Жил тогда в Риме один художник по имени Фока, который в день рождения императорского сына занимался своим делом, как в будни.

И вот, когда он лег в постель, стал думать, как это так многие лишаются жизни по доносу каменного истукана. Утром он встал, пошел на площадь и сказал истукану: «О, истукан, из-за твоих доносов многие люди лишились жизни. Клянусь богом, если ты выдашь меня, я в мелкие осколки разобью твою голову». Произнеся эти слова, Фока воротился домой.

Поутру император, как обычно, отрядил к истукану слуг спросить, не преступил ли кто закон. Когда они приблизились к истукану и объявили ему волю императора, тот сказал: «Любезнейшие, поднимите глаза и увидите, что написано на моем лбу». Они подняли глаза и явственно увидели на лбу истукана следующие слова: «Времена меняются, люди нагнетают, что будет говорить правду, тому разобью голову». «Ступайте и доложите вашему государю то, что вы видели написанным и прочитали». Слуги воротились и все сообщили своему государю. Когда император это услышал, повелел своим войнам вооружиться и отправиться на площадь, где стояло изваяние, и доставить к нему связанным по рукам и ногам того, кто попытается покушаться на истукана. Войны подошли к истукану и сказали: «Императору угодно, чтобы вы объявили имена тех, кто поправ закон, и тех, кто вам угрожал». Истукан говорит: «Хватайте художника Фоку! Это он преступил закон и угрожал мне».

Войны схватили Фоку и привели его к императору. Император говорит: «Любезнейший, что я слышу о тебе? Почему ты нарушаешь установленный мной закон?». Тот в ответ: «Государь, я не могу следовать этому твоему закону, ибо

всякий день должен иметь восемь денариев,³ а не трудясь все дни, не могу их заработать». Император говорит: «Почему восемь денариев?». Художник в ответ: «Всякий день в году я должен отдавать два денария, которые в юности получил взаймы, два я откладываю, два выбрасываю на ветер, два расходую». Император: «Об этом ты должен мне подробнее рассказать». Художник говорит: «Государь, слушайте! Два денария я всякий день даю отцу, ибо, когда был малым ребенком, отец мой каждодневно тратил на меня два денария; теперь он впал в нужду, и сыновний долг велит мне поддерживать его. Потому я всякий день даю отцу своему два денария. Два денария я откладываю для сына, который уже начал учение, чтобы, если я впаду в нищету, он возвратил мне их, как я возвращаю два денария своему отцу. Еще два денария я выбрасываю на свою жену, ибо она во всем мне прекословит и либо своевольничает, либо ворчит, и вследствие трех этих причин все, что даю ей, считай, я выбрасываю на ветер. Последние два денария я трачу на свою еду и питье. Меньшим мне не обойтись, а заработать восемь денариев я могу, лишь постоянно не покладая рук, и эти деньги могу собрать только, если буду каждодневно трудиться. Теперь вы знаете причину моего ослушания. Вынесите справедливое решение!». Император говорит: «Любезнейший, ты прав. Ступай и впредь спокойно работай».

Вскоре после этого император умер, а художник Фока из-за своей рассудительности был поставлен царем и управлял с великой мудростью.

Когда Фока умер, он был изображен на картине, как и другие императоры, а вблизи головы его художник нарисовал восемь денариев.

21 (58)

О бесспорной истине

Правил царь по имени Асмодем,¹ который установил закон, гласивший: если злодей, схваченный и приведенный к судье, сможет высказать три столь несомненные истины, что их нельзя будет опровергнуть, то он сохраняет жизнь и все свое достояние.

Однажды какой-то рыцарь погрешил против царя и бежал в лес, где совершил немало злодеяний, так как грабил и убивал путников. Когда слух об этом дошел до судьи, он велел окружить весь лес, разбойника поймали и со связанными руками привели в судилище. Судья говорит ему: «Любезнейший, знаешь закон?». Тот в ответ: «Да, господин, знаю: если хочу избегнуть наказания, должен назвать три непреложные истины, иначе мне грозит смерть». Судья говорит: «Пользуйся возможностью, которую тебе дает закон, или будешь вздернут на виселицу прежде, чем успеешь пообедать». Разбойник в ответ: «Господин, прикажи всем замолчать!». Когда наступила тишина, он сказал: «Вот тебе первая истина. Сообщаю во всеулышамье, что во все время своей жизни я был злодеем». Тогда судья

говорит стоящим вокруг: «Правда ли то, что он сказал?». Все отвечают: «Если б человек этот не был злодеем, не находился бы здесь».

Судья говорит: «Назови вторую истину». Разбойник отвечает: «Вторая истина такова: меня глубоко печалит, что я очутился здесь в таком положении». Судья говорит: «Охотно тебе верим. Говори теперь третью истину и избавишься от смерти». Разбойник сказал: «Вот третья истина: если уйду отсюда, никогда не захочу вернуться сюда со связанными руками». На это судья сказал: «Аминь. Ты ловко сумел избавиться от петли, ступай с миром». Так рыцаря этого спасли три высказанные им непреложные истины.

22 (59)

**Почтительный рассказ о великой гордыне
и о том, как нередко надменные люди
бывают унижены**

Правил могущественный император Иовиан.¹ Однажды, когда он лежал в своей спальне, дух его надмился превыше человеческого разума, и император сказал себе: «Разве есть, помимо меня, другой бог?». С такими думами он заснул. Наутро император созвал своих рыцарей и говорит им: «Добрые мои друзья, следует подкрепиться едой, ибо сегодня я собираюсь на охоту». Рыцари были готовы исполнить его волю. После трапезы все выехали с замкового двора. От бы-

строй скачки император до того разгорячился, что ему казалось, он умрет, если тотчас же не искупается в студенной воде. Иовиан поглядел вокруг и, заметив широкую полосу воды, сказал своим спутникам: «Обождите здесь, пока я ворочусь». Он пришпорил коня и быстро поскакал к реке; здесь император спешился, снял одежду и, войдя в реку, оставался в воде, пока как следует не освежился.

Когда он вошел в реку, к этому месту приблизился некто, схожий с Иовианом всем обликом своим и повадкой, надел платье императора, вскочил на его коня, устремился к рыцарям и был принят ими за императора. По окончании охоты мнимый император вместе с рыцарями направился в замок.

Вскоре Иовиан вышел на берег и не нашел ни своего платья, ни коня. Он весьма удивился и опечалился, ибо стоял наг и никого не было поблизости, и стал раздумывать: «Как мне теперь быть? Я попал в неизбежную беду». Мало-помалу, однако, император успокоился и сказал себе: «Недалеко отсюда замок одного рыцаря, которому я некогда оказал покровительство; пойду-ка к нему, попрошу платье и коня и смогу тогда воротиться во дворец и дознаться, кто сыграл со мной эту злую шутку». Совершенно голый, Иовиан кое-как добрался до замка знакомого рыцаря и постучал в ворота. Привратник спросил, зачем он пришел. Император говорит: «Отворите ворота и увидите, кто я». Тот открыл и, взглянув на пришельца, в удивлении сказал: «Кто ты?». Император в ответ: «Император Иовиан. Ступай к своему господину и

скажи ему, чтобы дал мне платье, ибо я лишился и своей одежды и своего коня». Привратник говорит: «Лжешь, низкий проходимец. До твоего прихода император Иовиан вместе со своими рыцарями вернулся в замок, господин мой сопутствовал ему, но успел воротиться и уже сидит за трапезой. Но раз ты назвался императором, я доложу о твоём приходе». Привратник вошел в залу и повторил своему господину слова императора. Выслушав привратника, рыцарь велел привести Иовиана, и это было сделано.

Рыцарь взглянул на императора, но не признал его, император же тотчас узнал своего слугу. Рыцарь говорит: «Скажи, кто ты и как тебя звать?». Тот отвечает: «Я — император Иовиан и некогда оказал тебе покровительство». Рыцарь говорит: «Низкий проходимец, как ты смеешь называть себя императором? Владыка мой, император, незадолго до твоего прихода направился в свой замок, сам я сопровождал его и успел уже воротиться оттуда. Знай, я не оставлю безнаказанным то, что ты дерзостно выдаешь себя за императора». Рыцарь приказал примерно высечь Иовиана и прогнать прочь.

Император, так жестоко избитый и израненный, горько заплакал и сказал: «Боже мой, как могло случиться, что рыцарь, столь мною возвышенный и обласканный, не признал меня и так безжалостно со мной обошелся?». Он подумал в своей душе так: «Недалеко отсюда до моего военачальника и советника; пойду теперь к нему и пожалуюсь на свою нужду — он, конечно, даст мне платье, чтобы я смог воротиться во дворец». И вот император пришел к воротам

военачальника и постучался. Услышав стук, привратник открыл и, увидев голого человека, удивился и сказал: «Любезнейший, кто ты и почему явился сюда совершенно наг?». Иовиан в ответ: «Я — император; по несчастной случайности у меня похитили коня и мою царскую одежду. Я пришел, чтобы военачальник выручил меня, потому будь любезен, объясни своему господину, в чем дело». Привратник подивился этим словам, но вошел в залу и повторил их военачальнику. Тот сказал: «Пусть войдет». Когда императора ввели в залу, никто его не признал и военачальник обратился к нему с вопросом: «Кто ты?». Вошедший в ответ: «Я — император, который осыпал тебя богатствами и почестями, поскольку сделал тебя военачальником и своим советником». Военачальник говорит: «Несчастный безумец! Незадолго до твоего прихода сюда я проводил владыку моего, императора, в его дворец и вернулся. За то же, что ты самозванно называешь себя императором, не останешься безнаказанным». С этими словами он велел бросить императора в темницу и держать на хлебе и воде. Затем вывел из заточения, примерно отстегал розгами и прогнал из своих владений.

От такого оскорбления император стал громко плакать и стенать, говоря: «Увы, чем я заслужил эти поношения и всеобщую ненависть? Разумнее мне все же пойти во дворец, где меня, разумеется, узнает моя челядь; ну а если часом и не узнает, супруга моя по особым словам признает непременно». Он пришел ко дворцу и постучал в ворота, привратник услышал стук и отпер ворота. Увидев же голого

человека, спросил: «Скажи, кто ты?». Император в ответ: «Дивлюсь на тебя, что ты не узнаешь меня, хотя немалое время прослужил здесь». Привратник говорит: «Лжешь; с незапамятного времени я служу у своего владыки, императора». Пришедший на это: «Я и есть император, а если не веришь, прошу тебя, бога ради, сходи к императрице, и она, когда услышит некие слова, даст тебе мою царскую одежду, ибо по несчастной случайности у меня похитили все. Слова, которые я тебе скажу, на всем свете никто, кроме нас двоих, не знает». Привратник говорит: «Я вижу, что ты решился ума, ибо владыка мой, император, сидит сейчас в пиршественной зале рядом с императрицей. Однако, раз ты называешь себя императором, я скажу ей то, что ты просишь, но уверен — тебя примерно накажут». Привратник подошел к императрице и шепотом сказал ей все. Она весьма опечалилась, оборотила лицо свое к супругу и говорит: «Мой император, послушайте, какие деются чудеса! Какой-то проходимец передает мне через привратника слова, которые мы с вами часто говорим друг другу наедине, и утверждает, будто он император и мой супруг».

Когда мнимый император это услышал, он велел привратнику ввести пришедшего. Тот, совершенно нагой, был введен в залу, и пес, который прежде ласкался к нему, бросился на своего хозяина и вцепился ему в горло, стараясь загрызть, но слуги оттащили пса, так что он не успел причинить императору вреда. У Иовиана был также ловчий сокол, который обычно сидел в пиршественной зале на шесте; увидев сейчас

императора, игница оборвала цепочку и вылетела на двор.

Мнимый император говорит всем сидящим в зале и стоящим у стола: «Любезные друзья, послушайте, что я скажу этому проходимцу: „Кто ты и зачем сюда пришел?“». Иовиан в ответ: «Это, господин мой, странный вопрос: я — император и владелец замка». Тогда мнимый император говорит всем сидящим за столом и стоящим вокруг: «Скажите мне из почтения к клятве, которой вы ранее мне поклялись, кто у нас император и владыка?». Они в ответ: «О, господин, согласно склятвой, прежде данной нами вам, заверяем, что в глаза не видели этого проходимца и вы наш владыка и император; мы с самой юности помним вас и просим о том, чтобы этот человек был наказан и все получили таким образом назидание: впредь никому не будет уже повадно чинить подобное воровство». Мнимый император оборотился к императрице и говорит: «Госпожа, ответь мне, поклявшись, знаешь ли ты этого человека, который выдает себя за императора и твоего супруга, или нет?». Она: «Добрый мой супруг, зачем ты обращаешься ко мне с таким вопросом? Разве более 26 лет я не была твоей женой и не родила тебе наследника? Но одному я все же дивлюсь, как этот проходимец узнал нашу тайну, никому, кроме нас двоих, неизвестную». Мнимый император сказал Иовиану: «Любезнейший! Как ты посмел выдать себя за меня? Я за это назначаю тебе такое наказание: немедленно ты будешь привязан к хвосту бегущей лошади, а если другой раз осмелишься повторить, что ты император, обреку тебя тяг-

чайшей смерти». Тут мнимый император позвал слуг и говорит им: «Ступайте, привяжите этого человека к хвосту бегущей лошади, но только не попустите его умереть». Слуги так и поступили.

После этого все тело императора было страшно изранено, и он, отчаявшись во всем, сказал: «Да будет проклят день, когда я родился! Друзья мои бросили меня, а супруга и сыновья не признают». Говоря так, он думал: «Недалеко отсюда келья моего духовника; пойду к нему — быть может, он признает меня, ибо я часто ходил к нему на исповедь». Император пришел к отшельнику и постучал в оконце его кельи. Тот спрашивает: «Кто здесь?». Пришедший отвечает: «Император Иовиан; открой оконце — я хочу с тобой поговорить». При звуке его голоса отшельник отворил оконце, но, увидев нагого человека, с силой захлопнул опять и говорит: «Прочь отсюда, ненавистный, никакой ты не император, а диавол в образе человека». Услышав эти слова, Иовиан в отчаянии упал на землю, стал терзать волосы и рвать бороду: «Увы, что мне теперь делать?». Тут император вспомнил, как однажды, когда он лежал в своей спальне, сердце его надмилось и он сказал: «Разве есть иной бог, помимо меня!».

Иовиан вновь постучал в оконце отшельника и сказал: «Из любви к распятому выслушайте мою исповедь, не отворяя своего оконца». А тот: «Охотно». Император со слезами поведал о всей своей жизни, а прежде всего о своих богохульных словах, когда дерзнул вымолвить, что не верит в бытие иного бога, помимо себя. Когда император кончил исповедоваться и получил отпу-

щение, отшельник отворил оконце, признал императора и говорит: «Благословен всевышний, теперь я вас узнаю. У меня есть кое-какая одежда, прикройся ею и ступай во дворец: надеюсь, тебя там признают».

Император оделся, пришел к своему дворцу и опять постучал в ворота. Привратник тотчас открыл и принял пришедшего с великой честью. Император ему: «Узнаешь, кто я?». Тот отвечает: «Узнаю, но, милостивейший мой владыка, не возьму в толк, как это я простоял тут полный день и не видел, что вы вышли из ворот». Император ступил в залу, и все поклонились ему. А в это время мнимый император находился с императрицей в другом покое. Какой-то рыцарь, выйдя оттуда, внимательно посмотрел на Иовиана и сейчас же воротился назад: «Государь, какой-то человек сейчас в зале, и все приветствуют его поклонами и оказывают ему почести; он до того во всем похож на вас, что я не могу сказать, который из вас двоих император». Услышав это, мнимый Иовиан говорит императрице: «Выйди и посмотри, кто это». Она вошла в залу и, взглянув на императора, удивилась, вернулась назад и говорит: «Государь мой, скажу вам, что не знаю, кто из вас мой супруг». Мнимый император говорит: «Раз так, я пойду сам и дознаюсь правды». Он вышел в залу, взял Иовиана за руку и велел ему стать рядом с собой, затем позвал всех вельмож, случившихся там, пригласил императрицу и говорит: «Из почтения к присяге, некогда мне данной, скажите, который из нас двоих император?». Первой ответила императрица: «Мой супруг, мне подобает

первое слово. Бог на небесах свидетель, я не могу понять, кто из вас мой супруг». Подобный ответ дали все.

Тогда мнимый император говорит: «Любезные друзья, слушайте! Некогда император Иовиан совершил богохульную дерзость, за какую бог его покарал тем, что люди не узнавали его в лицо до дня его раскаяния; я же, ангел-хранитель его души, блюл царство его до часа, покуда император не покался и не получил отпущение; теперь повинуйтесь ему, и да будет с вами бог». Сказав так, ангел скрылся с глаз. Император Иовиан возблагодарил бога и все дни свои прожил в мире и предал дух богу.

23 (60)

Об алчности и ее изощренном коварстве ¹

У одного царя была единственная дочь, красивая и приятная собой, по имени Розимунда. Когда этой Розимунде исполнилось десять лет, она стала так шибко бегать, что оказывалась у конечной меты скорее, чем кто-либо мог до нее добежать. Царь велел объявить по всей своей державе, что всякий, желающий состязаться в беге с его дочерью и скорее ее пришедший к конечной цели, получит ее в жены, а после его смерти в придачу и царство: кто же, вызвавшись состязаться, будет побежден, лишится головы. После этого объявления не было отбоя от желающих померяться с Розимундой быстро-

той бега, но все, кто состязался с ней, оказывались побежденными, и им рубили головы.

В государстве этом жил один бедняк по имени Абиба, который раздумался так: «Я нищ и по крови простолюдин. Если бы мне как-нибудь удалось победить цареву дочь, не только я сам, но и все мои кровные достигли бы высокого положения». Перед поединком Абиба принял такие предосторожности: он, во-первых, запялся венком из роз, потому что роза обычно любя девицам, во-вторых, шелковым поясом, который неизменно их прельщает, и, в-третьих, золоченым мячиком с надписью: «Взявший меня в руки никогда досыта не наиграется», который был заключен в шелковый мешочек. Все это он спрятал за пазухой, пришел ко дворцу и постучал. Вышел привратник и спросил, что ему надо. Бедняк говорит: «Я вызываю на состязание царскую дочь».

Услышав эти слова, Розимунда открыла окошко, увидела Абибу и презрительно говорит: «Никогда царская дочь не пойдет замуж за такого оборванца». Но послушаться отцовского приказа она не смела и приготовилась к бегу. И вот они оба устремились вперед, и скоро царевна намного обогнала Абибу. Увидев это, он метнул ей под ноги венок; чуть только царевна заметила его, она наклонилась, подняла и надела на голову. Так долго Розимунда радовалась венку и любовалась им, что Абиба догнал ее. Тогда девушка сказала в своей душе: «Никогда дочь царя не достанется такому оборванцу!». Она бросила венок в глубокую яму и устремилась вперед, вслед за Абибой, и стала

его нагонять. Поровнявшись со своим соперником, Розимунда дала ему пощечину и сказала: «Остановись, несчастный! Не след сыну таких, как твои, родителей получить меня в жены». Ис этими словами царица перегнула Абибу. Тут он метнул ей под ноги шелковый пояс; царица сейчас же наклонилась, подняла пояс, повязалась им и так тешилась своей находкой, что опять замешкалась. Абиба снова намного ее опередил. Тогда царица горько заплакала, разорвала пояс на куски, стала нагонять Абибу и, наконец, поровнялась с ним. Чуть только Розимунда догнала его, она размахнулась и дала ему пощечину, сказав: «Ты не получишь меня в жены». Потом сразу на большой кусок пути она опередила Абибу. Он решил ждать, когда Розимунда приблизится к мете. Когда это случилось, хитрец метнул ей под ноги шелковый мешочек. Увидев мешочек, царица наклонилась за ним, вынула позолоченный мячик, прочитала надпись: «Взявший меня в руки никогда досыта не наиграется» — и так долго забавлялась мячиком, что Абиба прибежал раньше царицы и получил ее в жены.

24 (61)

**О том, что всякое дело надлежит
обдумывать заранее**

Правил Клавдий,¹ у которого была единственная дочь, девушка весьма красивая и приятная. Однажды, лежа на постели, он разду-

мался о том, как ему лучше устроить судьбу своей дочери, и сказал себе: «Если я отдам ее за богатого, но неразумного человека, она совсем пропадет, а если за бедного, но мудрого, он с помощью своей мудрости сможет доставить ей все необходимое».

В его государстве жил тогда некий философ по имени Сократ, которого Клавдий почитал. Вот он позвал его и говорит: «Любезнейший, хочешь взять в жены мою дочь?». А Сократ: «Хочу, добрый государь». Клавдий: «Раз так, я отдам ее, но с уговором: если дочь моя помрет при твоей жизни, ты тоже не станешь жить. А теперь, что ты предпочитаешь: взять мою дочь в жены или не брать?». Сократ: «Я согласен взять ее в жены на таких условиях». Царь с большой пышностью сыграл свадьбу.

Некоторое время новобрачные прожили в мире и добром здравии, а потом жена Сократа внезапно сделалась смертельно больна. Узнав об этом, он весьма опечалился, пошел в лес и там горько заплакал. Когда Сократ так горевал в лесу, там охотился царь Александр. Кто-то из рыцарей Александра увидел Сократа, подскакал к нему и говорит: «Любезнейший, кто твой господин?». Сократ отвечает: «Господин мой столь могуществен, что его слуга — господин над твоим господином». Рыцарь говорит: «В целом мире нет никого выше моего господина. Но раз ты утверждаешь иное, я отведу тебя к нему, и тогда мы узнаем, кто твой господин, о ком ты так много и с таким великим почтением говоришь». Когда Сократа привели к царю Александру, царь говорит ему: «Любезнейший, кто

твой господин, чей слуга, по твоим словам, господин надо мной?». Сократ в ответ: «Мой господин — разум, а прихоть — его слуга; ты же правишь царством, руководствуясь прихотью, а не разумом. А раз прихоть в услужении у моего господина, ты, значит, в услужении у его слуги». На эти слова Александр говорит: «Любезнейший, ты рассудил умно, ступай с миром». С того самого дня царь Александр стал править царством, сообразуясь с разумом, а не с прихотью.²

Сократ в одиночестве углубился в лес и горько плакал из-за болезни своей супруги. Тут к нему подходит какой-то старик и говорит: «Почтеннейший наставник, почему ты так печален?». Сократ ему: «Я взял в жены царскую дочь с таким уговором, что если она умрет при моей жизни, я тоже не стану жить, а она сейчас при смерти; потому-то я и тоскую». Старик говорит: «Следуй моему совету, а последуешь — не пожалеешь; жена твоя царской крови; когда царю пустят кровь, пусть она помажет грудь и сосцы отцовою кровью, а потом нарви в этом лесу три рода травы: из одной приготовь питье, а из остальных двух сделай пластырь и приложи ей к больному месту. Как только твоя жена сделает это, тотчас совсем исцелится». Сократ все исполнил, и жена его стала здорова. Когда царь, ее отец, узнал, как много Сократ потрудился, дабы избавить его дочь от смертельного недуга, пожаловал его большими богатствами и почестями.

О мирских радостях

Царствовал Веспасиан;¹ у него была дочь-раскрасавица по имени Аглая, девушка прекрасная собой и столь привлекательная, что она затмевала своей красотой всех прочих женщин. Когда Аглая стояла однажды перед императором, он внимательно посмотрел на дочь и говорит: «Дражайшая моя дочь, из-за твоей удивительной красоты имя твое будет отныне Царица отрады: ведь всякий, кто бы ни приблизился к тебе в печали, уходит радостным».

Вблизи дворца у царя был чудесный сад, где он любил прогуливаться. Царь велел объявить по всей стране, что тот, кто пожелает получить его дочь в жены, пусть приходит во дворец и проведет в саду три или четыре дня, а потом возвращается и женится на его дочери. Когда весть об этом разнеслась повсюду, много людей стало приходить во дворец: они вступали в царский сад, но потом их больше никогда не видели и ни один из вошедших оттуда не вернулся.

В те дни вдалеке от царских владений жил один рыцарь. Он услышал клич, что всякий, кто явится во дворец, может получить в жены цареву дочь, пришел к дворцовым воротам и постучал. Привратник отпер приходшему и впустил его, а тот направился к царю и говорит: «Государь, повсюду разнеслась весть, что тот, кто войдет в ваш сад, получит в жены царевну, за тем я и пришел сюда». Царь говорит: «Войдите в сад и, если вернетесь, получите в жены

мою дочь». Тогда рыцарь говорит: «Государь, исполни одну мою просьбу: прежде чем я войду в сад, разреши мне поговорить с царьской». Царь ему: «Охотно разрешаю». Тогда рыцарь приходит к девушке и говорит ей: «Любезнейшая, ваше имя Царица отрады, и ты его получила потому, что всякого, кто печальным приходит к тебе, ты отпускаешь радостным; я пришел в безутешной печали. Изволь, дай мне ответ и совет, как уйти из того сада невредимым. Ведь немало людей до меня вступали туда, но никого из них больше не видели. Если подобное случится со мной, увя, я смогу лишь сказать, что хотел на тебе жениться». А царица в ответ: «Открою тебе правду и обращу твою печаль в радость. В царском саду живет кровожадный лев, который убивает всех входящих туда, и он-то и погубил тех, кто, ради того чтобы получить меня в жены, вступил в сад. Одень всего себя от пят до головы в железные доспехи и намажь их липкой камедью. Когда войдешь в сад, лев тотчас же набросится на тебя; сражайся с ним храбро, а лишь только он начнет уставать, отступи. Лев вцепится зубами тебе в руку или в ногу, да так сильно, что зубы его увязнут и не причинят вреда. Тут сейчас же обнажи меч и отсеки льву голову. Но есть в том саду еще одна опасность — туда ведет один вход, но в нем несколько окольных дорог, так что вступающий туда не может найти выхода. И от этой опасности есть средство: я дам тебе клубок ниток; когда достигнешь ворот, привяжи к ним нить и с клубком в руке входи в сад; если тебе мила жизнь, непусти клубка».

Рыцарь исполнил все, что ему было сказано, и вошел в сад одетый в доспехи. Едва завидев рыцаря, лев яростно набросился на него, но рыцарь храбро отбивался, а когда лев начал уставать, отскочил в сторону. Зверь вцепился ему в руку с такой силой, что зубы его увязли в камеди. Заметив это, рыцарь обнажил свой меч и отрубил льву голову. Он из-за этого так ликовал, что упустил клубок. Печальный и скорбный, рыцарь три дня блуждал в саду и искал клубок. Наконец, однажды ночью нашел. Тут рыцарь немало возвеселился и пошел, куда его вела нить, пока не увидел ворот; там он отвязал нить, явился к царю и получил его дочь, Царицу отрады, чему немало радовался.

26 (66)

О постоянстве

У одного царя была красавица дочь, которую он горячо любил. После смерти царя к ней, как к единственной наследнице, перешла власть. Узнав об этом, некий герцог-злодей явился к ней и посулил множество благ, если она согласится пойти за него. Но этот злодей обманул царицу и обесчестил ее. Она горько плакала — злодей ведь прогнал ее прочь из собственной земли. Царица вздыхала и горевала и целыми днями сидела у большой дороги и просила прохожих о подавании.

Однажды, когда она так сидела и плакала,

мимо на своем коне проезжал благородный рыцарь. Видя красоту царицы, он был охвачен любовью и сказал: «Любезнейшая, скажи, кто ты?». Она в ответ: «Я единственная дочь царя, и после его смерти царство по праву перешло ко мне, но один злодей меня обманул, обесчестил и выгнал из моей земли». Рыцарь говорит: «Согласна ли ты стать моей невестой?». Она говорит: «Согласна, господин. Я желаю этого более всего на свете». Рыцарь ей: «Дай мне слово, что не пойдешь ни за кого, кроме меня, а я скрещу оружие с этим злодеем и отвоюю твое царство. Если я паду в битве, вернув тебе твое наследство, прошу одного — в знак любви сохрани мои запятнанные кровью доспехи. Если кто придет, чтобы взять тебя в жены, войди в покой, где будут висеть эти доспехи, погляди на них, и тогда вспомнишь, как я ради тебя отдал свою жизнь». Царица говорит: «Господин, свято это обещаю. Но да не случится тебе пасть в сражении!». Рыцарь вооружился и пошел на врага. Узнав об этом, герцог напряг все свои силы, и начался бой. Рыцарь победил, отсек голову злодею, сам, однако, был смертельно ранен и, отвоевав наследство царицы, на третий день испустил дух.

Царица много дней оплакивала его смерть, повесила запятнанные кровью доспехи его у себя в покое, часто глядела на них и всякий раз при этом горько плакала. Немало благородных рыцарей к ней сватались, суля большие богатства. Но прежде чем кому-нибудь дать ответ, царица входила в опочивальню, чтобы взглянуть на доспехи, и говорила: «Господин мой, ты отдал за

меня жизнь и отвоевал мое царство; да не будет того, чтобы я согласилась на брак с другим». Затем она появлялась, говоря: «Я дала богу обет никогда не выходить замуж». Слыша такие слова, пришедшие уходили, и так все время своей жизни она сохраняла чистоту.

27 (67)

**О том, что в крайних обстоятельствах
не следует обвинять других**

Правил мудрый Максимиан.¹ В царстве его жили два рыцаря — один разумный, другой глупый, которые любили друг дружку. Разумный говорил глупому: «Хочешь заключить со мной уговор? И тебе и мне это будет не без пользы». Глупый отвечает: «С удовольствием». Разумный говорит: «Каждый пусть разрежет правую руку, и я причащусь твоей крови, а ты моей в знак того, что никто не оставит другого ни в счастье, ни в беде и кто что наживет, разделит поровну с другом». Глупый говорит: «Весьма одобряю». Тут же они накапали крови в чаши и каждый выпил крови своего друга, и с тех пор стали они жить вместе.

Царь основал два города. Первый на вершине горы, дабы все приходящие туда, получив в избытке сокровища, оставались в городе этом навсегда; туда вела узкая каменистая дорога, а на ней стояли три рыцаря с множеством воинов; идущим этим путем приходилось скрещи-

вать с ними мечи или заодно с жизнью проститься со всем своим добром. И в этот город царь нарядил сенешаля, который принимал проходящих радушно и угощал прилично их положению и обстоятельствам. Второй город царь основал в долине под этой горой, и дорога туда вела прямая и удобная для путников; здесь трое рыцарей любезно встречали прохожих и потчевали по их вкусу. Сюда царь поставил сенешаля, чтобы всех, вступающих в город или приближающихся к нему, он бросал в темницу, а затем отдавал в руки судьи, который не щадил никого.

Разумный рыцарь говорит своему другу: «Любезнейший, пойдем странствовать по свету, как прочие рыцари, добудем себе большие богатства и заживем припеваючи». Глупый говорит: «Согласен». Когда они пошли, разумный сказал: «Любезнейший, как видишь, здесь две дороги. Одна ведет в дивный город. Если мы пойдем по ней, дойдем до города, где получим все, что душе нашей угодно. Вторая дорога ведет в другой город, расположенный в долине, и если мы пойдем туда, нас схватят, бросят в темницу и представят судье, который велит нас повесить. Поэтому я советую пойти не по этой, а по другой дороге». Глупый рыцарь говорит: «Любезнейший, об этих двух городах я давно слышал, но дорога к городу, построенному на горе, трудна и опасна, так как там держатся трое рыцарей с воинами, которые затевают с путниками бой, убивают их и грабят. Вторая же дорога пряма, и стоящие там трое рыцарей любезно принимают путников и гостеприимно их

потчуют. Это я ясно вижу и верю своим глазам более, чем тебе». Разумный рыцарь говорит: «Хотя одна дорога удобна, однако ведет нас к вечному бесчестью, ибо мы кончим виселицей. Если ты боишься идти узкой дорогой из-за необходимости сражаться с разбойниками, вечный тебе позор, ибо ты рыцарь, а рыцарям надлежит биться с врагами. Если же согласишься идти вместе со мной по этой дороге, я обещаю тебе первым принять бой и вынести все, что угодно, если ты поддержишь меня». Глупый рыцарь в ответ: «Аминь, говорю тебе. Я не пойду по той дороге, а только по этой». Разумный рыцарь ему: «Так как я дал тебе клятву верности и в знак этого вкусил твоей крови, я не допущу, чтобы ты шел один, и пойду с тобой».

И вот оба рыцаря пошли по удобной дороге. На пути они находили всевозможные улады по своему желанию, пока не дошли до приюта трех рыцарей, где их встретили со всяческой почестью и щедро угостили. В каком-то блаженном умиротворении глупый рыцарь говорит разумному: «Любезнейший, разве я не предсказал тебе этого? Вот сколько дивных улад на этой дороге. Всего такого мы были бы лишены, пойдя мы другой». Разумный отвечает: «Если будет хороший конец, все будет хорошо, на что, впрочем, я не надеюсь». Покуда рыцари пребывали в том приюте, сенешаль, прослышав, что двое рыцарей, невзирая на запрет царя, приблизились к городу, тотчас послал туда своих слуг, чтобы они схватили рыцарей и доставили в город. Сенешаль повелел глупого рыцаря, связан-

ного по рукам и ногам, бросить в яму, а второго заключил в темницу.

Когда в город прибыл судья, всех преступников представили ему, а среди них и этих двух рыцарей. Разумный говорит судье: «Господин, я обвиняю своего товарища, ибо он виновник моей смерти. Я предупреждал его о законах вашего города и ожидающих нас опасностях, но он ни за что не хотел мне верить и внять моим советам, а ответил мне: „Я более доверяю своим глазам, чем тебе“. Но поскольку мы связаны обоюдной клятвой дружбы как в благоденствии, так и в беде и я видел, что он собирается идти один, из-за этой данной мною клятвы решил пойти с ним и потому считаю его виновником своей смерти. Прими это во внимание и вынеси справедливый приговор». Другой, глупый рыцарь говорит судье: «Напротив, это он причина моей смерти. Всему миру известно, что он разумен, а я глуп; его рассудительность не должна была допустить, чтобы он поддался моей глупости. Ведь если бы друг мой не последовал за мной, когда я пошел один, а держался дороги, по которой первоначально хотел идти, я бы непременно воротился и пошел вместе с ним из-за клятвы, которую ему дал. Следовательно, раз он разумен, а я глуп, он — виновник моей смерти». Судья ответил им обоим и вперед разумному рыцарю: «Вас обоих я приговариваю немедленно повесить. Тебя, умный, за то, что легко поддался неразумию своего друга и последовал за ним, а тебя, глупый, за то, что ты не дал веры словам разумного, а подчинился своей глупости». И обоих повесили.

28 (68)

О правде, которая не страшится даже смерти

Царствовал Гордиан.¹ В его стране жил один благородный рыцарь, женатый на красавице, которая часто ему изменяла. Однажды этот рыцарь уехал, а она тут же позвала своего возлюбленного. У госпожи была служанка, которая понимала язык птиц. В то время в доме держали трех петухов. И вот в полночь, когда возлюбленный спал с госпожой, запел первый петух. Услышав, жена рыцаря спрашивает служанку: «Скажи мне, любезнейшая, что он говорит?». Та отвечает: «Петух сказал, что ты наносишь оскорбление своему супругу». Госпожа: «Зарежь этого петуха!». Служанка послушалась.

Вскоре в положенный час запел второй петух. Госпожа опять спрашивает свою служанку: «Что он говорит?». Служанка отвечает: «Моего товарища зарезали за слова правды; я готов отдать свою жизнь за их истинность». Тогда госпожа говорит: «И этого петуха зарежь». Служанка послушалась.

Наконец запел третий петух. Услышав, госпожа спрашивает служанку: «Что он говорит?». Та ответила: «Не след что знаешь говорить, если хочешь мирно жить!». Госпожа сказала: «Этого петуха не тронь!» — и служанка послушалась ее.

О целомудрии

Царствовал Галл,¹ весьма мудрый правитель; он задумал построить дворец. В те времена в государстве жил один на редкость искусный плотник, и император обратился к нему. Тогда же жил в его государстве и некий рыцарь, у которого была раскрасавица дочь. Видя, какой достойный человек этот плотник, рыцарь стал раздумывать так: «Отдам-ка я ему в жены свою дочь — ведь из-за ума своего и искусства он счастливо устроит ее судьбу». Рыцарь позвал плотника и говорит: «Любезнейший, проси у меня чего хочешь, и я тебе дам, если смогу, но ты должен взять в жены мою дочь». А он: «Этим я премного доволен». Они во всем сошлись, и плотник женился на дочери рыцаря. После свадьбы мать новобрачной позвала зятя и говорит ему: «Сын мой, раз ты женился на моей дочери, я дам тебе эту рубашку, — и показала ему отменную рубашку, говоря: — Доброта ее в том, что во все время твоей жизни она не загрязнится, не порвется, не износится и не по линяет, пока ты и моя дочь будете оставаться верными друг другу. Если же — не приведи бог — кто из вас нарушит супружескую верность, тут же рубашка потеряет все свои чудесные свойства». Услышав эти слова, плотник весьма обрадовался, взял рубашку и говорит: «Матушка, что за бесценный дар ты мне дала! Теперь никому из нас не нарушить верности, не быв обличену этой рубашкой».

Немного дней спустя плотника позвали к царю строить ему новый дворец. Он взял с собой рубашку, попрощался с женой и находился при царе, пока дворец не был готов. Люди дивились, что рубашка его всегда остается белоснежной и чистой, хотя он в ней работал. Царь говорит: «Мастер, будь добр, скажи, как это получается, что хотя ты день-деньской работаешь, рубашка твоя не грязнится и без стирки все бела». Плотник в ответ: «Знай, дражайший государь, что покуда мы с женой моей верны друг другу, нет нужды стирать мою рубашку; если же нарушим брачные клятвы, она, как всякая вещь, станет грязниться».

Когда эти слова услышал один рыцарь, он подумал: «Буде смогу, сделаю так, что тебе придется постирать свою рубашку». И вот без ведома плотника он приходит в его дом, чтобы склонить жену этого человека ко греху. Она приветливо встречает рыцаря, тот же докучно заводит речь о своей страстной любви. В ответ женщина говорит: «Такая любовь требует уединения — пойдем за мной!». Тут она вводит рыцаря в уединенный покойчик. Едва он переступил порог, как женщина вышла, заперла там своего гостя и сказала: «Ты подождешь здесь, пока не придет время выпустить тебя». Жена плотника ежедневно приходила и носила ему хлеб и воду. Рыцарь же просил освободить его, но женщина не соглашалась. Вскоре к ней пришли два других придворных рыцаря, один за одним, чтобы соблазнить ее, но и они ничего не добились, и плотникова жена заперла их в тот же покойчик и держала на хлебе и воде. Так

рыцари просидели много дней. О них троих при дворе начали тревожиться и расследовать, куда они пропали.

Между тем дворец был построен и плотник, получив вознаграждение, вернулся домой. Весьма обрадованная, супруга встретила его со всем почетом и подробно расспросила, как ему жилось. Он на всякий ее вопрос обстоятельно ответил. Тут жена плотника поглядела на его рубашку и, видя, как она чиста, говорит: «Благословен господь, по рубашке твоей видно, что у нас с тобой истинная любовь». Он в ответ: «Дражайшая супруга, когда я строил дворец, подошли ко мне один за другим трое рыцарей и расспрашивали, как это моя рубашка без стирки остается белоснежной, и я поведал им правду. Куда они потом делись, решительно не знаю. Об их исчезновении при дворе учрежден великий розыск». Женщина говорит: «Господин мой, те три рыцаря, о которых ты помянул, явились ко мне и сулили что угодно, если я не откажу им, но я нипочем не соглашалась, заперла их в особый покойчик и держала на хлебе и воде».

Услышав эти слова, плотник порадовался верности своей супруги и позволил рыцарям идти на все четыре стороны. Оба они, плотник с супругой, до конца дней оставались верны своей любви.

Об обретении вечной жизни ¹

Один царь решил задать большой пир. По всей стране разослал глашатаев объявить об этом пире, чтобы пришли люди любого звания и не только насладились щедрым угощением, но были бы оделены несчетным богатством. Когда глашатаи проходили по городам и замкам, чтобы оповестить всех о царском пире, их в одном городе услышали двое людей — один крепкий и сильный, но слепой, другой хромой и слабый, но наделенный острым зрением. Слепой говорит хромому: «Любезнейший, увы нам: по всему царству объявлено, что царь задает богатый пир, где подадут не только какие кто пожелает кушанья, но и одарят всякого немалым богатством. Ты хромой, а я слепой, значит, мы не можем присутствовать на пиру». Хромой говорит: «Если слушаешь моего совета, мы попадем туда оба и, как все остальные, получим богатства и насладимся пиром». Слепой отвечает: «Всякий полезный нам совет я готов принять». Хромой говорит: «Ты крепок и силен телом, я же слаб, ибо хромаю; посади меня на закорки, и я буду указывать дорогу, так как хорошо вижу, и мы оба сможем побывать на пиру и, как всем остальным, нам дадут подарок». Слепой сказал: «Аминь, говорю тебе, это отличный совет. Сейчас же садись мне на спину». Так они и сделали — хромой указывал дорогу, а слепой его нес. Оба побывали на царском пиру и тоже получили свою долю богатства.

31 (72)

О возмездии неблагодарным

Рассказывают, что некий царь очень любил своего единственного сына и воспитывал его со всяческой заботой. Когда сын вошел в возраст, он всякий день стал уговаривать отца уступить ему царство, ибо отец-де уже немощен, а сам он полон сил. Царь говорит: «Любезнейший, если я могу быть уверен, что всю свою жизнь ты будешь с сыновней лаской и почтительностью обходиться со мной, я сделаю то, о чем ты просишь, и выкажу подлинно отцовскую любовь». Сын в ответ: «Господин, я поклянусь перед лицом ваших советников и вельмож, что ни в чем вам не будет отказа и я буду чтить вас превыше себя». Царь, поверив словам сына, отдал ему царство, себе же из богатств не оставил ничего. Когда сын был коронован и взошел на престол, сердце его больше, чем можно себе помыслить, преисполнилось высокомерия и гордыни. В течение нескольких лет молодой царь все же выказывал отцу почтение, но впоследствии лишил и почестей и благ. Старик тогда пожаловался царским советникам, что сын его не сдержал данного ему слова. А мудрые советники эти, всегда его любившие, стали пенять молодому царю на то, что он дурно обращается со своим отцом. Тот разгневался на эти слова и заточил отца в каком-то замке, куда никому не было доступа, и там пленник терпел голод и всяческую нужду.

Случилось однажды молодому царю заночевать в этом замке, отец явился к нему и говорит: «Сын мой, сжался над своим старым отцом, который произвел тебя на свет и все тебе отдал. Здесь я страдаю от голода и жажды и сильно ослаб, так что нуждаюсь в вине». Молодой царь на это: «Я не знаю, есть ли в замке вино». Старик в ответ: «Вы не знаете, сын мой, что здесь у сенешаля стоят пять бочек, которые он не смеет открыть и дать мне немного вина; потому я и прошу тебя. Дай мне вина из первой бочки». Сын в ответ: «Не могу, ибо сусло вредно старикам». Старый царь просит: «Дай из второй». А сын ему отвечает: «Не могу. Это вино предназначено для меня и юношей моей свиты». Тогда старый царь просит: «Дай из третьей бочки». Сын говорит: «Не могу, ибо то вино крепко, а ты дряхл и слаб и от него тебе недолго умереть». Старик вновь просит: «Ну, тогда дай из четвертой». Молодой царь говорит: «Не могу, ибо вино это так старо, что стало кислым и в нем немного проку, особенно для тебя». Отец в ответ: «Сын, дай вина хоть из пятой бочки». А тот: «Нельзя, ибо там один отстой; мои царские советники держат эту бочку, чтобы я отравил тебя, напоив этим вином». Отец, слыша такие его слова, пошел прочь. Опечаленный, он тут же тайно сообщил советникам царя о том, как дурно с ним обращается сын, и заклинал их богом помочь ему в его беде. Советники были на стороне старого царя и тотчас взяли в свои руки кормило правления и восстановили его на престоле, а царского сына бросили в темницу, где он умер от горя.

32 (73)

О том, как алчность ослепляет людей

Один римский царь установил такой закон: ежегодно из императорской казны выдавать всякому слепому сто солидов.¹ Случилось так, что 23 товарища оказались в городе Рима и зашли в таверну выпить вина. Они пили и ели там целых семь дней, а когда стали расплачиваться с хозяином, выложили все свои деньги до последней монетки. А он сказал им: «Любезнейшие, тут не хватает ста солидов. Говорю вам: аминь — вы не уйдете отсюда, пока не отдадите мне все до последней четвертушки асса² и не будете свободны от долга». Услышав эти слова, они сказали: «Что нам делать? Откуда взять недостающие деньги?».

Тут один из товарищей и говорит: «Я вам дам хороший совет: император издал закон, по которому всякий слепец может получить из царской сокровищницы сто солидов. Кинем жребий, и на кого он падет, тому выколем глаза, и он сможет пойти во дворец получить свои сто солидов и выволить остальных». Все сказали: «Отличная мысль!».

И вот кинули жребий, и жребий пал на того, кто подал этот совет. Тут же этого человека ослепили, довели до дворца, и он постучал в ворота. Привратник спросил, зачем он пришел, а он говорит: «Слепой хочет получить обещанные законом деньги». Привратник в ответ: «Я доложу сенешалю». Он идет к сенешалю и говорит ему: «Тут пришел какой-то слепой и

просит денег». Сенешаль в ответ: «Пойду взгляну на него». Когда он увидел этого слепого, внимательно на него посмотрел, узнал и говорит: «Любезнейший, что тебе угодно?». А тот: «Прошу выдать полагающиеся мне по закону сто солидов». Сенешаль сказал: «Аминь, говорю тебе, ибо вчера видел тебя в таверне, и ты был зряч на оба глаза. Ты не понял закона. Он подразумевает людей, ослепших от какого-нибудь недуга или из-за случайности, от которой они не могли уберечься, и им обещает помощь. Ты же лишился глаз по собственной своей воле; я ведь знаю, что ты бражничал в таверне и подал совет, жертвой которого сделался сам; теперь проси помощи у своих товарищей, здесь же не получишь и обола».³ Слепой, услышав эти слова, ушел в смущении.

33 (74)

О предусмотрительности и предвидении

Жил некогда один царь; у него был единственный сын, которого царь очень любил. Царь этот велел мастерам сделать драгоценное золотое яблоко. Когда яблоко было сделано, царь смертельно заболел, призвал к себе сына и говорит: «Любезнейший мой сын, я не исцелюсь от этого недуга; с моего благословения обойди с золотым яблоком, которое мне сделали мастера, царства и замки и от моего имени вручи его

тому, кто покажется тебе самым глупым человеком». Сын обещал неукоснительно исполнить волю отца, царь повернулся лицом к стене и испустил дух. Сын честь честью схоронил отца.

Сразу после похорон он взял яблоко и стал обходить различные царства и замки, встречал многих глупцов, однако никому не отдал свое яблоко. Наконец он дошел до столицы некоего царства. Посреди города он увидел царя, проезжавшего верхом в окружении большой свиты, и стал спрашивать у прохожих горожан, каков закон этого царства. Они сказали ему: «Закон здесь таков, что царь правит не более года; когда год кончается, царя отправляют в изгнание, где он умирает жалкой смертью». Услышав эти слова, царевич подумал: «Я нашел того, кого долго искал».

Он направился к царю, приветствовал его, склонив колени, и сказал: «Привет тебе, царь! Мой покойный отец в завещании отказал тебе это золотое яблоко». Царь взял яблоко и говорит: «Любезнейший, как это может быть? Ведь отец твой никогда меня не видел и я ничем не послужил ему. Почему же он отказал мне столь драгоценную вещь?». Царевич говорит: «Царь-государь, отец завещал яблоко в такой же мере вам, как другому: с его благословения я должен вручить яблоко самому большому глупцу, какого встречу; обойдя многие царства и замки, воистину я не нашел такого глупца и недоумка, как вы, и потому по воле своего родителя вручил яблоко вам». Царь говорит: «Прошу тебя, скажи, почему ты считаешь меня величайшим глупцом?». Юноша отвечает: «Вот, владыка,

я тебе сейчас поясню. В этом царстве господствует обычай, чтобы царь правил только в течение одного года; когда же он истечет, царя принято лишать всех почестей и богатств и отправлять в изгнание, где он умрет жалкой смертью. Аминь, говорю вам и заключаю из этого, что во всем свете не сыщется такой глупец, как вы: столь малое время вы царствуете, а после этого так жалко кончаете свою жизнь». Царь отвечает: «Все, что вы сказали, без сомнения, справедливо, и потому, пока власть еще в моих руках, я переправлю немало богатств в место моего изгнания, чтобы, лишившись царства, жить, не зная нужды, сколько мне суждено». Так и случилось: к концу года царь был свергнут, отправлен в изгнание, прожил на свои богатства много лет и окончил дни в мире.

34 (76)

О взаимном согласии

В одном городе случилось двое врачей, весьма искусных во всяком медицинском знании, которые всех, кто к ним обращался, исцеляли от любого недуга, так что люди не могли решить, который из них лучше. Со временем у них пошел спор, кто выше и искуснее в своей науке. И вот один говорит другому: «Любезнейший друг, пусть между нами не будет разладу, ненависти и спора о том, который из нас выше; сделаем поэтому испытание, и кто окажется побежден-

ным, пусть станет слугой искуснейшего». Второй спрашивает: «Скажи, а что это будет за испытание?». Первый в ответ: «Я безо всякого для тебя отягощения выну из глазниц оба твои глаза и положу перед тобой на стол, а когда захочешь, вставлю назад, так что ты ничего не почувствуешь. Если сделаешь надо мной то же самое, значит ни один не уступает другому, и мы будем впредь жить как братья. Кто покажет меньшее искусство, будет слугой победителя». Товарищ его в ответ: «Это справедливое решение, оно мне весьма по душе».

И вот врач, который предложил учинить испытание, взял ножички, смазал глаза своего товарища с внешней и внутренней стороны какой-то целебной мазью, затем вынул оба его глаза и, положив перед ним на стол, говорит: «Любезнейший, ну как?». «Я чувствую только, что ничего не вижу, ибо лишился глаз, но не испытываю при этом никакой боли. Теперь же хочу только одного, чтобы ты, как обещал, вставил их назад». Тот в ответ: «Охотно». И, как прежде, помазал глаза мазью с внешней и внутренней стороны, вставил их на место и спросил: «А сейчас как, любезнейший?». Товарищ его отвечает: «Отлично, ибо не почувствовал боли, когда ты вынул у меня глаза».

Тут первый говорит: «Пришла твоя очередь сделать то же самое со мной». Второй в ответ: «Я готов». Он взял свои ножички и мазь, намазал, подобно первому врачу, глаза своего товарища с наружной и внутренней стороны, а затем вынул их, положил перед ним на стол и говорит: «Любезнейший, ну как?». А тот: «Чув-

ствую, что у меня нет глаз, но не испытал и малого страдания. Очень хочу, однако, чтобы ты вставил глаза обратно».

Пока шли приготовления к этому, в открытое окно влетел ворон и, увидев лежащие на столе глаза, тут же схватил один и был таков. Врач глубоко опечалился, заметив это, и сказал себе: «Если не верну своему другу глаз, сделаюсь его слугой». Глянув в окно, он издали заметил козу, вырезал у нее глаз и вставил на место унесенного вороном. Затем сказал своему другу: «Любезнейший, ну а теперь как?». Тот в ответ: «Я не почувствовал и малейшей боли, ни когда ты вынул глаза, ни когда вставил. Только вот один глаз у меня все норовит смотреть на верхушки деревьев». Друг ему: «Теперь ясно, что я показал на тебе великое искусство, как ранее ты свое на мне. Признаем же отныне, что мы в равной мере искусны, и не будем соперничать!». С той поры оба эти врача так и прожили, никогда не споря друг с другом.

35 (77)

**О том, что не следует зариться
на богатство**

У одного царя были две дочери. Одна — редкая красавица, которую все любили, вторая — всем ненавистная чернавка. Видя, что одна дочь прекрасна, а вторая черна, царь дал

им такие имена: красавицу он назвал Розимундой, чернавку — Великой Пользой. Он послал гонца объявить по всей стране, чтобы молодые люди приходили свататься, ибо за достойных он отдаст замуж своих дочерей. Тот, кто возьмет красавицу, получит за ней только ее красоту, к тому же, кто пожелает жениться на чернавке, после его смерти перейдет царство. Многие, услышав этот клич, стекались ко двору и, увидев двух царских дочек, шли к красивой и просили ее в жены. Великая Польза же, чернавка, горько плакала. Царь тогда говорит ей: «Дочь моя, почему ты так убиваешься?». Она говорит: «О, государь, никто ко мне не идет и со мной не говорит; все спешат к моей сестре, а меня презирают». Отец в ответ: «О, дочь моя, ты не знаешь, что все мои богатства принадлежат тебе, тот же, кто возьмет тебя в жены, наследует царство». Утешенная этими словами, некрасивая дочь перестала плакать.

Вскоре к царскому двору явился какой-то властитель и, увидев красоту Розимунды, попросил девушку в жены, готовый заместо приданого взять ее красоту. Царь согласился и с великим веселием отдал ее замуж. Вторая дочь много лет оставалась непросватанной. Наконец какой-то благородный, но бедный владетельный князь стал так раздумывать: «Будь царева дочь как угодно дурна, тот, кто возьмет ее замуж, вместе с нею получит и царство». И вот он пришел к царю и попросил в жены Великую Пользу. Царь обрадовался и с превеликим ликованием отдал дочь замуж за него, а после смерти царя человек этот получил царство.

36 (79)

**О том, что человек не должен предполагать
того, чего не знает**

Жил некий царь; он до того любил маленьких собачек, которые звонко лают, что разрешал им спать у себя на коленях и на коленях же своих их кормил. Собачки привыкли так спать и есть и нигде больше не хотели лежать, а лапы свои клали царю на шею. Ему же это нравилось, и он забавлялся своими собачками. Глядя на все это, осел рассуждал сам с собой так: «Если я буду петь и плясать перед царем и положу на шею ему ноги, он будет давать мне лакомства и позволит спать на своей постели». С такими думами он вышел из своего стойла, вошел в залу и начал петь и танцевать перед царем, а затем подбежал и положил ему ноги на шею. Слуги, увидя это, подумали, что осел взбесился, схватили его, примерно отлупили и отвели обратно в стойло.

37 (81)

**О чудесном и божественном предназначении
и рождении папы Григория**

У премудрого царя Марка¹ были любимые сын и дочь. Когда его пристигла старость, царь тяжело захворал и, почувствовав, что смертный час близок, призвал всех советников государ-

ства и говорит: «Любезнейшие, хочу вам сказать, что сего дня мне предстоит отдать дух свой господу. Ни о чем не тревожится так мое сердце, как о дочери, что не успел отдать ее замуж, и потому, сын мой и наследник, повелеваю тебе под страхом лишиться моего благословения найти ей достойного мужа, а пока оказывать не меньший почет, чем оказывают тебе самому». С этими словами он повернулся лицом к стене и испустил дух.

Смерть царя единодушно оплакивали в государстве, и тело его торжественно предали погребению. После этого сын стал весьма рассудительно править, оказывал подобающие почести своей сестре, которую до того любил, что всякий день, даже и в присутствии вельмож, трапезовал за одним столом с сестрой, сидя в кресле напротив нее, а спали они в одном покое на разных постелях. Однажды ночью царь впал в великое искушение и ему показалось, будто испустит дух, если не насытит вождение к собственной сестре. Он встал с постели, подошел к спящей царевне и разбудил ее. Потревоженная столь внезапно, она говорит: «Господин, зачем ты пришел в такой поздний час?». Он отвечает: «Если не сотворю с тобою любви, умру». Она говорит: «Да не совершу я подобного преступления! вспомните, как отец наш перед смертью своим благословением обязал вас оказывать мне всяческое уважение. Если свершится теперь столь тяжкий грех, не избежать тебе ни божеского воздаяния, ни людского осуждения». Он говорит: «Будь что будет, а я исполню свое желание». И царь спал с сестрой, а после вер-

нулся на свою постель. Она горько плакала и никак не могла успокоиться. Царь же как мог старался ее утешить и — удивительное дело — все более и более ее любил.

Через полгода примерно после этой ночи она сидела в кресле своем за столом и брат, внимательно взглянув на нее, сказал: «Любезнейшая, что с тобой? Лицо твое побледнело, а под глазами сделались черные круги». Она в ответ: «Это не мудрено, ибо я тяжела и от этого недомогаю». Услышав ее слова, царь больше, чем можно себе вообразить, опечалился; он горько плакал и говорил: «Да будет проклят день, когда я родился, и что мне делать, не знаю». Царевна сказала: «Господин, послушай моего совета и не пожалеешь; мы с тобой не первые и не последние, кто тяжело погрешил перед богом. Недалеко отсюда живет один старый рыцарь, советник нашего отца, с которым отец наш всегда совещался. Позови его, и как на духу мы расскажем ему про все. Он подаст нам полезный совет, и мы сможем умилоствовать бога и избежать людской укоризны». Царь говорит: «Я согласен, но вперед постараемся получить прощение у бога».

И вот оба они чистосердечно и с великим сокрушением исповедались, затем послали за рыцарем и все ему доверительно со слезами рассказали. А он: «Государь, раз бог отпустил вам, послушайте мой совет, как избежать людского осуждения. Из-за прегрешений ваших и вашего отца надобно вам пойти в святую землю, а сейчас созвать всех вельмож государства и сказать им следующее: „Любезнейшие, я собираюсь от-

правиться в святую землю; как вы знаете, кроме сестры, у меня нет наследника, которому в отсутствие мое вам надлежало бы повиноваться, как моему величеству". Потом вам следует сказать мне в присутствии всех своих вельмож: „Тебе, любезнейший, я говорю под страхом смерти, чтобы ты опекал мою сестру". Я же в такой тайности возьму ее и заботливо буду блюсти, что никто ни во время родов ее, ни до них, ни после ничего не узнает, даже собственная моя жена». Царь говорит: «Это хороший совет. Все, что вы мне сказали, я исполню». Тут же он созвал всех своих вельмож и во всем исполнил вышеупомянутый совет старого рыцаря.

Когда царь произнес свою речь к вельможам, он попрощался со всеми и отправился в святую землю, а рыцарь госпожу, сестрицу государя, перевез в свой замок. Жена его, увидев царевну, побежала к своему мужу и говорит: «Господин, сделай милость, скажи, кто эта госпожа?». Он говорит: «Наша царевна, сестра царя. Поклянись мне всемогущим богом, что под страхом смерти сохранишь в тайне то, что я тебе сейчас расскажу». Она в ответ: «Я согласна, господин». Когда она поклялась, рыцарь говорит: «Царевна наша понесла от царя, поэтому строго-настрого приказываю тебе, чтобы ни одна живая душа не прислуживала ей, кроме тебя, и так начало, середина и конец этой истории будут сохранены в тайне». Жена в ответ: «Все будет соблюдено».

Цареву сестру отвели в особый покой и содержали подобающим образом. Когда пришло ее

время, царица родила пригожего мальчика. Рыцарь, узнав об этом, сказал царице: «Любезнейшая госпожа, нужно позвать священника, чтобы окрестить ребенка». Она говорит: «Я дала клятву богу, что не окрещу ребенка, который родился от брата и сестры». Рыцарь говорит: «Знайте, что вы и государь мой совершили тяжкий грех, но из-за этого не надо губить душу вашего сына». «Я дала обет и не нарушу его. Приказываю тебе принести мне пустую бочку». Он в ответ: «Хорошо».

Рыцарь принес ей бочку, а она пристойно положила мальчика в колыбель и на маленьких табличках² написала следующее: «Любезнейшие, знайте, что мальчик этот не крещен, ибо происходит от связи брата и сестры. Ради бога, окрестите его. Под головой младенца вы найдете золотые, на которые взрастите его, а в ножках серебро — эти деньги пусть будут употреблены на его учение». Когда все это было написано, царица положила таблички в колыбель под бок мальчика, серебро в ножки, золото под голову. Затем царица накрыла колыбель шелковой золотоганной материей и приказала рыцарю поставить ее в бочку, а бочку пустить по морю, чтобы она поплыла, куда богу будет угодно. Рыцарь все это исполнил. Когда бочка была брошена в море, он не уходил, пока она не скрылась с глаз, а потом пошел назад к царице.

Вблизи своего замка он повстречался с царским гонцом из святой земли и говорит ему: «Любезнейший, откуда идешь?». Тот отвечает: «Из святой земли». «Каковы новости?». А гонец: «Государь мой царь умер, и тело его из

святой земли доставлено в один из его замков». Слыша это, рыцарь горько заплакал. Подошла его жена и, когда узнала о смерти императора, стала горевать сильнее, чем себе можно вообразить. Рыцарь овладел собой и говорит своей жене: «Не надо плакать, чтобы государыня наша не узнала о беде. Мы ей ничего не скажем, пока она не оправится после родов». Затем рыцарь вошел в покой царицы. Жена его последовала за ним. Когда царица их увидела и заметила, что они печальны, говорит: «Любезнейшие, почему вы опечалены?». Жена рыцаря: «Нам не грустно, а скорее радостно оттого, что вы избавились от большой опасности, которая вам грозила». Царица ей: «Это неправда. Скажите мне, не тая ни хорошего, ни плохого». Тогда рыцарь говорит: «С новостями прибыл из святой земли гонец нашего царя и вашего брата». Она сказала: «Позовите сюда гонца!». Когда тот вошел, царица говорит ему: «Что ты знаешь о моем государе?». Гонец отвечает: «Государь ваш умер, и прах его перенесен из святой земли в его замок и будет похоронен в усыпальнице рядом с вашим родителем».

При этих словах царица упала на землю. Рыцарь, видя ее горе, тоже упал на землю, а вслед за ними жена рыцаря и гонец. Все они от великого горя долго лежали без голоса и чувств. Наконец царица поднялась на ноги, стала рвать на себе волосы, до крови царапать лицо и громко закричала: «Увы мне! Да будет проклят день, когда зачали меня родители, не говоря уже о том, когда я родилась на свет. Сколько я приняла горя! В жизни моей все со-

шлое вместе — погибла надежда моя, крепость моя, единственный мой брат, половина души моей. Что стану я теперь делать, не знаю». Рыцарь овладел собой и говорит: «О, любезнейшая госпожа, послушайте меня. Если от душевной тоски ты лишишь себя жизни, погубишь свое царство. Ты теперь осталась одна, и по закону наследования царство достается тебе. Если же убьешь себя, оно перейдет в чужие руки. Пойдем туда, где лежит твой брат, и похороним его с почестью, а затем озаботимся об управлении царством».

Ободренная словами старого рыцаря, царица поднялась с кресла и с почетной свитой отправилась в замок своего брата. Когда она вошла туда и увидела тело царя на погребальном ложе, упала на него и целовала с ног до головы. Рыцари из-за великой ее печали вывели царицу из усыпальницы, проводили в покой, тело же царя похоронили с почетом. После этого некий бургундский герцог послал к ней посольство с торжественным предложением вступить с ним в брак. Она ответила: «Сколько буду жить, не выйду замуж». Получив такой ответ, посольство передало ее слова своему господину. Герцог разгневался и говорит: «Если бы я взял ее в жены, стал бы царем той земли, но раз она отвергает меня, недолго ей суждено наслаждаться своей властью». Герцог собрал войско, вступил в ее царство, жег, убивал, творил великое зло и во всех битвах оказывался победителем. Царица бежала в какой-то надежно укрепленный город, в котором был неприступный замок, и осталась там на многие годы.

Но вернемся к брошенному в море мальчику. Бочка с младенцем проплыла мимо многих царств, пока спустя шесть дней не оказалась вблизи одного монастыря. В этот день настоятель монастыря отправился на берег моря и сказал своим рыбакам: «Любезнейшие, собирайтесь выйти в море!». Они стали готовить свои сети, а пока занимались сетями, морские волны прибили к берегу бочку. Настоятель говорит своим слугам: «Смотрите, бочка! Откройте ее и узнайте, что там!». Они открыли, и — гляди-ка — младенец, прикрытый богатыми тканями, взглянул на настоятеля и засмеялся, а настоятель при виде его опечалился и говорит: «Бог мой, что это мы находим — здесь мальчик в колыбели?». Он своими руками вынул младенца из колыбели, под боком его нашел таблички, которые его мать туда положила, открыл их и прочел, что мальчик этот рожден от брата и сестры и не крещен, но мать его просила, чтобы из любви к богу над ним совершили таинство крещения, а затем взрастили на золото, которое лежит у него в головах; серебро же, положенное в ноги, отдали за его обучение.

Прочитав таблички и разглядев колыбель с дорогими тканями, настоятель понял, что мальчик благородного происхождения, тотчас же окрестил его, нарекши собственным своим именем — Григорием, и отдал мальчика на попечение одному рыбаку, которому вручил найденные при младенце деньги. Мальчик между тем рос, и все его любили. Когда Григорию исполнилось семь лет, настоятель отдал его учителю, и он показал чудесные успехи в науках. Все мо-

нахи любили Григория как своего брата. Мальчик в короткое время всех превзошел в науках. Однажды Григорий играл в мяч с сыном рыбака (он считал себя сыном упомянутого человека) и нечаянно попал в него мячом; тот горько заплакал от полученного удара и стал жаловаться матери, говоря: «Брат мой Григорий сделал мне больно». Услышав это, мать вышла на улицу и начала сердито выговаривать ему: «Григорий, как ты смел обидеть моего сына, когда мы даже не знаем, кто ты и откуда взялся». Он в ответ: «Сладчайшая мать, разве я тебе не сын? Зачем ты упрекаешь меня такими словами?». Она отвечает: «Ты не мой сын, и откуда ты взялся, не знаю; мне известно только, что ты был найден в бочке и настоятель дал мне тебя на воспитание».

Когда Григорий это услышал, он горько заплакал, побежал к настоятелю и говорит: «Владыка мой, я долго прожил с вами и считал себя сыном рыбака. Поскольку это не так и я не знаю своих родителей, если будет твоя милость, определи меня на воинскую службу, ибо долее я здесь не останусь». Настоятель говорит: «Сын мой, брось эти мысли! Все наши монахи так тебя любят, что после моего отшествия поставят тебя настоятелем». Он в ответ: «Владыка, конечно, я не успокоюсь, пока не найду своих родителей». Тогда настоятель порылся в своем ларчике, вынул таблички, которые были положены в колыбель, и показал их Григорию со словами: «Теперь, сын мой, внимательно прочитай их и узнаешь, кто ты». Когда он прочел, что рожден от брата и сестры, упал на землю и

говорит: «Увы мне, сколь грешны мои отец и мать! Я пойду в святую землю и из-за прегрешения их буду сражаться с неверными и окончу там свою жизнь. Поэтому, владыка, прошу тебя: определи меня на воинскую службу». Так настоятель и сделал. Когда Григорий получил разрешение уйти, монахи подняли громкий плач, народ опечалился, и кругом стоял стон.

Григорий направился к морю и сговорился с корабельщиками, что они доставят его во святую землю. Во время плавания дул противный ветер и корабль отнесло в тот город, где в неприступном замке жила мать Григория. Что это был за город и что за царство, корабельщики не знали. Когда воин Григорий вошел в город, ему повстречался какой-то горожанин, который сказал ему: «Господин, куда вы направляетесь?». Он в ответ: «Ищу пристанища». Горожанин тогда повел Григория и его слуг к себе в дом и богато принял. Когда все сидели за столом, господин Григорий сказал хозяину: «Господин, что это за город и кто владыка этой земли?». Тот в ответ: «Любезнейший, наш император был весьма могуществен, но он погиб в святой земле и не оставил иного наследника, кроме своей сестры. Некий герцог пожелал взять ее в жены, но она не хотела вступать в брак. Герцог разгневался на это и завоевал все ее царство, кроме одного этого города». Воин Григорий говорит: «Могу я доверить тебе сердечное мое желание?». Тот: «Господин, разумеется, спокойно положитесь на меня». Григорий говорит: «Я — воин; если будет твоя милость, сходи завтра во дво-

рец и скажи сенешалю, что, если положит мне жалованье, этот год я буду сражаться с врагами царицы». Горожанин отвечает: «Не сомневайся, господин, что всем сердцем она обрадуется твоему приходу. Завтрашний же день я схожу во дворец и все устрою».

Утром он встал, пошел к сенешалю и рассказал о прибытии воина в их город. Тот обрадовался и отрядил за Григорием слугу. Когда Григорий явился, сенешаль представил его царице и весьма лестно о нем отозвался. Царица внимательно посмотрела на вошедшего воина, но не догадалась нисколько, что это ее сын, так как считала его много лет назад утонувшим в море. В присутствии царицы сенешаль уговорился с Григорием, что в течение года тот будет у нее на службе. На следующий день Григорий стал готовиться к войне. Появился и герцог с внушительным войском. Господин Григорий начал сражение, пробился сквозь вражеские ряды и встретился с герцогом, которого поразил насмерть и обезглавил, и так одержал победу над врагами. После этого успехи Григория день ото дня множились, и молва о нем распространилась повсюду, так что еще до окончания положенного срока Григорий отвоевал у врагов все царство. Тогда он пришел к сенешалю и говорит: «Любезнейший, вы знаете, в каком положении я застал ваше государство и в какое его привел. Поэтому прошу тебя, дай мне полагающееся мне жалованье, ибо я собираюсь отправляться в другое царство». Сенешаль говорит: «Господин, ты заслужил больше, чем должен от нас получить по уговору, поэтому я пойду к нашей госуда-

рыне, чтобы она распорядилась касательно твоего положения и жалованья».

Сенешаль пришел к царице и говорит: «Любезнейшая государыня, я хочу дать вам полезный совет: мы терпим беды, так как нет над нами главы. Тебе следует выйти замуж за человека, который обеспечит нам в дальнейшем безопасность. Царство ваше процветает, поэтому я советую вам не богатства ради взять супруга. Не знаю, кого более подходящего для поддержания вашей славы и более желанного всему народу, чем господин Григорий, вы могли бы сыскать». На такие речи царица всегда отвечала: «Я поклялась богу, что никогда не пойду замуж». Но после слов сенешаля попросила дать ей день на размышление. Когда настал срок, царица в присутствии многих сказала: «Так как господин Григорий доблестно освободил из вражеских рук нас и наше царство, я пойду за него замуж». Все, слыша это, возликовали; был назначен день их бракосочетания, и оба, сын с родной матерью, с одобрения и к великой радости народа были соединены браком, но не знали, что они мать и сын. Они испытывали друг к другу большую любовь.

Однажды господин Григорий отправился на охоту. Одна служанка говорит царице: «Любезнейшая государыня, разве вы чем-нибудь обидели нашего государя?». Царица в ответ: «Нет, ничем. Я думаю, на свете не сыщется двух супругов, которые бы так любили друг друга, как господин мой и я. Но скажи мне, любезнейшая, почему ты это спросила?». Служанка в ответ: «Всякий день, когда накрывают стол, наш госу-

дарь веселым входит в свой покой, выходя же оттуда, вздыхает и плачет, а затем умывает лицо. Но почему, не знаю». Когда царица это услышала, вошла в тот покой, внимательно рассмотрела там каждую щелочку, пока не дошла до того места, где лежали таблички, в которых Григорий имел обыкновение всякий день читать про то, что он рожден от брата и сестры, и горько плакать. Это были те самые таблички, которые нашли в его колыбели. Царица тотчас узнала таблички, открыла их, прочитала слова, написанные ее рукой, и подумала: «Никогда этот человек, не будь он моим сыном, не стал бы перечитывать эти таблички». Тут она начала громким голосом кричать и причитать: «Увы мне, что я родилась на этот свет и дожила до этих лет! Лучше бы в день моего зачатия мать моя погибла!».

На этот крик царицы к ней сбежались ее рыцари и слуги и нашли ее лежащей на полу. Долгое время они простояли над ней, пока царица смогла вымолвить слово. Наконец она открыла рот и говорит: «Если вам дорога моя жизнь, тотчас же същите государя». Слыша это, воины немедленно сели на коней, поскакали в лес и говорят императору: «Государь, царица лежит при смерти». Он бросил охоту, поспешил в замок и вошел в покой, где лежала царица. Увидев его, она говорит: «О, господин, пусть все, кроме вас, выйдут, чтобы никто не слышал, что я вам скажу». Когда все вышли, царица молвила: «Любезнейший, какого ты рода, скажи мне!». Григорий говорит: «Это удивительный вопрос, ибо ты знаешь, что я пришел сюда

из дальней земли». Она ему: «Богом клянусь, если ты не скажешь мне правду, я тотчас умру». Григорий говорит: «В прошлом я бедняк, у которого не было ничего, кроме оружия, каковым я вернул свободу вам и вашему царству». Царица ему: «Скажи мне только, из какой ты земли и кто твои родители. Если не скажешь правду, более я не притронусь к еде». Григорий ей: «Скажу вам всю правду. Настоятель одного монастыря опекал меня с младенческих лет и часто говорил, что нашел меня в колыбели, стоявшей в бочке, и с того времени он заботился обо мне до тех пор, пока я не пришел сюда».

Когда царица услышала эти слова, показала ему таблички и говорит: «Тебе знакомы эти таблички?». А он, взглянув на них, упал на землю. Царица говорит: «Сладчайший, ты — мой единственный сын, мой супруг и мой господин, ты сын мой от брата. О, сладчайший сын мой, как только ты родился, я заключила тебя в бочку и положила с тобой эти таблички. Увы мне, лишь только я родилась, господи боже мой, меня обступили несчетные беды. Я познала своего брата и от него родила тебя. О, если бы земля поглотила меня, чтобы глаз людской меня не видел и я никогда не лежала бы в материнском чреве». Царица билась головой об стену и причитала: «Господи боже мой, вот сын мой, супруг мой и сын брата моего». Господин Григорий говорит: «Я думал, что избежал опасности, а попал в сеть диавола. Отпусти меня, государыня, чтобы я оплакал свое горе! Увы мне, увy вам, мать моя, подруга

моя, жена моя! Вот как диавол опутал меня». Когда мать увидела, что сын ее так убивается, говорит: «О, сладчайший сын, из-за нашего греха я стану на все дни жизни моей странницей, ты же управляй царством». Он в ответ: «Да не будет того! Ты оставайся здесь, а я пойду странствовать, пока господь не отпустит нам грехи».

Григорий встал ночью, сломал свое копье, надел одежду паломника, попрощался с матерью и шел босой, пока не покинул пределы своего царства, затем глубокой ночью он пришел в какой-то город и в доме одного рыбака попросил Христа ради приюта. Когда тот внимательно посмотрел на Григория и увидел, как соразмерно и изящно он сложен, то сказал: «Любезнейший, ты не странник; это ясно видно по твоему облику». Григорий ему: «Хотя я и не был бы странником, Христа ради приюти меня на эту ночь». Жена рыбака, движимая чувством милосердия, стала просить, чтобы муж впустил его. Когда Григорий вошел, попросил постелить себе в сенях, а рыбак дал ему рыбы, воды и хлеба и между прочим сказал: «Странник, если стремишься к беспорочной жизни, ступай в пустынное место». Тот: «Господин, я охотно послушался бы твоего совета, но не знаю такого места». Рыбак говорит: «Завтра пойдем со мной, и я свезу тебя туда». Григорий ему: «Да воздаст тебе за это бог». Действительно, утром рыбак разбудил гостя, и Григорий так заторопился, что оставил свои таблички в сенях. Рыбак вместе с Григорием сел в лодку и плыл целых 16 миль, пока не достиг

какой-то скалы; он надел на ноги Григорию оковы, которые можно было открыть только ключом, и, замкнув их, бросил ключ в море и воротился домой.

Семнадцать лет Григорий провел в покаянии. Между тем умер папа. Когда это случилось, с неба раздался глас: «Ищите человека божьего по имени Григорий и поставьте его наместником господина на земле». Слыша это, те, кому надлежало избирать папу, весьма обрадовались и разослали по всему свету гонцов, чтобы сыскать этого Григория. В конце концов гонцы расположились на своем пути в доме рыбака. Сидя за столом, они сказали хозяину: «Любезнейший, мы обошли множество царств и замков в поисках одного святого мужа по имени Григорий, которого должны поставить первосвященником, и все напрасно». А рыбак, вспомнив своего странника, говорит: «Тому семнадцать лет, как какой-то странник по имени Григорий ночевал в этом доме. Я перевез его к одинокой морской скале и оставил там, но уверен, что он давным-давно умер». В самый день прибытия гонцов рыбак ловил рыбу и в брюхе одной, которую вытянул, нашел ключ, 17 лет назад брошенный в море. Тотчас он закричал громким голосом: «Любезнейший, вот ключ, который я бросил в море! Надеюсь, труды ваши, быть может, не пропадут даром».

Слыша эти слова и видя ключ, гонцы весьма обрадовались и, едва встав с постели, попросили рыбака довести их до той скалы, что он и сделал. Когда гонцы добрались до нее и уви-

дела Григория, сказали: «О, Григорий, человек божий, ради всемогущего бога ступай к нам, ибо такова воля господа, и чтобы ты стал его наместником на земле». Григорий в ответ: «Да будет воля его!». Гонимы свели праведника со скалы.

Прежде чем Григорий вошел в город, там сами собой зазвонили все колокола. Слыша это, горожане говорили: «Грядет благословенный иерей, который будет наместником Христа». Все двинулись навстречу Григорию, приняли его с великой почестью и поставили наместником Христовым. В этом сане блаженный Григорий был достоин всяческой хвалы. Слава о нем поэтому облетела весь мир, и повсюду говорили, что папой поставлен человек святой жизни, и много людей стекалось отовсюду, чтобы получить от него совет и помощь. Мать Григория тоже услышала, что наместником Христовым на земле избран человек святой жизни, и подумала так: «К кому мне лучше обратиться, как не к этому святому мужу, чтобы поведать ему историю моей жизни?». Однако она нимало не подозревала, что это ее сын и супруг. Царица пришла в Рим и исповдалась наместнику Христову. До этой исповеди они не узнавали друг друга, но когда папа выслушал исповедь царицы, он по многим приметам узнал ее и говорит: «О, сладчайшая мать моя, жена и подруга, дивно молотился ввергнуть нас в преисподнюю, но — благодарение богу — мы ее избежали». Царица, слыша это, упала к его ногам и от радости горько заплакала. Папа поднял ее с земли и основал во имя своей

матери-царицы монастырь, настоятельницей которого поставил ее. Немного времени спустя оба они отдади души свои богу.³

38 (80)

**О коварстве дьявола и о том,
сколь неисповедимы суды божии**

Один отшельник затворился в пещере; дни и ночи он право служил богу. Вблизи его келии жил пастух, пасший овец. Однажды случилось, что пастух днем заснул. Когда он спал, пришел какой-то вор и угнал все стадо; хозяин стада стал спрашивать с пастуха пропавших овец. Тот признался, что их потерял, а как — и сам не знает. Тогда хозяин стада в ярости убил пастуха. Отшельник все это видел и говорит в сердце своем: «Господи, вот человек этот винил невинного и зазя его убил. Раз ты допускаешь такое, я ворочусь в мир и буду жить, как все прочие люди». И действительно, отшельник покинул пустыню и пошел в мир.

Но господь не хотел его отпускать и послал к нему ангела в образе человека, чтобы сопроводил его. Когда ангел встретил идущего дорогой отшельника, говорит ему: «Любезнейший, куда держишь путь?». А тот: «В ближний город». Ангел сказал ему: «Я буду сопровождать тебя, ибо я ангел божий и пришел к тебе, чтобы быть тебе спутником». И вот оба они зашагали к городу. Когда же пришли туда, Христа

ради попросили у какого-то рыцаря приюта. Рыцарь гостеприимно их встретил и принял с почетом и щедростью. У рыцаря этого был единственный сын, младенец, еще лежащий в колыбели, которого он очень любил. После ужина хозяин проводил отшельника и ангела в спальню, где им заботливо были постланы постели. В полночь ангел встал и задушил спавшего в колыбели младенца. Видя это, отшельник подумал: «Неужто он ангел божий? Рыцарь дал ему приют Христа ради, и ничего у него нет, кроме сына, невинного младенца, а спутник мой взял и ни за что ни про что его убил!». Но отшельник не посмел ему ничего сказать.

Поутру оба они встали и отправились в другой город, где были с почетом встречены и со щедростью приняты в одном доме. У их хозяина был золотой кубок, которым он весьма дорожил. В полночь ангел встал и положил в свой кошель этот кубок. Видя это, отшельник подумал: «Истинно, это ангел зла; ведь наш хозяин обошелся с нами как нельзя лучше, а он взял себе его кубок». Однако и тут отшельник ничего не сказал ангелу, ибо страшился его.

Поутру оба они встали, отправились в путь и шли, пока не оказались у реки, через которую вел мост. Они взошли на мост и повстречали нищего. Ангел говорит: «Любезнейший, укажи нам дорогу в город». Нищий обернулся и пальцем показал на дорогу. Когда нищий зашагал в противоположную сторону, ангел, внезапно схватив его за плечи, столкнул в воду, и нищий утонул. Отшельник увидел, что тот

сделал, и сказал в своем сердце: «Теперь я не ложно знаю, что это диавол, а не ангел божий. Что худого совершил этот нищий, а мой спутник его убил?».

С того самого часа отшельник захотел уйти от ангела, но не смел и ничего своему спутнику не сказал. Под вечер они пришли в город и постучали в дом какого-то богача и Христа ради попросили приюта. Тот без лишних слов отказал. Ангел божий говорит: «Христа ради пустите нас хотя бы под крышу, чтобы волки или другие дикие звери нас не пожрали». Богач говорит: «Вот свиной хлев, если угодно вам ночевать вместе со свиньями, извольте, а нет — ступайте, другого места для ночлега я вам не дам». Ангел говорит ему: «Если иначе нельзя, мы переночуем в хлеву рядом с вашими свиньями». Так они и сделали. Поутру, когда путники встали, ангел позвал хозяина и говорит: «Любезнейший, вот я даю тебе кубок». И дает ему кубок, который давеча унес из другого дома. Отшельник, глядя на это, сказал себе: «Теперь-то я точно знаю, что он диавол: у доброго человека, который принял нас сердечно, он унес кубок и отдал его этому злому человеку, отказавшемуся впустить нас в дом».

Тут отшельник сказал ангелу: «Больше я не хочу идти вместе с вами, ступайте с богом». Ангел ему: «Выслушайте меня, а потом, если угодно, идите! Перво-наперво, когда ты еще пребывал в пустыне, хозяин безвинно убил своего пастуха. Да будет тебе известно, что пастух тогда не заслуживал смерти, но прежде совершил злодеяние, достойное смерти, тот же

раз на нем не было греха; господь допустил его гибель, чтобы человек этот избегнул посмертного воздаяния за свой старый грех, оставшийся безнаказанным. Тот же, который угнал овец, обречен будет на вечные муки, а хозяин стада, убивший пастуха, искупит свою жизнь, ибо щедро подавал милостыню и втайне творил дела милосердия. Далее. Ночью я задушил сына рыцаря, который оказал нам гостеприимный прием. Знай, что до рождения этого младенца отец его был весьма щедр и творил дела милосердия; когда же у него родился сын, стал скуп, алчен и копил для него богатства, так что младенец стал виновником прегрешений рыцаря. Потому я его убил. Теперь рыцарь стал, как прежде, добрым христианином. Затем я унес кубок того человека, который принял нас с сердечностью. Знай, что прежде, чем этот кубок был выкован, не было на земле более строгого трезвенника, чем он, но кубок так полюбился его владельцу, что тот всякий день по многу раз из него пил и дважды или даже трижды на дню становился пьян. Потому я унес у него кубок, и человек тот стал, как прежде, трезвенником. Затем я сбросил с моста нищего. Знай, что нищий этот был добрым христианином, но, пройди он еще немного вперед, совершил бы смертный грех, убив человека, а теперь он спасен и пребывает в небесной славе. Наконец, я отдал унесенный мной кубок богачу, который отказал нам в приюте. Знай — все на свете имеет свои основания: он отвел нам свинной хлев и потому получил кубок, но, свершив эту жизнь, попадет в преисподнюю.

Потому положи узду на уста свои и не суди дел божиих: богу ведомо все». Услышав эти слова, отшельник пал к стопам ангела и попросил простить его. Он воротился в пустыню и стал добрым христианином.

39 (84)

**О том, что неизменно следует помнить
о благодеяниях божиих**

В царствование Помпея¹ жила одна на диво прекрасная и всех пленявшая дама. Вблизи нее жил красивый собой и благородный рыцарь. Этот рыцарь часто посещал даму и был ею любим. Однажды он увидел сидящего на ее руке сокола, которого страстно захотел иметь, и говорит: «О, добрая госпожа, если когда-нибудь я доставил тебе удовольствие и ты меня любишь, подари мне этого сокола!». Дама говорит: «Хорошо, но с уговором, что ты не настолько привяжешься к нему, чтобы реже бывать у меня». Рыцарь отвечает: «Оборони господь, чтобы что-нибудь стало между нами. Теперь я должен любить тебя даже больше прежнего».

Дама отдала ему сокола, рыцарь с ней попрощался и так занялся птицей, что перестал посещать даму и почти забыл о ней, все дни забавляясь своим соколом. Дама часто посылала за рыцарем слуг, но он не шел. Наконец она написала ему, чтобы тотчас явился, взяв с собою сокола, что рыцарь и сделал.

Когда он переступил порог, дама говорит: «Покажи мне сокола!». Взяв птицу, она на глазах у рыцаря свернула соколу голову. В немалой печали рыцарь говорит: «Госпожа, что же ты наделала?». Она в ответ: «Не печалься, а веселись и радуйся, ибо сокол был причиной того, что ты не стал ходить ко мне, как прежде. Потому я его убила, чтобы ты по-старому меня посещал». Рыцарь, видя, что дама сделала это по доброму побуждению, не стал сердиться на нее и, как раньше, часто начал ходить к ней.

40 (93)

О наследстве и ликовании верной души

Некий богатый человек послал двух своих сыновей учиться, дабы они приобрели знания, обогатили ум и могли встать на свои ноги. По прошествии некоторого времени отец повелел им возвратиться. Узнав его волю, братья поспешили домой. Один из них, весьма довольный необходимостью вернуться, приехал домой и был радостно встречен и сделан наследником. Второй брат, напротив, был огорчен. Когда он вернулся, мать, выбежав навстречу и целуя сына, откусила ему губы, сестра вслед за матерью, желая его поцеловать, откусила ему нос, а брат при таких же обстоятельствах вырвал ему глаза; вышел отец и схватил сына за волосы так, что сорвал с головы его кожу.

41 (109)

**Кого диавол обогатит, потакая их алчности,
тех в конце концов толкает в геенну**

Некий богатый ремесленник, живший в одном городе вблизи моря, был без меры алчным и дурным человеком. Он скопил много денег и спрятал их в деревянном чурбане, который положил на виду перед очагом, чтобы никто не подозревал, что в нем спрятаны деньги. Однажды — все крепко спали — морской прилив залил дом, и когда волна отступила, унесла набитый монетами чурбан. Его долгое время носило по волнам, пока не прибило, наконец, к какому-то городу, где жил человек, который пекся о нищих и странниках. Этот человек встал поутру и, видя, что плывет какой-то чурбан, вытащил его на землю, думая, что это простой кусок дерева, случайно попавший в море. Человек был весьма щедр и опекал нищих и странных людей. В один из дней странники остановились у него в доме, а пора была очень студеной; хозяин стал колоть чурбан и после третьего или четвертого удара топора услышал звон. Продолжая рубить, он обнаружил деньги и обрадовался, спрятал находку на случай, если объявится ее хозяин, чтобы вернуть ему.

А ремесленник в поисках своих денег ходит из города в город и приходит в город и дом, где жил гостеприимец, который выловил из воды чурбан. Когда пришедший упомянул о разыскиваемом им чурбане, гостеприимец понял,

что деньги принадлежат ему, и подумал: «Я посмотрю, есть ли божья воля на то, чтобы я вернул ему эти деньги». Он велел сделать три колоба и в середину первого положить землю, в середину второго — человеческие кости, в третий — золотые монеты, которые нашел в чурбане. Сделав так, он говорит ремесленнику: «Давай, съедим три колоба с вкусной начинкой, которые у меня припасены. Какой ни возьмешь, будешь сыт». Ремесленник взвесил на ладони один за другим все три, выбрал колоб с землей, который был тяжелее прочих, и говорит: «Если захочу еще, вторым возьму вот тот, — и дотронулся рукой до колоба с человеческими костями. — А третий будет твой».

Гостеприимец, глядя на это, сказал в своем сердце: «Теперь я ясно вижу, что нет божьей воли на то, чтобы этот несчастный получил свои деньги». Он тут же созвал нищих, убогих, слепых и хромых и в присутствии ремесленника разломил колоб и говорит: «Вот, несчастный, твои деньги, которые я давал тебе в руки, а ты выбрал колобы, внутри которых были земля и кости, и хорошо сделал, потому что богу не угодно, чтобы ты получил назад свои деньги». С этими словами он на глазах ремесленника разделил все его золотые между нищими, и несчастный пошел прочь в великом смущении.

42 (99)

О доблестной битве Христа и его победе

В царствование Цезаря¹ жил некий знатный и храбрый рыцарь, который проезжал однажды по лесу и увидел, как жаба сражалась со змеей; преимущество было на стороне жабы, и в конце концов она победила змею. Видя это, рыцарь помог змее, а жабу сильно ранил; сам же прищпорил коня и обратился в бегство, однако жаба успела нанести рыцарю опасную рану. Почувствовав боль, он соскочил с коня. Жаба оставила в ране свой яд. Рыцарь добрался до дома и долгое время рана его не заживала, а потому он составил завещание и стал готовиться к смерти.

Однажды, когда он лежал как смертельно больной вблизи очага, появилась змея, которую рыцарь спас от гибели. Его слуги, заметив это, сказали ему: «Господин, сюда вползла змея». Когда рыцарь увидел змею, он признал, что эта та самая, защищая которую он получил рану и попал в беду, и говорит: «Не трогайте ее. Я уверен, что она не причинит мне зла». А змея между тем на глазах всех вползла на постель рыцаря и принялась языком вылизывать из раны яд, пока не набрала его полную пасть. Затем змея уползла прочь из дома и изрыгнула яд в траву, воротилась и еще дважды или трижды принималась очищать рану рыцаря, пока не высосала из нее весь яд. После этого рыцарь напоил змею молоком. Когда она пила, явилась жаба, которая укусила

рыцаря, и снова напала на змею, словно была рассержена тем, что змея ухаживала рану ее врагу.

Видя это, рыцарь сказал своим слугам: «Любезнейшие, без всякого сомнения это та же самая жаба, которую я ранил, защищая змею, и которая повинна во всех моих страданиях. Если она победит сейчас змею, набросится на меня, и поэтому, коли вам дорога моя жизнь, тотчас убейте ее». Слуги, слыша эти слова, своими мечами и дубинами убили жабу, а змея, словно в знак радости и благодарности, вилась вокруг ног рыцаря, а потом уползла. Рыцарь полностью исцелился от своего недуга.

43 (100)

**О том, что Христос не сразу требует
грешника к ответу, а по милосердию своему
ждет его раскаяния**

Правил Диоклетиан,¹ который положил такой закон: если при живом муже женщина изменит ему, подлежит смерти. Случилось, что рыцарь взял в жены одну девушку и она родила ему сына; мальчик вырос и всем был любезен. Тогда отец его отправился на войну, доблестно сражался и в битве потерял правую руку. В отсутствие рыцаря жена изменила ему. Муж вернулся и узнал о ее измене. За это, согласно закону, супругу надлежало ее убить. Рыцарь позвал сына и говорит: «Любезнейший,

мать твоя повинна в прелюбодеянии, поэтому, согласно закону, я должен лишить ее жизни, но я потерял в сражении руку и не могу этого сделать, а потому поручаю это тебе». Сын говорит: «Закон повелевает почитать родителей. Если я убью родную мать, преступлю закон и навлеку на себя материнское проклятие. Я отказываюсь поэтому тебе повиноваться». Так благодаря сыну эта женщина избежала смерти.

44 (101)

**О том, что мир погружен во зло
и человека со всех сторон одолевают напасти**

Рассказывают, что человек по имени Гантер безмерно желал радостей и удовольствий. Однажды поутру он встал и один пошел по дороге, пока она не привела его в некое царство, правитель которого недавно умер. Вельможи царства, видя, что он, Гантер, силен телом, поставили его царем. Это избрание было весьма отраднo Гантеру. Когда же настала ночь, слуги проводили его в спальню, где в головах постели он увидел мощного льва, в ногах дракона, с правого боку медведя, а с левого змей и жаб. Гантер сказал: «Что это? Неужели я должен лежать здесь вместе с этими зверьми?». Вельможи говорят: «Да, владыка, ибо цари, которые правили до тебя, лежали здесь на постели и были пожраны этими тварями». Царь говорит: «Все мне здесь нравится, кроме постели с кро-

вожадными тварями, и я отказываюсь быть у вас царем».

И Гантер ушел оттуда и пришел в другое царство, где его тоже поставили царем. Когда настала ночь, он вошел в спальню и увидел, что пышная постель утыкана острыми ножами. Гантер говорит: «Неужто я должен спать здесь?». Слуги сказали: «Да, владыка, и цари, твои предшественники, спали здесь и на этой постели умерли». Гантер в ответ: «Все в вашем царстве хорошо, кроме этой постели, и потому я не хочу быть у вас царем».

Он поднялся поутру и один шел три дня. Где-то на дороге он увидел старика с палкой в руке, сидящего у источника. Старик говорит Гантеру: «Откуда, любезнейший, держишь путь?». Он в ответ: «Издалека». «А куда направляешься?». Он: «Я хочу найти три вещи и не могу». «А что это за три вещи?». Гантер отвечает: «Первая — неиссякаемый избыток, вторая — веселие без печали, третья — свет без тьмы». Старик говорит: «Возьми мою палку и иди этой дорогой. Ты увидишь перед собой высокую гору. У подножия горы есть лестница с шестью ступенями. Поднимись по ней. Когда дойдешь до шестой ступени, увидишь на вершине горы прекрасный дворец. Постучи трижды в ворота. Привратник отзовется, тогда покажи ему эту палку и скажите: „Хозяин этой палки приказывает тебе впустить меня“. Когда же переступишь порог, найдешь все три вещи, которые ищешь». Гантер все исполнил по слову старика. Едва привратник увидел палку, он впустил его, и Гантер нашел в замке три вещи,

которые искал, и еще многое другое и оставался там во все время своей жизни.

45 (102)

О прегрешениях и язвах души

Во времена императора Тита¹ жил один благородный и весьма благочестивый рыцарь, супруга которого была хороша собой, но, хоть и мужняя жена, прелюбодействовала и не хотела отстать от этого. Когда рыцарь все понял, он сильно опечалился в душе своей и задумал отправиться в святую землю и говорит супруге: «Дражайшая, я пойду в святую землю и препоручаю вас вашему благоразумию». Едва он уплыл за море, как дама эта уже нашла себе некоего мага, искусного в колдовстве, и стала с ним жить. Однажды, когда они лежали рядом в постели, дама сказала ему: «Если ты сделаешь для меня одну вещь, сможешь на мне жениться». А он: «Что это за вещь, которую я могу для тебя сделать?». Дама говорит: «Супруг мой отправился в святую землю и недостаточно меня любит; если ты можешь каким-нибудь образом убить его, получишь все мое имение». Маг говорит: «Обещаю тебе это, но при условии, что ты станешь моей женой». Дама говорит: «Я неложно обещаю». И вот маг лепит из воска совершенное подобие рыцаря, сходное с ним даже своим именем, и прикрепляет перед собой на стену.

Между тем, когда рыцарь проходил по улице города Рима, с ним повстречался некий ясно-видец. Он взглянул на рыцаря приязненно и говорит ему: «Любезнейший, я должен открыть тебе тайну». А рыцарь: «Учитель, говорите, что вам угодно». Учитель говорит: «Сегодня тебе не миновать смерти, если я не приду на помощь; твоя супруга — прелюбодейка и хочет погубить тебя». Рыцарь, слыша правдивое слово о своей супруге, льнет сердцем к учителю, верит ему и говорит: «О, добрый учитель, спаси мою жизнь, и я воздам тебе за все». Тот говорит: «С радостью спасу тебя, если сделаешь, что я скажу». Рыцарь говорит: «Я согласен». Тогда учитель велел принести ванну, а рыцарю, раздевшись, войти в воду; затем он дает ему в руки блестящее зеркало и говорит: «Внимательно гляди в зеркало и увидишь чудеса».

И вот, когда рыцарь глядел в зеркало, а учитель, стоя рядом, читал что-то по книге, учитель и говорит: «Скажи, что ты видишь?». «Вижу у себя в доме какого-то мага, который прикрепил к стене мое восковое подобие». Учитель говорит: «А теперь что видишь?». Рыцарь говорит: «Вот он берет лук и острую стрелу и целится в эту фигурку». Учитель говорит: «Если тебе мила жизнь, как увидишь, что он спустил тетиву, сейчас совсем погрузись в воду и не выходи, пока я не скажу». Рыцарь, услышав это и увидев, что стрела уже пущена, совсем погрузился в воду.

После этого учитель сказал: «Подними голову и взгляни в зеркало». Рыцарь повиновался, а учитель сказал: «А сейчас что ты видишь?».

Рыцарь: «Фигурка цела, стрела пролетела мимо, и маг этим очень опечален». Учитель говорит: «А что он теперь делает? Посмотри!». Рыцарь: «Он ближе подходит к стене и опять прилаживает стрелу, чтобы пронзить фигурку». Учитель говорит: «Сделай, как давеча, если тебе мила жизнь».

И вот, когда рыцарь увидел в зеркале, что маг целится, опять с головой погрузился в воду. Тут учитель говорит: «Взгляни, что там». Рыцарь посмотрел и сказал: «Он сильно досадует, что не может попасть в висющую фигурку, и говорит моей супруге: „Если я в третий раз промахнусь, мне тут же придет конец“. Теперь маг так близко подходит к стене, что, мне кажется, не сможет промахнуться и не попасть». Учитель говорит: «Если тебе мила жизнь, сразу, как увидишь, что он натягивает лук, весь погрузайся в воду и не выходи, пока я не скажу тебе».

Рыцарь внимательно смотрел в зеркало и, увидев, что маг опять приготовился стрелять, весь погрузился в воду, пока учитель не сказал ему: «Живее встань и погляди в зеркало». Рыцарь глянул и рассмеялся. Учитель сказал: «Любезнейший, объясни, почему ты смеешься?». Рыцарь говорит: «Я ясно вижу в зеркале, что маг промахнулся, стрела отлетела назад и вонзилась ему в тело между легкими и животом, и он умер. Моя супруга вырыла под моей постелью яму и его там похоронила». Учитель говорит: «Живее выходи, оденься и моли бога за меня».

Рыцарь воздал ему благодарность за свое спасение и, побывав в святой земле, отправился

на родину. Когда он вернулся, супруга вышла навстречу и радостно приняла его. Долгое время рыцарь ничего не говорил. Наконец призвал родителей супруги и сказал им: «Дражайшие, вот по какой причине я призвал вас: ваша дочь, моя супруга, будучи мужней женой, прелюбодействовала и, что того хуже, пыталась меня извести». Женщина все клятвенно отрицала. Тогда рыцарь стал рассказывать о маге. «Если не верите, пойдите и взгляните, где он похоронен». Рыцарь привел их в свою спальню, и они увидели под кроватью яму с телом мага. Позвали судью, и он приговорил женщину к сожжению. Так и сделали, а прах ее развеяли потом по ветру. Впоследствии рыцарь взял в жены красавицу, родил от нее наследников и в мире окончил свои дни.

46 (103)

**О том, что все надлежит делать обдуманно
и предусмотрительно**

Правил Домициан,¹ весьма мудрый и столь же справедливый император, который никого не прощал, кто сходил со стези справедливости. Однажды, когда Домициан сидел за трапезой, пришел какой-то купец и постучал в ворота. Привратник отпер и спросил, что ему угодно. Пришедший в ответ: «Я купец и хочу предложить нечто, что могло бы пригодиться императору». После этих слов привратник ввел его в зал. Купец с подобающим почтением при-

ветствовал императора. Тот говорит: «Любезнейший, какие у тебя есть товары?». Купец в ответ: «Владыка, три мудрых правила». Император говорит: «Какова же им цена?». «Тысяча флоринов».² Император говорит: «А если эти твои правила окажутся мне ни к чему, я потеряю деньги?». Купец отвечает: «Владыка, коли правила вам не подойдут, я возвращу деньги». Император ему: «Ты рассуждаешь справедливо; скажи теперь, что это за правила, которые ты собрался мне продать». Купец: «Владыка, первое таково: все, что ты делаешь, делай добросовестно и думай о последствиях. Второе: никогда не сворачивай с большака на тропинку. Третье: не останавливайся на ночлег в доме, хозяин которого в летах, а жена его еще молода. Соблюдай три эти правила, и они сослужат тебе добрую службу». Император заплатил за премудрость тысячу флоринов, а первое правило: «Все, что ты делаешь, и т. д.» — приказал начертать в зале, в спальне, всюду, где он обычно проходил, и на скатертях, на которых ел.

Вскоре после прихода купца некоторые люди, поскольку император неуклонно соблюдал строгую справедливость, сговорились его убить. Они не могли сами убить Домициана и подговорили императорского брадобрея, чтобы он за мзду перерезал императору горло, когда будет брить ему бороду. Брадобрей получил от заговорщиков деньги и обещал исполнить то, что от него требовалось. Перед тем как брить императора, он смочил ему бороду и, приступив к делу, случайно опустил глаза и увидел на полотенце, завязанном вокруг шеи императора, надпись:

«Все, что ты делаешь, и т. д.». Прочитав эти слова, брадобрей подумал: «Сегодня я согласился убить императора; если же убью его, конец мой будет плачевен, ибо меня приговорят к позорнейшей казни: ведь когда что-нибудь делаешь, надо думать о последствиях, как гласит эта надпись». Тут у брадобрея так задрожали руки, что бритва упала на пол. Император заметил это и спросил его: «Что с тобой?». Брадобрей: «Государь, сжапись надо мной, ибо сегодня я взялся за мзду убить тебя. По божьей воле мне вдруг попала на глаза надпись на полотенце: „То, что делаешь, и т. д.“, и я понял, что умру самой постыдной смертью. Поэтому у меня задрожали руки». Услышав это, император подумал: «Первое правило спасло меня от смерти, в добрый час я приобрел его у купца», — и говорит брадобрею: «Я прощаю тебя, если отныне будешь мне верен».

Когда вельможи поняли, что и таким образом не смогут покончить с императором, стали советоваться между собой, как его убить, и одни говорили: «В такой-то день император отправится в такой-то город, а мы, давайте, подкараулим его на тропинке, где ему надо будет проехать, и убьем». А другие: «Отличный совет». А император действительно стал собираться в путь, и, когда доехал до той тропинки, рыцари сказали ему: «Владыка, лучше ездай здесь, чем по большаку, ибо так ближе». Император подумал: «Второе правило гласит: никогда не сворачивай с большака на тропинку. Я послушаюсь этого правила». И сказал своим рыцарям: «Я не сойду с большака, вы же, если хо-

тите, езжайте по тропинке и все приготовьте к моему прибытию». Рыцари поскакали по тропинке, а заговорщики, заметив это, решили, что император находится с ними, выскочили из засады и всех рыцарей перебили. Когда императору стало об этом известно, он сказал себе: «Вот уже и второе правило мудрости сохранило мне жизнь».

Заговорщики, видя, что не могут убить императора при помощи такой хитрости, стали совещаться, как им это сделать иначе. И одни сказали: «В такой-то день император придет в такой-то дом, где всегда останавливаются все знатные люди, ибо другого такого в том городе нет. Подговорим хозяина и его жену за вознаграждение убить его, когда он ляжет спать». Другие говорят: «Отличный совет!».

Когда император прибыл в этот город и остановился в упомянутом доме, он велел позвать к себе хозяина и, увидев, что тот уже в летах, сказал: «А ты не женат?». Хозяин в ответ: «Женат». Император ему: «Покажи мне свою жену». Он взглянул на женщину и увидел, что она совсем молода, не более 18 лет от роду. Император сказал тогда своему постельничему: «Скорее ступай и распорядись о ночлеге в другом месте, ибо я не останусь тут». Постельничий ему: «Владыка, повинуюсь, но ведь здесь все уже приготовлено, не стоит поэтому уходить, ибо в целом городе для нас нет подходящего пристанища». Император в ответ: «Говорю тебе, что хочешь ночевать в другом месте». Постельничий тотчас обо всем распорядился, и император тайно перебрался в другой дом и сказал своим

рыцарям: «Если вам угодно оставаться здесь, оставайтесь, только поутру явитесь ко мне». Когда все заснули, старик вместе с женой поднялся с постели, ибо они взялись за мзду убить спящего императора, и убили всех его рыцарей.

Наутро император встал и услышал, что рыцари убиты. Тогда он сказал в своем сердце: «О, если бы я ночевал здесь, был бы убит вместе со всеми остальными. Вот и третье мудрое правило спасло мне жизнь». А старика вместе с женой и всеми домочадцами повелел распять. До конца дней своих Домициан придерживался этих трех мудрых правил и потому прожил счастливо.

47 (104)

О благодарности за добродеяния

Один рыцарь больше всего на свете любил охотиться. Однажды он отправился на охоту, а навстречу ковыляет хромой лев и показывает рыцарю свою лапу. Рыцарь сошел с коня, вытащил из лапы зверя острую колючку, приложил к ране мазь, и лев стал здоров.

После этого происшествия как раз в тот самый лес прибыл поохотиться здешний король, поймал того льва и много лет держал в своем дворце. Рыцарь же совершил какой-то проступок против короля и скрылся в лесу, грабя и убивая мимо идущих путников. Король изловил

рыцаря и решил бросить его на съедение льву, а для того, чтобы лев съел его, держал льва голодным. Рыцаря бросили в ров, и он весьма страшился в ожидании, когда лев на него кинется, а лев внимательно посмотрел на рыцаря и, узнав, обрадовался и семь дней оставался без еды.

Когда король услышал об этом, подивился, велел освободить рыцаря из рва и говорит ему: «Скажи, любезнейший, как это могло случиться, что лев тебя не тронул?». Тот говорит: «Государь, как-то я охотился в лесу, и этот самый лев, хромая, вышел мне навстречу, я вытащил из лапы его колючку и уврачевал рану; потому, я думаю, он теперь меня и не трогает». Король сказал: «Раз тебя пощадил лев, помилую и я, буде приложишь старание исправить свою жизнь». Рыцарь поблагодарил короля и впоследствии усовершенся и окончил дни свои в мире.

48 (105)

**О воздаянии за добро и в особенности
за правый суд**

Слепой король Феодосий¹ правил весьма справедливо. Он издал закон, чтобы во дворце висел колокол и любой, кто пожелает обратиться с жалобой, своей рукой ударял в колокол, и тогда появлялся бы приставленный для этого судья и разбирал всякое дело.

Во дворце жила змея, которая устроила себе гнездо в том месте, куда свешивалась веревка колокола, и вскоре вывела детенышей. Когда они могли уже ползать, мать однажды взяла их на прогулку за городскую стену. В отсутствие змеи жаба забралась в ее гнездо и заняла его. Змея со своими детенышами возвратилась и, увидев, что гнездо ее занято, бросилась на жабу, но не могла ее одолеть, и так жаба завладела ее гнездом. Тогда змея обвилась хвостом вокруг веревки, с силой потянула ее к себе и ударила в колокол, словно говоря: «Иди сюда, судья, и защити меня, ибо жаба неправо заняла мое гнездо».

Когда судья слышал удары колокола, он пришел, но, не видя никого, снова удалился. Тут змея во второй раз ударила в колокол, судья снова пришел и заметил, что веревку дергает змея, жаба же сидит в ее гнезде; он ушел и рассказал обо всем королю. Король говорит ему: «Вернись и не только прогони, но и убей жабу, чтобы змея вновь могла занять свое гнездо». Так судья и поступил.

В один из дней после этого происшествия, когда Феодосий лежал на своей постели, змея вползла в его опочивальню, держа в зубах драгоценный камень. Когда слуги ее увидели, они предупредили короля, что в покой вползла змея, а он в ответ: «Не прогоняйте ее! Я не сомневаюсь, что она не причинит мне зла». Змея между тем вползла на постель и приблизилась к лицу его; добравшись до глаз короля, она выпустила из зубов своих камень и тотчас покинула опочивальню. Лишь только камень кос-

нулся век короля, он прозрел. В великой радости Феодосий велел сыскать змею, но она исчезла. Король берег полученный от нее камень и окончил жизнь в мире.

49 (106)

**О том, что следует беречься козней дьявола,
чтобы он не обошел нас**

Некогда трое друзей отправились в святые места. Однажды случилось, что они не могли раздобыть ничего съестного, кроме одного хлеба, а пилигримы были очень голодны. И вот они сказали один другому: «Если хлеб наш разделить на три части, никто не будет сыт своей долей; давайте здраво рассудим, как разумнее распорядиться этим хлебом». Один говорит: «Давайте ляжем спать здесь при дороге, чтобы каждый увидел сон; чей окажется дивнее, тот и получит хлеб». Двое других ответили: «Это разумный совет». И они тут же улеглись спать. А тот, кто подал этот совет, встал и, пока остальные спали, съел весь хлеб, не оставив своим спутникам даже крошки.

Затем он разбудил спящих, говоря: «Пора вставать! Пришло время каждому рассказать свой сон». Первый говорит: «Друзья, мне приснился удивительный сон: будто с неба спустилась золотая лестница, а по ней сходили на землю и поднимались ангелы; они отделили от тела моего душу и донесли ее до самых небес.

Там я узрел отца и сына и духа святого и вкусил такого блаженства, какого глаза не видели и уши не слышали.¹ Вот мой сон». Второй говорит: «А мне приснилось, будто демоны железом и пламенем исторгли из тела моего душу, и мучили меня, и сказали: „Все время, пока бог царствует на небесах, ты пробудешь здесь, в этом месте“».

Третий говорит: «Слушайте теперь мой сон! Мне пригрезилось, что некий ангел приступил ко мне и говорит: „Дражайший, хочешь посмотреть, где сейчас твои спутники?“. Я ответил: „Еще бы, владыка, хочу — ведь мы должны разделить между собой хлеб, а я опасуюсь, что они ушли и унесли его с собой“. Ангел говорит: „Нет, хлеб лежит тут рядом. Иди за мной“. Он привел меня к небесным вратам, и по его приказу я просунул голову в щель и увидел тебя: восхитенный на небо, ты сидишь на золотом троне, а перед тобой расставлено множество яств и отменных вин; ангел сказал мне: „Вот твой спутник наслаждается всяческими благами и яствами и пробудет здесь веки вечные, ибо кто однажды попал в царствие небесное, не уйдет оттуда. Пойдем со мной, и я покажу тебе, где твой второй спутник“. Я последовал за ангелом, и он привел меня к вратам ада, и там я увидел тебя, терпящего, как ты рассказал, тяжчайшие муки, но, прежде чем начать пытки, тебе каждодневно давали в изобилии хлеба и вина; я тебе сказал: „Милый друг, мне горько, что ты терпишь такие муки“, а ты ответил мне, что „все время, пока бог царствует на небе, я-де останусь здесь, ибо заслужил этого. Скорей вста-

вай и съешь весь хлеб: более ты не увидишь ни меня, ни другого нашего спутника“. Когда я все это услышал во сне, вскочил на ноги и, следуя твоему совету, съел хлеб».

50 (107)

**О том, что следует помнить о смерти
и не искать преходящих радостей**

В городе Риме стояла статуя — человек на прямых ногах с вытянутой вперед правой рукой, на среднем пальце которой была надпись: «Бей сюда!». Эта статуя давно здесь стояла, и никто не знал, что означают начертанные на ней слова. Многие люди дивились на статую и часто ходили к ней, чтобы дознаться, каков смысл надписи, но возвращались ни с чем, ибо не могли понять подлинного значения слов.

Некий весьма догадливый клирик, прослышав об этой статуе, вознамерился во что бы то ни стало на нее поглядеть. Когда же он увидел ее и прочитал надпись «Бей сюда!», солнце как раз оказалось над самой статуей, и он обратил внимание на тень, отбрасываемую пальцем, которым статуя эта взывала: «Бей сюда!». Тотчас же клирик взял мотыгу и едва прорыл ею на глубину в три фута, как увидел ведущие вниз ступени. Он очень обрадовался, стал понемногу спускаться и наконец увидел богатый подземный дворец, вошел в парадный зал, где находились король с королевой и немало вельмож; все они

сидели за столом, а вокруг них было множество людей в дорогих одеждах, но никто не обратил к клирику ни единого слова. Клирик бросил взгляд в угол и увидел гладко отшлифованный камень, называемый карбункул, который освещал весь дворец, а напротив, в другом углу, статую человека с луком и стрелой в руке, готового пустить ее в карбункул; на лбу его было написано: «Я тот, кто я есть, и никому не уцелеть от моей стрелы, а особенно этому карбункулу, который так ярко сверкает». Видя все это, клирик только давался диву и вошел в покой, где пребывали красавицы, наряженные в пурпур и дорогие платья; и они тоже не сказали ему ни слова. Затем клирик посетил конюшни и увидел там отличных коней, ослов и других животных, но когда дотронулся до них, все они при прикосновении оказались каменными.

Клирик обошел все покои дворца и находил там все, что душе его было угодно. Затем он вновь вступил в парадный зал и стал думать о возвращении и говорить в своем сердце так: «Сегодня я насмотрелся чудес и смог увидеть все, что моей душе было угодно; однако никто не поверит моим словам о том, что со мной приключилось, и потому лучше в доказательство взять что-нибудь отсюда». Он взглянул на самый богатый стол и увидел золотые чаши и отличные ножи, подошел и взял со стола чашу и нож, чтобы унести с собой. Но едва клирик успел положить их за пазуху, как тут же стоящая в углу статуя с луком и стрелой в руке направила стрелу в карбункул и разбила его на мелкие куски. Весь зал вследствие дерзости луч-

ника погрузился тотчас как бы в ночной мрак, и клирик, видя это, опечалился; из-за непроглядной темноты он не мог отыскать пути назад и так и умер в этом дворце жалкой смертью.

51 (108)

О верности своему слову

В правление одного императора жили двое разбойников, давшие друг другу клятву, что один не покинет другого в беде, даже если придется отдать за него жизнь. Тот и другой совершили множество преступлений, т. е. краж и убийств. Раз случилось так, что один из друзей в отсутствие второго был уличен в краже, скован и брошен в темницу. Друг его, второй разбойник, прослышав об этом, пришел к нему и говорит: «Дорогой мой друг, скажи мне, чем я могу тебе помочь? Мы ведь связаны клятвой верности». Тот говорит: «Видно, мне не миновать смерти, так как я уличен в краже. Если ты готов сделать то, о чем я тебя попрошу, я вечно буду тебе благодарен. У меня есть жена, дети, домочадцы; я не позаботился об их судьбе и не распорядился своим имением; если ты согласен заменить меня в темнице и получишь у судьи разрешение на это, я схожу домой и распоряжусь судьбой моей жены и домочадцев, а также имущественными своими делами, а к нужному сроку вернусь и освобожу тебя». Тот в ответ: «Я охотно все сделаю».

И с этими словами второй разбойник пошел к судье и говорит: «Господин, друг мой находится в темнице, и, видно, ему не миновать смерти; если вы разрешите, я обращу к вам просьбу: позвольте моему другу сходить домой, чтобы перед смертью распорядиться судьбой своей жены и домочадцев. Я же для твоего спокойствия останусь вместо него в темнице, пока он не придет назад». Судья говорит: «В такой-то день исполнится приговор над ним и над остальными осужденными; но что ты скажешь, если к этому сроку товарищ твой не вернется?». Разбойник говорит: «Господин, ради твоего спокойствия я готов исполнить все, что ты пожелаешь. Если друг мой не придет, я по дружбе приму за него смерть». Судья говорит: «Я соглашусь на твою просьбу при условии, что буду держать тебя в оковах, пока друг твой не вернется назад». А тот в ответ: «Я согласен».

Тогда судья заключает этого человека в темницу, а другу его разрешает уйти. Тот возвращается домой, устраивает судьбу жены, детей и домочадцев, но задерживается, так что через три дня, когда всех преступников приводят к судье, вместе с ними ведут и того человека, который с готовностью согласился остаться в темнице вместо своего друга. Судья говорит ему: «Где же твой друг, который должен был сегодня вернуться и освободить тебя?». А он: «Господин, я надеюсь, что он придет». Судья долгое время ждал его, но тот так и не появился. Тогда судья велел, чтобы преступников отвели на место казни. Это было сделано. Когда они пришли к виселице, судья сказал этому человеку: «Мой лю-

безный, вини себя, а не меня в том, что ты сейчас будешь предан смерти. Ты утверждал, что друг твой вернется и освободит тебя». А тот в ответ: «Господин, так как сейчас меня должны казнить, я прошу разрешить мне перед смертью воспользоваться музыкальным инструментом». Судья говорит: «Что ты имеешь в виду?». Тот в ответ: «Перед тем как умереть, я три раза крикну». Судья говорит: «Я не против».

Тогда человек этот начал громким голосом кричать — раз, другой и третий — и озираться кругом; вдруг он увидел издали, что кто-то быстро приближается. Он говорит судье: «Повремени с моей казнью: вот я вижу, что кто-то спешит сюда. Может быть, это мой друг, который меня сейчас вызовет». Судья, услышав, что идет виновный в преступлении, тоже стал ждать. И вот пришедший говорит: «О, господин, я тот, кто устроил судьбу жены и друзей и уладил свои имущественные дела, а друг мой между тем находится из-за меня на волосок от гибели. Отпусти его, ибо я готов принять смерть за свои прегрешения».

Судья взглянул на него и говорит: «О, мой любезный, скажи мне, почему вы выказываете такую удивительную верность друг другу?». А тот: «Господин, еще в детстве мы дали клятву, что всегда будем хранить взаимную верность. Такова причина, почему мой друг согласился вместо меня пойти в темницу, пока я распорядюсь своими домашними делами». Судья говорит: «За это я освобождаю тебя от смерти. Будьте теперь столь же верными

друзьями мне. В дальнейшем вы останетесь при мне, и я позабочусь о подобающем для вас содержании». Они в ответ: «С этого часа, господин, мы будем верны вам». Судья по доброте своей помиловал их, и все хвалили его за то, что он выказал столь великую сострадательность.

52 (111)

О неусыпной охране отданного под надзор стада

Некий знатный человек владел белоснежной коровой, которую весьма любил за два присущих ей качества: во-первых, за то, что она была бела, а во-вторых, за то, что давала много молока. Из-за великой любви к этой корове он решил оправить в золото оба ее рога и раздумывал так: «Кому можно было бы поручить охранять ее?». В те времена жил некий человек по имени Аргус, на которого можно было во всем положиться; кроме того, у него было сто глаз. Этот знатный господин послал за Аргусом, прося его прийти без промедления. Когда Аргус явился, пославший за ним говорит: «Поручаю тебе мою корову с золотыми рогами, и если хорошо будешь за ней смотреть, я богато одарю тебя, если же рога ее похитят, накажу смертью». И вот Аргус увел с собой корову с золотыми рогами и всякий день выгонял ее на пастбище и внимательно стерег, на ночь же уводил в хлев.

Некий алчный человек по имени Меркурий, который страстно хотел иметь эту корову, был искусным музыкантом. Он часто приходил к Аргусу, чтобы с помощью уговоров или денег получить золотые рога. Однажды Аргус воткнул в землю перед собой свой пастушеский посох и заговорил с ним, будто это его господин: «Ты — мой господин, этой ночью я пойду в твой замок. Ты скажешь мне: „Где корова с золотыми рогами?“. Я отвечу: „Вот она, но без золотых рогов, ибо, когда я спал, какой-то вор похитил рога“. Ты скажешь: „Злосчастный, разве нету у тебя ста глаз? Как могло случиться, что все они спали и вор унес рога?“. Это обман, и потому я буду предан смерти. Если же скажу: „Я их продал“, поступлю недобросовестно по отношению к своему господину». Затем Аргус сказал Меркурию: «Ступай своей дорогой, ибо ничего от меня не получишь».

Меркурий ушел, а на следующий день воротился со своей лирой. Придя, он на манер историка стал рассказывать Аргусу забавные случаи, а потом петь, пока у Аргуса не закрылись два глаза. Под песню Меркурия Аргус смежил еще два глаза, и так Меркурий продолжал, пока не заснули все сто глаз Аргуса. Когда Меркурий увидел, что все глаза Аргуса уснули, он отсек ему голову и увел корову с золотыми рогами.

**Об уврачевании души лекарством
небесного целителя, которое одним недугующим
помогает, другим нет**

Правил Горгоний,¹ у которого от жены-красавицы родился сын. Мальчик подрастал и был люб всем. Когда ему исполнилось десять лет, умерла его мать и была похоронена с почетом. После этого по совету многих своих приближенных царь взял вторую жену, которая ненавидела своего пасынка и постоянно к нему придиралась. Видя это, царь в угоду ей прогнал сына. Изгнанный царевич стал изучать лекарское искусство и так в нем преуспел, что сделался знаменитым и искусным врачом. Царь, узнав, что сын его успешно изучает науки, весьма обрадовался.

Вскоре царь опасно занемог и дал знать сыну, чтобы он немедленно приехал и уврачевал его недуг. По воле отца сын явился к нему и без труда исцелил его, так что молва о его искусстве облетела все царство. После этого смертельно занемогла его мачеха. Со всех концов были созваны врачи, и все в один голос приговорили ее к смерти. Это глубоко опечалило царя, и он попросил сына вылечить ее. Сын на это сказал: «Я не выполню вашу просьбу». Отец в ответ: «Я прогоню тебя отсюда прочь». Сын ему: «Если поступите так, обойдетесь со мной несправедливо, отец! Вы отлично знаете, что изгнали меня по подстрекательству моей мачехи. Мой уход вас опечалил и породил вашу

болезнь, приход же вызвал печаль и болезнь царицы. Потому я не хочу врачевать ее недуг и отступаюсь от нее». Отец говорит: «У нее та же болезнь, что была у меня. Ты меня без труда вылечил, теперь вылечи ее».

Сын отвечает: «Отец мой, хотя бы мачеха обладала здоровьем, не уступающим твоему, но у тебя и у нее разный склад мыслей, следовательно, то, что я сделал для тебя, было тебе любезно и полезно. Поэтому когда я вошел во дворец и ты на меня взглянул, уже одним этим был уврачеван, мачеха же моя, видя меня, омрачается, когда я говорю, распаляется ненавистью, когда дотрагиваюсь до нее, выходит из себя. Ничто так не помогает болящим, как если они получают то, чего желают и ждут». Эти объяснения сына привели к тому, что он смог уйти, а мачеха его померла

54 (114)

**Об освобождении рода человеческого
из преисподней пропасти**

В некоем царстве жил бедняк, который всякий день ходил в лес, чтобы набрать хворосту на продажу и купить себе пропитание и платье. Однажды он пошел со своим ослом в лес, случайно забрел в непроходимую чащу и провалился в пропасть, откуда не мог выбраться. В этой пропасти обитал страшный дракон, хвост

которого изнутри обвил все ее пространство. Здесь же в верхней части пропасти и на дне было много змей. Посередине ее бедняк увидел круглый камень, к которому все змеи сползались раз в день и лизали его; дракон тоже лизал этот камень.

Когда бедняк это увидел, подумал: «Я столько времени сижу в пропасти без всякой пищи и, если нечего будет есть, погибну с голоду. Пойду-ка и я к камню и попробую его лизнуть, как делают змеи». Он подошел к камню и, когда стал лизать, чувствовал вкус любого кушанья, которое душе его было угодно, и так окреп, словно взаправду отведал все какие есть на свете яства.

По прошествии немногих дней оглушительно и страшно загремел гром, так что все змеи одна за другой уползли. Когда в пропасти не осталось ни одной змеи, дракон взлетел над ней, а бедняк, видя это, ухватился за его хвост; дракон поднял бедняка в воздух и бросил далеко от пропасти. Малое время бедняк оставался там, не зная, как выйти из лесу. Но на его счастье мимо шли купцы и вывели его из чащи на дорогу. Бедняк очень обрадовался, воротился в город и всем рассказал, что с ним случилось. Вскоре он окончил свои дни.

55 (116)

**О любви к нам бога, о том,
как господь любит всех нас одинаково,
пока сами мы не отвергаемся его
из-за наших грехов**

Король Пипин¹ взял в жены красивую девушку, которая родила ему пригожего сына, но умерла родами. Тогда он женился на другой и от нее тоже родил сына. Обоих своих сыновей он отослал на воспитание далеко, в чужие края. Эти двое мальчиков во всем удивительно походили друг на друга. Когда они пробыли на чужбине довольно времени, мать второго королевского сына пожелала его увидеть и стала осаждать короля просьбами дозволить ей это.

Король дал свое согласие и нарядил гонца за обоими мальчиками. Когда они прибыли, оказались удивительно схожи во всем друг с другом, хотя второй был моложе примерно на год; тем не менее каков был второй, таков и первый, и, как это часто случается, каждый сходствовал с родителем лицом, образом мыслей и поведением, так что королева не могла отличить, который из них ее сын. Она спросила короля, кто ее сын, но он отказался сказать. На такой ответ королева горько заплакала. Король, видя и слыша это, говорит ей: «Не плачь! Вот твой сын». И указал ей на сына первой своей жены.

Королева сильно обрадовалась этим словам и сразу же всю заботу отдала попечению над ним, а о втором, который был собственным ее сыном, вовсе не пеклась. Король, глядя на это,

сказал: «Зачем ты так ухаживаешь за ним? Ведь я вас обманул, и это вовсе не ваш сын, ваш — один из двух мальчиков». А она: «Зачем ты так со мной поступаешь? Покажи, который мой сын. Прошу тебя». Король в ответ: «Я не хочу говорить, и причина такова: если сказать тебе правду, одного, то есть своего сына, ты будешь любить, а другого возненавидишь, а я хочу, чтобы ты любила обоих одинаково и равно о них пеклась. Когда же они войдут в возраст, я открою тебе правду и твое сердце возрадуется».

После этих слов короля королева обоих сыновей опекала с отменным прилежанием до того, пока они не вошли в возраст. Когда же узнала от короля, который из двух ее сын, без меры обрадовалась и так в мире окончила свою жизнь.

56 (117)

**Об упорствующих и не желающих отступить
и о печальной участи, назначенной
им приговором**

Император Фридрих¹ установил такой закон: кто освободит из рук злодея девушку, похищенную против ее воли, получает ее в жены, если ей будет это угодно. Однажды некий злодей похитил девушку, увез ее в лес и обесчестил, а она громко звала на помощь. Один рыцарь, благородный по своему происхождению и поступкам, случайно проезжал по этому лесу и,

услышав ее крики, пришпорил коня, подскакал к девушке и спросил, почему она зовет на помощь. Она в ответ: «О, господин мой, ради бога помогите мне! Этот злодей похитил меня, обесчестил и теперь пригрозился меня убить». Похититель говорит: «Господин, эта женщина — моя жена, и я узнал, что она совершила прелюбодеяние, поэтому решил ее убить». Девушка говорит: «Это ложь. Господин, я никогда не была чьей бы то ни было женой, и до сего дня никто, кроме этого человека, ко мне не прикасался. Поэтому помогите мне! У меня есть доказательства, что я сказала истинную правду». Рыцарь говорит злодею: «Я вижу эти доказательства в том, что против ее воли ты похитил эту девушку и обесчестил, но я освобожу ее из твоих рук». Злодей отвечает: «Если хочешь ее освободить, тебе придется за нее сразиться со мной».

Тотчас оба они сшиблись в схватке и нанесли друг другу жестокие удары. Победу одержал рыцарь, но был опасно ранен. После этой победы он говорит девушке: «Согласна ли ты пойти за меня замуж?». Она отвечает: «Я хочу этого всем сердцем и клянусь тебе в верности». Затем рыцарь говорит девушке: «Малое время ты пробудешь в моем замке, я же отправлюсь к своим родителям и позабочусь о праздновании нашей свадьбы, а затем ворочусь, и мы торжественно ее сыграем». Девушка говорит: «Господин, я готова во всем слушаться вашей воли».

Рыцарь попрощался с девушкой, и она отправилась в его замок. Пока рыцарь был в отлучке, чтобы позаботиться о праздновании свадьбы, к замку, где жила девушка, явился тот

злодей и постучал в ворота. Она его не впустила. Тогда злодей стал сулить девушке всякие блага и обещался взять ее честь по чести в жены. Девушка поверила его словам, впустила этого негодного человека, и оба они вместе проспали ночь.

Через месяц воротился рыцарь и постучал в замковые ворота. Девушка не отозвалась. Видя это, рыцарь с горечью сказал: «О, добрая девушка, вспомни, что я тебя спас от смерти и ты дала мне клятву верности. Скажи хоть слово, добрая девушка, и дай взглянуть на тебя!». Слыша это, она открыла окошко и говорит: «Вот я, гляди! Что тебе нужно?». Рыцарь сказал: «Я дивлюсь, что ты забыла, сколько я ради тебя совершил дел. Ради тебя я получил множество ран, а если не веришь, я покажу их тебе». Тут рыцарь снял одежду и говорит: «Вот, любезнейшая, эти раны я получил, когда вызволял тебя от грозившей тебе смерти, отопри мне и стань моей женой». Она же отвортила лицо от него и не пожелала отпереть ворота.

Тогда рыцарь пожаловался судье, ссылаясь на закон, и рассказал, с какой опасностью для себя он освободил девушку и что поэтому желает взять ее в жены. Слыша это, судья позвал похитителя. Когда злодей явился, судья сказал ему: «Эту ли женщину ты похитил и этот ли рыцарь благодаря своей отваге освободил ее из твоих рук?». Тот отвечает: «Да, господин». Судья ему: «Согласно закону, она по доброй воле жена рыцаря. Зачем же ты домогался чужой жены — в первый раз, когда без ведома хо-

зьяина вошел в его замок, во второй раз, когда осквернил чужое ложе, и в третий, когда столько времени отнимал жену от мужа? Что ты можешь на это ответить?». Злодей молчал.

Судья, оборотившись к женщине, сказал: «По закону ты дважды жена этого рыцаря: один раз, так как он вызволил тебя из рук похитителя, а второй, так как ты дала ему клятву верности. Почему же, несмотря на это, ты не отперла мужу ворота собственного его замка, а того негодного человека впустила?». Дама не могла на это ответить. Судья тут же вынес приговор — отвести обоих на виселицу, что и было исполнено. Все хвалили судью за такое его решение.

57 (118)

О плутовстве и хитрости

Один рыцарь оказался в Египте. В поисках, кому бы оставить на сохранение свои деньги, он расспрашивал, нет ли надежного человека, которому можно было бы на время их доверить, и услышал про одного такого старика. Рыцарь пришел к нему, вручил старику свою тысячу талантов¹ и отправился в святые места. Вернувшись из странствия, он вновь пришел к старику, у которого оставил деньги, и попросил вернуть их. Тот же, негодный человек, утверждал, будто видит рыцаря впервые. Рыцарь был весьма опечален этим обманом и в течение не-

скольких дней ходил к старику и уговаривал его по-хорошему вернуть деньги. Мошенник в конце концов накричал на рыцаря, чтобы он больше об этом не заикался и не приходил к нему.

Рыцарь ушел от старика огорченным и по дороге встретил старушку, одетую в рубище, как у отшельника, и с посохом в руках. Она убирала с дороги камни, чтобы путники не зашибали себе ноги. Видя, что рыцарь плачет, и признав в нем человека нездешнего, старушка подозвала его и расспросила сострадательно, что случилось. Рыцарь подробно рассказал, как его обманул старик. Старушка ему: «Друг мой, если это правда, я дам тебе хороший совет». Он сказал: «Бог свидетель, правда». Старушка говорит: «Приведи мне какого-нибудь своего земляка, чьи слова и поступки внушают доверие». Рыцарь привел. Старушка велела этому человеку купить десять сундуков, богато расписанных красками, обитых железом, с посеребренными замками, и наполнить их камнями. Рыцарь сделал, как она советовала. Видя, что все готово, старушка говорит: «Теперь сыщи десять человек, которые вместе со мной и твоим земляком пойдут к этому мошеннику и понесут сундуки. Носильщики будут идти гуськом длинной цепочкой, и как только первый войдет в дом и остановится, смело входи и требуй свои деньги! Я верю, что бог вернет тебе их».

Старушка вместе с земляком рыцаря пришла к дому мошенника, его обманувшего, и говорит: «Господин, этот чужеземец остановился у меня и теперь хочет возвратиться на родину, оставив на время своего отсутствия имущество,

которое хранится у него в десяти сундуках, у какого-нибудь порядочного и верного человека. Я прошу тебя, чтобы ради бога и ради меня ты их сохранил у себя в доме. Так как я слышала и знаю, что ты человек порядочный и верный, я хочу, чтобы все добро хранилось только у тебя». Тут — гляди — в дом входит первый носильщик с сундуком на плечах. Видя его, негодный этот человек верит старухиным словам. Вслед за носильщиком, как ему было велено, идет рыцарь. Тут, опасаясь, что рыцарь сейчас потребует деньги и пришедший потому побойтся отдать на сохранение свои сундуки, старик приветливо выходит ему навстречу, говоря: «Друг мой, где же ты был? Скорее получай деньги, которые ты мне давным-давно оставил на сохранение». Рыцарь с радостью взял деньги и возблагодарил и бога и старушку. Она же, видя, что произошло, встает со стула и говорит: «Господин, я и этот человек сходим за остальными сундуками, а ты дожди нашего возвращения и хорошенько береги то, что мы принесли». Так с помощью старухи рыцарь вернул свои деньги.

58 (119)

О том, что человек — самое неблагодарное из всех созданий на земле, ибо не помнит добра

У одного короля был сенешаль, столь надменный и гордый сердцем, что притеснял всех, дабы все делалось по его воле. Вблизи королев-

ского дворца был лес, полный всяких зверей; сенешаль повелел вырыть там в разных местах ямы и прикрыть их листьями, чтобы звери туда попадали и таким образом оказывались в руках охотников.

Случилось, что сам сенешаль скакал лесом, и душа его была полна такой гордыни, что он мнил себя самым важным человеком во всем государстве. Он заехал глубоко в лес, провалился в одну из ям и не мог оттуда выбраться. В этот же день в ту же самую яму попал лев, вслед за ним обезьяна, а третьей змея. Сенешаль, видя, что окружен этими лесными тварями, испугался и стал кричать.

Некий бедняк по имени Гвидон, который на своем осле возил из лесу хворост и этим добывал себе пропитание, услышал его крик и подошел к яме. Сенешаль посулил Гвидону большое богатство, если он вытащит его. Гвидон говорит: «Любезнейший, у меня нет иного средства к жизни, как продавать хворост. Если я не выполню дневного своего урока, понесу ущерб». Сенешаль посулил ему по чести, что оделит его частью своих богатств, если Гвидон вытащит его из ямы. Гвидон, слыша эти обещания, пошел в город и принес с собой длинную веревку, которую спустил в яму, чтобы сенешаль опоясался ею, а он его таким образом вытащил наверх. Когда Гвидон спустил веревку, прежде всех к ней подскочил лев и был поднят наверх. Лев приветствовал своего избавителя и убежал в лес. Гвидон затем вторично спустил веревку в яму, и вот на нее прыгнула обезьяна, и Гвидон вытащил ее, а она убежала в лес. В третий раз

он бросил веревку, и теперь ее обвила змея, которую Гвидон тоже вытащил, она приветствовала его и уползла в лес. Сенешаль воскликнул: «О, дражайший, благословен господь — я освобожден от лесных тварей! Опустика мне веревку». Гвидон так и сделал. Сенешаль обвязался веревкой, и Гвидон его вытащил, а затем они вдвоем вытащили коня. Тотчас же сенешаль вскочил в седло и направился в королевский дворец, а Гвидон пошел домой.

Жена его увидела, что осел пришел порожним, и весьма опечалилась, но Гвидон рассказал ей о своей удаче, что он-де получит достойное вознаграждение, и тогда она обрадовалась. Наутро Гвидон направился в замок и попросил привратника сказать сенешалю, что он здесь. Сенешаль дважды отперся, что когда-нибудь видел Гвидона, и велел ему сейчас же убираться, иначе будет жестоко бит плетью. Когда же Гвидон пришел в третий раз, привратник так сильно его избил, что несчастный упал едва жив. Узнавши о случившемся в замке, жена его пришла туда и на осле доставила мужа домой, и он долго хворал и за время болезни продал все свое достояние.

Наконец Гвидон оправился и в один из дней пошел за хворостом и издали увидел десять ослов, нагруженных тюками, а немного поодаль следующего за ними льва, который гнал ослов прямо к Гвидону. Гвидон внимательно посмотрел на льва и сразу признал, что это тот самый, которого он освободил из ямы. Когда лев приблизился, он лапой подал знак, чтобы Гвидон, взяв ослов, отправился к себе домой. Гвидон

погнал ослов к дому, а лев шел следом, пока они не пришли. Когда ослы вошли в конюшню, лев приветствовал Гвидона взмахами хвоста и убежал в лес. После этого Гвидон во многих церквах объявил, не потерял ли кто своих ослов. Но заявившего о пропаже не нашлось. Тогда он, развязав тюки, обнаружил там большие сокровища и к немалой своей радости разбогател.

На следующий день Гвидон вновь отправился в лес, но по забывчивости оставил дома топор; в раздумии подняв голову, он заметил в ветвях обезьяну, которую вытащил из ямы. Своими зубами и когтями она так ловко ломала для него ветки, что Гвидон без топора смог нагрузить на осла довольно дров и воротился домой. На третий день он снова пошел в лес и, когда присел, чтобы наточить топор, увидел, что змея, которую он вызволил, несет в зубах трехцветный камень: с одной стороны камень был белый, с другой — черный, а с третьей — ярко-красный. Змея открыла пасть, камень упал Гвидону на колени, а змея уползла прочь. Гвидон снес камень к золотых дел мастеру; тот, взглянув и поняв, как ценен камень, сразу же предложил за него сто флоринов, но Гвидон не пожелал и с помощью этого камня достиг многих благ и выдвинулся на военном поприще.

Узнав об этом, король призвал Гвидона к себе и пожелал купить у него камень, а буде Гвидон его не продаст, грозился изгнать его из королевства. Гвидон говорит: «Государь, я согласен продать камень, но скажу так: если вы не дадите настоящей цены, он останется у меня».

Король предложил триста флоринов; тогда Гвидон вынул камень из ларца и отдал королю. Король в удивлении сказал: «Ответь мне, откуда он у тебя?». А Гвидон с начала и до самого конца рассказал о том, как сенешаль попал в яму, где сидели лев, обезьяна и змея, как за участие свое к нему он был жестоко избит по приказанию сенешаля и как получил благодарность за спасение от льва, обезьяны и змеи.

Слыша все это, король весьма разгневался на сенешаля и сказал ему: «Что это говорят о тебе?». Сенешаль не мог отрицать правды. Тогда король сказал ему: «О, злой человек, ты выказал чудовищную неблагодарность: Гвидона, который избавил тебя от смерти, ты велел избить и бросил его здесь едва живым! О, несчастный, вот не наделенные разумом создания, лев, обезьяна и змея, оплатили ему за добро, а ты злом воздал за услугу; потому все твое достояние и должность, которую ты отправляешь, отныне перейдут к Гвидону, а тебя я повелеваю сегодня же повесить». Вельможи одобрили решение короля. Гвидон получил высокую власть и окончил дни в мире.

59 (120)

О коварных женских обманах

Царь Дарий¹ правил весьма справедливо. У него было трое сыновей, которых он очень любил. Когда царю пришло время умирать,

старшему сыну он завещал царство, второму сыну назначил все богатства, которые накопил, третьему, т. е. меньшому, отказал три безделицы, а именно золотой перстень, ожерелье и лоскут драгоценной парчи. Перстень обладал такой силой, что всякий, кто носил его на пальце, внушал окружающим расположение и мог получить от них все, чего бы ни попросил; сила ожерелья была в том, что надевший его на шею получал все, что было угодно душе; стоило же кому-нибудь сесть на парчовый лоскут и пожелать очутиться где-нибудь, как сразу же он там и оказывался. Три эти безделицы Дарий отказал меньшому сыну; они были завещаны царем с тем, чтобы сын обучался наукам, а мать блюла их до срока.

Царь испустил дух и был с подобающим почетом похоронен. Два старших сына взяли то, что получили в наследство; третий взял у матери кольцо и принялся за учение. Мать говорит ему: «Сын, старайся приобрести мудрость и берегись женщин, чтобы ненароком не лишиться кольца». Ионафан взял кольцо, отправился к учителю и преуспевал в науках. Вскоре он увидел на улице красивую девушку, влюбился в нее и повел за собой. Перстень постоянно служил ему, и Ионафан всем юношам внушал расположение и получал от них все, чего ни просил. Возлюбленная его дивилась, что Ионафан так богато живет, хотя не имеет денег. Раз, когда он был в хорошем расположении духа, она спросила его о причине этого, говоря, что никого в целом свете не любит более, чем его; потому он непременно должен ответить на ее вопрос.

Юноша, не думая ни о каком коварстве, говорит, что в перстне его такая-то и такая-то сила. А она: «Ты каждодневно среди людей и можешь ненароком лишиться перстня, а я его надежно сохраняю». Ионафан отдал перстень своей возлюбленной, но когда попросил назад, так как терпел без него нужду, она закричала, что его украли у нее воры. В огорчении он горько заплакал, потому что не имел на что жить.

Тогда юноша, придя к своей матери-царице, рассказал ей о пропаже перстня. А она: «Сын мой, я тебя предупредила, чтобы ты опасался женщин: вот я даю тебе ожерелье, блюди его хорошенько; если же потеряешь, лишишься почетного дара и вечного пособия». Ионафан взял ожерелье, вновь вернулся к своим занятиям и — смотри — возлюбленная попадаетея ему у городских ворот и радостно встречает его. Юноша вновь берет ее к себе, не снимает с шеи ожерелья и имеет все, чего только ни пожелает, и, как прежде, вечно задает пиры и живет роскошно. Возлюбленная же его дивится, что не видит у него ни золота, ни серебра, и, догадываясь, что заместо этого есть другая волшебной силы безделица, настойчиво старается выпытать у него правду. Юноша показывает ей свое ожерелье и рассказывает о его чудесной силе; на это женщина говорит: «Ты носишь ожерелье, не снимая, хотя можешь пожелать сразу столько, что хватит тебе на год. Лучше дай его мне на сохранение». А он: «Я боюсь, ты не убережешь ожерелье, как не уберегла перстня, и я понесу непоправимый урон». Она говорит: «О, господин, то, что было с твоим перстнем, послужило

мне наукой; теперь я могу обещать тебе, что так буду беречь ожерелье, что никто не сможет его украсть». Ионафан поверил ей и отдал ожерелье. Когда же извел все, что имел, попросил ее вернуть ожерелье; но, как прежде, возлюбленная его поклялась, что его унесли воры. Слыша это, юноша горько заплакал и говорит: «Ну разве есть у меня ум, если после пропажи перстня я дал тебе на хранение ожерелье!».

Он идет к своей матери и рассказывает ей обо всем случившемся. Она в немалом огорчении говорит: «О, дорогой мой сын, зачем ты поверил этой женщине? Она ведь уже во второй раз обманула тебя, и все люди ославят тебя глупцом; обучись мудрости, ибо у меня ничего не осталось для тебя, кроме лоскута драгоценной парчи, который отказал тебе отец; если же и его потеряешь, больше не обращай ко мне». Ионафан взял парчу и снова принялся за занятия, и возлюбленная встретила его, как прежде, радостно. Он расстелил парчу и сказал: «Моя дорогая, эту парчу отказал мне отец». И оба они сели на нее. Ионафан подумал в своей душе: «О, если б мы оказались в таком месте, куда не ступала нога человека!». Так и сделалось: они очутились на краю света в лесу, вдали от человеческого жилья. Женщина опечалилась, а Ионафан перед богом небесным дал клятву, если сможет — оставить возлюбленную на съедение зверям, покуда она, как сушила, не вернет ему перстня и ожерелья. Но по ее просьбе он рассказал о чудесной силе, которой обладает его парча: кто сядет на нее и пожелает очутиться где-нибудь, так сразу же там и окажется.

Затем эта женщина села на парчу и положила голову Ионафана себе на колени; когда же он стал дремать, она потянула к себе часть парчового лоскута, на котором он сидел. Сделав это, женщина подумала: «О, если бы мне попасть туда, где я была утром!». Так и случилось, а спящий Ионафан остался один в лесу.

Когда он проснулся и увидел, что возлюбленная исчезла вместе с парчой, то горько заплакал, не зная, куда идти, но встал на ноги и, оборонив себя крестным знаменем, пошел по какой-то дороге, которая привела его к глубокому озеру; через него нужно было перебраться, а вода в нем была столь едкой и горячей, что разъедала ноги до костей. Опечаленный этим, юноша почерпнул в сосуд этой воды и пошел дальше. Скоро он захотел есть и, увидев какое-то дерево, поел его плодов и тут же был поражен проказой (с этого дерева Ионафан тоже взял плодов). Вскоре юноша пришел к другому озеру и перешел его вброд; вода этого озера чудесно исцелила раны на его ногах; он наполнил сосуд этой водой и с ним пошел далее и почувствовал голод. Тут Ионафан увидел какое-то дерево, сорвал и съел его плод; и как от первого плода он стал болен, так от второго исцелился. С этого дерева он тоже сорвал плод и взял его с собой.

Идя своим путем дальше, он увидел замок и двух людей, которые, повстречавшись с ним, спросили, кто он таков. Ионафан в ответ: «Опытный врач». Они сказали: «Король этой земли живет здесь в замке; он прокаженный. Если ты сможешь исцелить его от проказы, он щедро вознаградит тебя». Юноша: «Разумеется,

смогу». Они отвели Ионафана к королю, и Ионафан дал королю отведать плод со второго дерева, и король исцелился от проказы, и воды из второго озера, которая заживила сгнившую его плоть. Царь богато одарил юношу. После этого Ионафан увидел корабль, пришедший из его родной земли, и вернулся на нем домой.

По всему городу пошла слава, что прибыл знаменитый врач, и возлюбленная Ионафана, которая похитила его безделицы, будучи при смерти, послала за этим врачом. Ионафана никто не узнавал, но он, узнав эту женщину, сказал ей, что искусство его не поможет ей, если она не признается во всех своих прегрешениях и не вернет владельцу того, чем обманно завладела, буде в этом повинна. Женщина призналась, что похитила у Ионафана перстень, ожерелье и парчу и бросила его в пустыне на съедение зверям. Слыша это, юноша говорит: «Скажи, госпожа, где эти три безделицы?». Она в ответ: «У меня в ларце». Женщина дает Ионафану ключ от этого ларца, и он находит там все. Тут он велит ей съесть от плода того дерева, которое навело на него проказу, и подает воды из первого озера, отделяющую плоть от костей. Едва женщина съела плод и выпила воды, как тотчас же стала сохнуть и, страдая от боли, жалобно кричала и так испустила дух.

Ионафан с тремя отцовскими дарами пришел к своей матери, и весь город ликовал из-за его возвращения. Он рассказал ей все с начала до конца, как господь избавил его от многих грозных опасностей. Ионафан прожил еще долгие годы и кончил жизнь в мире.

60 (121)

**О славе мира сего и о роскоши,
которая многих прельщает и приводит
к гибели**

Во времена оны в некоем городе, принадлежащем одному королю, жили двое рыцарей — один старый, другой молодой. Старый рыцарь был богат и женился на прекрасной девице из-за ее удивительной красоты. Молодой был беден и взял в жены ради ее состояния пожилую и богатую женщину, которую не слишком-то любил. Однажды молодой рыцарь шел мимо замка старого, а жена того, в праздности сидя у окошка, сладким голосом пела. Увидев ее, молодой рыцарь влюбился в эту красавицу и подумал в своей душе: «Было бы лучше, если б эта женщина была моей женой, а не женой своего мужа, человека старого и бессильного, а моя супруга — его женой».

С этого дня молодой рыцарь всецело предался любви к своей даме и угождал ей подарками. Она тоже с удивительной силой полюбила рыцаря и, насколько было возможно, дарила его милостями, всем сердцем желая после смерти своего мужа, буде это окажется возможным, стать его женой. Перед окном замка, принадлежащего старому рыцарю, росла смоковница, на которую всякую ночь слетал соловей и сладко пел. Чтобы слушать его, дама еженощно поднималась с постели, подходила к окну и долго стояла, наслаждаясь пением соловья. Когда муж ее заметил, что она еженощно встает с постели, сказал ей:

«Дражайшая супруга, почему еженощно ты встаешь с постели?». Она отвечает: «На смоковницу всякую ночь слетает соловей, который так сладко поет, что меня тянет его послушать».

Получив такой ответ, старый рыцарь поднялся на заре и приблизился к этой смоковнице с луком и стрелой в руках, убил соловья, вырвал его сердце и подал жене. Дама, увидев сердце соловья, горько заплакала, говоря: «О, милый мой соловей, с тобой свершилось, что предназначено всем. Я виновница твоей смерти». Тут же дама посылает к молодому рыцарю слугу, чтобы оповестить его о жестоком поступке супруга, убийстве соловья. Слыша рассказ слуги, рыцарь пришел в сильнейшее волнение и сказал в своем сердце: «Узнай этот жестокий человек, сколь сильна любовь между мной и его супругой, он еще безжалостнее поступил бы со мной».

И вот молодой рыцарь надел на себя двойную кольчугу, вошел в замок старого рыцаря и убил его. Вскоре после этого умерла супруга молодого рыцаря, и он с великой радостью женился на вдове убитого им старого рыцаря. Они с женой прожили долгую жизнь и кончили дни свои в мире.

61 (122)

**О неверных женах и слепоте некоторых
клириков ¹**

Некий рыцарь отправился на свой виноградник собирать урожай, а жена его, полагая, что он пробудет на винограднике дольше, чем это на проверку вышло, развлекалась с любовником, за которым послала, наказав ему прийти поскорее. Любовник вошел к ней в спальню, и когда оба они лежали в постели, вернулся рыцарь, т. е. муж; лоза поранила ему глаз, и потому он теперь стучал в двери. Жена, дрожа от страха, открыла, но сначала спрятала любовника. А рыцарь, взойдя, пожаловался на свой глаз и велел приготовить себе постель, чтобы лечь. Тогда жена его, опасаясь, как бы он не заметил спрятанного в спальне любовника, говорит мужу: «Зачем ты торопишься лечь? Скажи мне, что с тобой приключилось?». Когда он ей рассказал, она отвечает: «Позволь мне, — говорит она, — позаботиться о здоровом твоём глазе, чтобы болезнь не нанесла часом вреда второму твоёмu глазу». Рыцарь согласился, и тогда жена его, якобы для лечения, приложила губы к здоровому глазу мужа, а тем временем дала знак любовнику уходить. Затем женщина говорит своему супругу: «Теперь я спокойна, что здоровому глазу ничего не угрожает. Ложись и спи!».

62 (124)

О том, что не следует верить женщинам, а также делиться с ними своими тайнами, ибо в гневе они не могут ни о чем молчать

Некий благородный рыцарь нанес тяжелое оскорбление королю, которому служил, и послал к нему рыцарей, чтобы они постарались примирить его с королем. С трудом посольство добилось этого примирения на таком условии: рыцарю надлежало явиться в замок короля одновременно пешим и всадником, т. е. полувсадником и полупешеходом, в сопровождении лучшего своего друга, любимого шута и смертельного недруга. Опечаленный таким требованием, рыцарь стал думать, как его исполнить.

Однажды ночью, когда у них на ночлег остановился странник, он тихонько сказал жене: «Знаешь, странники часто имеют при себе немалые деньги; поэтому я решил, если ты не против, убить его и завладеть деньгами». Она в ответ: «Отличная мысль». Ближе к рассвету, когда все спали, рыцарь поднялся с постели и, растолкав странника, велел ему уходить. Затем он для отвода глаз заколол теленка, сложил мясо в мешок, разбудил жену, дал ей этот мешок, чтобы она спрятала его в углу дома, говоря: «Голову, руки и ноги я положил сюда, а остальное зарыл в хлев». С этими словами рыцарь показал ей немного денег, которые якобы взял у странника.

Когда настало время явиться к государю, рыцарь отправился в королевский замок, со-

провожаемый с правой стороны псом и малолетним сыном, а с левой — женой. Приблизившись к замку своего господина, рыцарь закинул правую ногу свою на спину собаке, словно сидел в седле, а на вторую ступал — так одновременно пешим и конным он вступил на замковый двор. Видя это, король и стоящие вокруг него стали дивиться. Король говорит: «Где твой самый верный друг?». В ответ на эти слова рыцарь обнажил меч и нанес своему псу тяжелую рану; пес с визгом и стоном убежал. Затем рыцарь позвал его, и пес тотчас к нему вернулся. «Вот мой самый верный друг!». Король говорит: «Это правда. А где твой шут?». Рыцарь отвечает: «Вот мой малолетний сын, который, играя у моих ног, этим забавляет меня более всех». Король говорит: «А где твой смертельный враг?». Тут рыцарь ударил по лицу свою жену, говоря: «Почему ты так бесстыдно глядишь на владыку моего короля?». Она в ответ: «О, проклятый убийца, почему ты поднимаешь на меня руку? Разве в собственном доме ты не совершил ужасное злодеяние и ради малой толики денег не убил странника?». Рыцарь снова ударил свою жену по лицу, говоря: «Ты не боишься опозорить своего сына?».

Тут женщина пришла в ярость и говорит: «Все ступайте со мной, и я покажу вам мешок, куда он сложил голову и руки убитого странника, и хлев, где он закопал остальное его тело». Когда они пришли, чтобы удостовериться в виновности рыцаря, жена показала место, где был спрятан мешок, они поспешно раскрыли его и удивились, видя вместо человеческих ос-

танков телячье мясо. Убедившись в невинности рыцаря, его осыпали почестями и хвалили, и впоследствии он пользовался особым расположением короля.

63 (125)

**Женщины не только выдают тайны,
но еще вдобавок немало привирают**

Были два брата, один мирянин, другой клирик. Мирянин часто слышал от брата, что женщины неспособны ничего сохранить в тайне. Он решил проверить это на собственной жене, которой как-то ночью сказал: «Любезнейшая, у меня есть тайна. Я открою ее тебе, но должен быть уверен, что ты никому не скажешь ни слова, ибо, если будешь болтать, меня ожидает большая неприятность». Она говорит: «Господин, не бойся, мы с тобой одно целое: твое доброе и наоборот, так же обстоит и с неприятностями». Муж тогда говорит: «Когда я присел, чтобы удовлетворить нужду, черный ворон налетел на меня сзади и беспощадно меня отделал». Она говорит: «Ты должен радоваться, что избавился от такой страсти».

Утром женщина встала, побежала к соседям и говорит хозяйке дома: «Любезнейшая госпожа, тебе можно доверить тайну?». Та в ответ: «Так же спокойно, как самой себе». Тогда пришедшая говорит: «Удивительная вещь произошла с моим мужем. Нынче ночью он встал,

чтобы справить нужду, и — гляди — два черных ворона налетели на него сзади, чем я весьма огорчена». А женщина эта рассказала другой соседке о трех воронах, третья о четырех и так далее, пока не пошла молва, что на брата клирика напустилось шестьдесят воронов. Смущенный слухами, он собрал народ и рассказал о том, как задумал испытать, может ли его жена хранишь что-нибудь в тайне. После этого жена мирянина умерла, а он пошел в монастырь и обучился трем видам букв — черному, красному и белому.¹

64 (128)

**О людях, неправо захватывающих
чужое достояние; приговор
им будет беспощаден**

Правил Максимилиан.¹ В его царстве жили два рыцаря: один из них был человеком богобоязненным, другой — алчным богачом, который предпочитал угождать людям, а не богу. Богобоязненный рыцарь владел землей, граничившей с землями алчного рыцаря; эту землю алчный рыцарь страстно желал приобрести. Он часто приходил к богобоязненному рыцарю и предлагал ему сколько угодно золота и серебра, если тот продаст ему эту землю. Богобоязненный рыцарь неизменно отказывал, так что алчный уходил в расстройстве, но все-таки раздумывал над тем, как ему обойти богобоязненного рыцаря.

Наконец богобоязненный рыцарь умер. Узнав об этом, алчный составил от имени умершего купчую запись; согласно этой записи, покойный при жизни продал ему за такую-то сумму денег свою землю, которую он так желал приобрести. Сделав это, алчный рыцарь подкупил троих людей, дабы они свидетельствовали в его пользу, и вместе с ними пришел в дом умершего, размыскал его печать, затем прошел в спальню, где лежало тело рыцаря, удалил всех, кроме своих свидетелей, а затем в их присутствии вложил в руку умершего печать, прижал большим его пальцем так, что рукой мертвеца сделал ее оттиск на купчей, и сказал: «Вот, вы свидетели этого!». Они сказали: «Да».

И таким образом алчный рыцарь получил чужую землю, будто она была его. Сын умершего сказал ему: «На каком основании ты завладел моей землей?». Тот ответил: «Твой отец продал ее мне». Сын умершего рыцаря ему: «Ты не раз приходил к моему отцу и предлагал деньги за эту землю, но отец не соглашался ее продать». Вдвоем они отправились к судье; алчный рыцарь в доказательство представил купчую на землю с печатью умершего рыцаря и привел свидетелей, которые подтверждали его слова. Сын же сказал ему: «Я знаю, что это печать моего отца, но столь же хорошо знаю, что он никогда не продавал тебе этой земли. Откуда у тебя печать и свидетели, не ведаю».

Судья велел трех этих свидетелей отделить друг от друга, а также и от рыцаря. Затем он приказал привести старшего свидетеля, которого спросил, знает ли он господню молитву, и заста-

вил прочитать ее с начала до конца. После этого судья распорядился поместить его отдельно от остальных. Затем велел привести второго свидетеля и говорит ему: «Любезнейший, до тебя здесь был твой товарищ, который сказал мне, что все, что он говорит, так же неоспоримо, как „Отче наш“. Поэтому, если ты не расскажешь мне все по совести — а этого я ожидаю от тебя, — я прикажу вздернуть тебя на виселицу». Тогда свидетель подумал: «Мой товарищ, видимо, признался, каким образом алчный рыцарь рукой умершего поставил его печать на купчей. Если я утаю правду, погибну». И вот этот свидетель рассказал все по порядку. Когда он кончил, судья велел поместить его отдельно и ввести третьего свидетеля, которому сказал: «Любезнейший, первый ваш товарищ сказал мне, что его слова так же неоспоримы, как „Отче наш“; второй сказал то же самое. Поэтому, если ты утаишь правду, умрешь позорной смертью». Тот подумал: «Мои товарищи выдали тайну рыцаря, поэтому мне лучше сказать правду». И он по порядку рассказал судье, как было дело.

Судья распорядился и его поместить отдельно от прочих и позвал рыцаря, которого сурово оглядел, говоря: «Негодяй, твоя алчность ослепила тебя! Скажи, когда и как умерший рыцарь продал тебе землю, которой ты завладел?». Тот же, не зная, что свидетели его признались, стал доказывать, будто приобрел ее законным путем. Царь² ему: «Негодяй, свидетели показали против тебя, признавшись, как после смерти рыцаря ты его рукой поставил печать на

купчей». Слыша такое, рыцарь пал на землю и просил снисхождения. Царь говорит ему: «Ты получишь снисхождение, какое заслужил». Он приказал, чтобы трех свидетелей привязали к хвостам трех коней, повлекли к виселице и повесили. Таков же был и конец рыцаря. Советники царя одобрили его справедливость и рассудительность, то, что с такой мудростью он сумел обнаружить правду и все достояние алчного рыцаря отдал сыну рыцаря богобоязненного; тот же был благодарен царю за возвращение ему отцовского наследства.

65 (129)

Об испытании истинной дружбы

У некоего царя был единственный сын, которого он весьма любил. Сын этот испросил себе согласие отца отправиться посмотреть белый свет и сыскать себе друзей. Семь лет он странствовал, а потом воротился к отцу. Тот радостно встретил сына и спросил, сколько он нашел себе друзей. Сын: «Троих, отец. Одного я люблю более самого себя, второго так же, как самого себя, а третьего если и люблю, то немного». Отец ему: «Следует испытать и проверить верность твоих друзей прежде, чем тебе понадобится их помощь. Заколи свинью, сложи мясо ее в мешок и ступай ночью в дом друга, который люб тебе более самого себя, и скажи ему, что нечаянно убил человека, и если тело-де бу-

дет обнаружено у меня, мне не миновать позорнейшей смерти. Поэтому я к тебе с просьбой, так как всегда любил тебя более самого себя, помоги мне в этой страшной беде!». Так царевич и сделал. Друг же его ответил: «Раз ты убил человека, должен по справедливости понести наказание. Если же вдруг труп найдут у меня, я не миную виселицы. Но все же, так как ты был моим другом, я провожу тебя до места казни, а когда умрешь, дам три или четыре меры ткани,¹ чтобы обернуть твоё тело».

Слыша это, царевич пошел ко второму своему другу и так же испытал и его. Как и первый, он отказался, говоря: «Ты что же, считаешь меня за дурака, если думаешь, я соглашусь подвергнуть себя такой опасности? Но поскольку ты был моим другом, я провожу тебя до самой виселицы, а по дороге по мере сил буду утешать».

Тогда царевич пошел к третьему своему другу и стал испытывать его, говоря: «Мне совестно тебя просить, ибо никогда я не оказал тебе никакой услуги, и вот теперь случилось, что нечаянно я убил человека, и т. д.». А тот в ответ: «Охотно все сделаю, возьму вину на себя и, если понадобится, пойду за тебя на виселицу». Так царский сын получил доказательство, что это его лучший друг.

66 (136)

**О том, что пастырю душ надлежит
быть бдительным¹**

Однажды вор пришел ночью к дому богатого человека и, забравшись на крышу, стал через щель прислушиваться, все ли уже заснули. Заметив вора, хозяин тихонько говорит жене: «Спроси меня погромче, как я нажил богатство, которым мы владеем, и не отставай, пока я тебе наконец не отвечу». Тогда женщина говорит: «О, добрый мой господин, ты ведь никогда не был купцом, как же ты нажил добро, которое есть у тебя?». Он отвечает: «Глупая, полно спрашивать». А она все больше и больше настаивала. Тогда муж, словно уступая ее просьбам, говорит: «Только не выдавай меня, и я открою тебе правду». А она: «Боже упаси!». Муж тогда говорит: «Я был вором и разбогател, совершая ночью кражи». Жена ему: «Удивляюсь, что тебя ни разу не поймали». Он отвечает: «Мой наставник в этом деле научил меня слову, которое я семь раз повторял, сидя на крыше, и тогда спускался в дом по лунным лучам, брал все, что хотел, и спокойно на тех же лучах опять поднимался на крышу и уходил». Жена говорит: «Прошу, скажи мне это слово». Он говорит: «Я скажу тебе, но ты ни в коем случае никому не повторяй его, чтобы часом не унесли наше добро». Она: «И не подумаю». Тогда муж сказал: «Вот оно: сакслем, сакслем». Тут женщина заснула, а муж притворился спящим и засопел.

Когда вор это услышал, обрадовался, ухватился за лунный луч, семь раз повторил вол-

шебное слово и с раскинутыми руками и ногами свалился через окно в комнату, учинив великий шум. Он лежал едва живой на полу со сломанной рукой и ногой. Когда раздался шум, хозяин спросил о его причине, точно не знал, что случилось. А вор в ответ: «Меня подвели волшебные слова». Хозяин схватил его и наутро повел на виселицу.

67 (141)

**О том, что следует слушаться доброго совета,
а дурной отвергать**

В царстве Фульгенция¹ жил некий рыцарь по имени Зедехия, который был женат на красивой, но злой нравной женщине. В доме этого рыцаря, в одной из его комнат, поселилась змея. Рыцарь столь часто посещал состязания и турниры, что совершенно обеднел. От этого он горько плакал и бесцельно ходил из угла в угол, не зная, что делать. Змея, видя его горе, заговорила с ним (бог дал ей, как некогда ослице Валаама, дар речи²) и сказала: «Чего ты плачешь? Послушайся моего совета и не пожалейшь. Всякий день давай мне свежего молока, и я сделаю так, что ты вновь разбогатеешь». Слыша эти слова, рыцарь обрадовался и обещал выполнить ее условие. И — смотри — в малое время он стал весьма богат, у него появился пригожий наследник и немалое состояние.

Однажды жена рыцаря так говорит ему: «Господин, я думаю, что наша змея в покое, где живет, хранит немалые сокровища, и советую убить ее. Тогда все, чем она владеет, перейдет к нам». Рыцарь по подстрекательству жены вместе с чашкой молока принес молот, чтобы убить змею. Когда змея завидела чашку, высунула голову из своей щели и, как обычно, стала лакать молоко. Тут рыцарь замахнулся молотом и хотел нанести ей удар. Змея же угадала его намерение и спрятала голову, а удар молота пришелся по чашке.

Сразу после этого случая рыцарь потерял сына и все свое достояние. Жена говорит ему: «Беда; кажется, я подала тебе дурной совет; ступай-ка к змеинному гнезду и покайся во всем — быть может, змея вернет тебе прежнюю милость». Рыцарь пришел к покою, где жила змея, и, горько плача, просил простить его, чтобы по милости ее к нему опять вернулось богатство. Змея говорит: «Я вижу, что ты глупец и глупцом останешься, так как не можешь взять в толк, что я всегда помню, как умертвила твоего сына и лишила тебя всех богатств. Никогда между нами не может быть мира». Рыцарь весьма опечалился и говорит: «Неложно обещаю, что отныне не причиню тебе зла, если вернешь мне свою милость». Змея в ответ: «Любезнейший, змеи по своей природе коварны и ядовиты. Успокойся на том, что я тебе сказала, так как мне уже начинают припоминаться удар молотом и твое коварство. Ступай прочь, дабы избежать горшего зла». В великой печали рыцарь ушел от змеи и сказал своей жене:

«Увы мне, что я послушался твоего совета!».
В дальнейшем они так и жили в бедности.

68 (142)

**О силках днавола, в которые он постоянно
пытается уловить нас**

Жил один весьма могущественный царь; он насадил некое подобие леса, обвел это место оградой и держал там всякого рода зверей, которые доставляли ему отраду. В это же время человек, оказавшийся предателем, вследствие злодеяний был лишен всего принадлежащего ему добра и изгнан из своей земли. Он завел себе псов четырех пород и без счету охотничьих сетей, чтобы ловить и убивать в царевом саду зверей. Псов этого человека звали так: Рихер, Эмулемин, Ханегиф, Бандин, Крисмел, Эгофин, Беан и Ренелин. С помощью своих псов и охотнических сетей он разорил весь царев зверинец.

Узнав об этом, царь очень крушился, позвал своего сына и говорит: «Любезнейший сын, вооружись, возьми свое войско и либо убей этого предателя, либо изгони из пределов нашего царства». Сын в ответ: «Я готов, отец, но, как я слышал от многих, человек этот столь силен, что мне следует на малое время укрыться у одной девушки, мудрее которой не сыскать во всем свете. С нею я буду держать совет и так приготовлю себя к битве». Отец говорит: «Если девица та вправду мудра и ты при ее поддержке

сумеешь одолеть нашего врага, я удостою ее больших почестей».

Услышав такие слова, сын вооружился и, никем не замеченный, вошел в замок девушки. Она радостно приняла царевича, и он некоторое время оставался у нее. Затем царевич покинул замок и на восьмой день напал на врага своего отца, вооруженный и силой и мудростью, и отрубил ему голову. После этой победы он воротился к отцу, который поставил его царем.

69 (143)

О страхе перед последним судом

Некий царь законом постановил, что перед домом человека, подлежащего казни, утром, до восхода солнца, должны затрубить трубачи, ему же следует в черных одеждах отправиться в суд. Однажды этот царь задал большой пир и велел созвать на него всех своих вельможных советников; приглашенные прибыли. На этом пиру были искусные музыканты, играющие на всевозможных инструментах, которые сладкими напевами доставляли пирующим наслаждение. Царь, однако, не выказывал следов радости или веселия, но сидел с печальным лицом, вздыхал и выпускал стоны.

Видя это, сотрапезники удивились, но не осмелились спросить о причине его мрачности и сказали брату царя, чтобы он узнал, чем государь столь опечален. Брат так и сделал и ска-

зал царю, что все гости удивляются, почему он не весел, и хотели бы узнать, чем вызвана его печаль. Царь говорит: «Ступай домой! Завтра услышишь ответ» — и повелел трубачам прийти на следующее утро к дому его брата, заиграть на своих трубах и привести его к царю, согласно закону, что они и сделали.

Брат царя, услышав на заре звук труб у своего дома, содрогнулся в душе, но поднялся, оделся в черное платье и отправился к царю. Царь между тем распорядился вырыть глубокую яму, а над ней поставить шаткое кресло на четырех непрочных ножках; брату он велел снять одежду и положить на кресло. Когда по его требованию брат сел на это же кресло, царь приказал на шелковой перевязи подвесить над его головой острый меч. Затем поставил рядом с ним четырех людей с четырьмя острыми мечами, причем одного впереди кресла, второго сзади, третьего справа и четвертого слева. Когда они заняли свои места, царь сказал всем четверым: «Лишь только я прикажу, под страхом смерти разите его мечами». Затем царь позвал трубачей и музыкантов, играющих на всевозможных инструментах, велел поставить перед братом стол с различными кушаньями и говорит: «О, любезнейший мой брат, почему ты так кручинишься и так печален душой? Вот тонкие кушанья, вот сладкие напевы! Отчего ты не веселишься и не радуешься?». Тот в ответ: «Как я могу веселиться, когда сегодня утром вблизи своего дома я услышал звуки труб, знак ожидающей меня смерти, а теперь сижу на шатком и непрочном кресле? Едва я неловко

повернусь, оно сломается, и я упаду в яму, откуда не смогу выбраться, а если подниму голову, висящий над нею меч раскроит мне череп до самого мозга. Кроме того, вокруг меня стоят четыре палача, готовые по одному вашему слову убить меня своими мечами. Помня об этом, будь я даже владыкой всего мира, я не мог бы веселиться сердцем».

Царь говорит ему: «Теперь я отвечу тебе на вчерашний твой вопрос, почему я не весел. Ведь подобно тебе я занимаю место на шатком и ломком кресле, так как пребываю в непрочной телесной оболочке о четырех ненадежных опорах, иначе сказать, состоящей из четырех элементов, и подо мною глубокая яма, а над головой моей острый меч, иначе сказать, страшный суд, когда душа моя будет отторгнута от тела; передо мной острый меч, иначе сказать, смерть, которая не щадит никого и приходит, когда ее не ждешь, а какова она будет, где приключится и когда — не ведаю. Позади меня другой меч, занесенный для удара, иначе сказать, мои преступления, которые я совершил в сем мире, готовые свидетельствовать против меня перед лицом судьбы; меч, грозящий мне справа, — дьявол, который вечно ищет жертву, чтобы ее пожрать, и только ждет, как бы завладеть моей душой и свергнуть ее в преисподнюю; меч с левой стороны — это черви, которые после смерти источат мое тело. Когда я раздумываю обо всем этом, не могу быть весел. Следовательно, если сегодня ты столь сильно убоялся меня, смертного человека, много более надлежит мне страшиться творца. Ступай и более не

задавай мне подобных вопросов». Брат царя поднялся и поблагодарил за дарование ему жизни, обещая впредь жить более праведно. Все одобрили ответ царя.

70 (151)

**О том, как исцелилась грешная душа,
оскверненная проказой прегрешений**

В землях одного благородного короля жили два рыцаря; один был алчен, а другой завистлив. У алчного была жена-красавица, радовавшая глаз всякого, у завистливого — безобразная жена, всех от себя отвращавшая, а также участок земли, граничивший с владениями алчного рыцаря, и тот во что бы то ни стало желал им обладать. Часто рыцарь этот приступал к своему соседу, предлагая большие деньги, если он пожелает продать ему эту землю. Завистливый рыцарь отвечал, что не хочет продавать наследственное владение за золото или серебро. Однако по своей завистливости начал думать, чем бы ему запятнать красоту супруги алчного рыцаря, и говорит ему: «Если хочешь получить мою землю, знай, что я не возьму за нее ничего, кроме права провести с твоей женой одну ночь». Алчный рыцарь принял это условие и обо всем сказал жене, которая сначала стала отказываться, но потом по мужнину настоянию согласилась. А завистливый тот рыцарь, прежде чем возлечь с нею, сошелся с прока-

женной, после же этого вошел к той госпоже и познал ее столько раз, сколько хотел. Наутро он открыл ей свой недуг, говоря, как сгорал от зависти из-за того, что жена его безобразна, она же хороша собой, и только поэтому навел на тело ее проказу.

Слыша такую речь, женщина опечалилась и, горько плача, открыла все своему супругу, который в сильнейшем горе сказал: «Советую тебе поступить так, пока на тебе нет пятен проказы: недалеко отсюда в другом королевстве есть большой город, а в нем университет; ступай туда и старайся оболящать прохожих; первый, кто с тобой пойдет, заразится проказой, ты же избавишься от нее». Так она и сделала. Королевский сын, увидя эту женщину, влюбился и пригласил ее пойти с ним и уступить его просьбам. Она отказывается, говоря: «Не след мне, бедной женщине, быть возлюбленной королевича!». А он уговаривает ее все настойчивее и настойчивее, чтобы она ему уступила. Женщина рассудила: «Будет великая беда, если этот королевский сын делается прокаженным». И она предупреждает королевича, что он заболевает проказой, если познает ее. Королевич же, ни о чем не думая, познал ее и заразился этим недугом.

На следующий день женщина, считая себя исцеленной, отправилась на родину, говоря королевичу: «Если станется, что вы заболеете проказой, същите меня, и я, сколько достанет сил, буду вам служить». По прошествии короткого времени сын короля стал болен и так совестился своего недуга, что темной ночью, когда его ни-

кто не видел, пошел к ней туда, где она жила. Дама тогда говорит своему мужу: «Это тот, кому я отдала свою проказу и сама освободилась от нее». Рыцарь, видя, что болезнь королевича далеко зашла, горько заплакал и отвел ему покой, в котором тот должен был жить в полном одиночестве. Дама сама ему прислуживала, и он пробыл там семь лет.

В седьмое лето затворничества королевича стояли нестерпимые жары, и он для освежения держал подле себя сосуд с вином. Какая-то змея, обитавшая в саду, вползла в этот сосуд, искупалась в нем и потом на дне его улеглась. Прокаженный королевич вскоре после этого пробудился и почувствовал сильную жажду; он взял этот сосуд с вином и, ничего не подозревая, вместе с вином проглотил змею. Змея стала так терзать его внутренности, что королевич испускал стоны и вздохи. Дама всячески старалась облегчить его страдания, но они длились три дня, не утихая, на четвертый королевич вместе с болезнетворным ядом, находившимся в его внутренностях, исторг и змею. Боль тотчас прошла, и со дня на день стали понемногу исчезать язвы на его теле, и на седьмой день кожа королевича полностью очистилась и стала как кожа мальчика.

Дама была этим глубоко обрадована, одела королевича в дорогие одежды, дала ему отменного коня, и он отправился в свою землю, где его приняли с почетом. После смерти своего отца он стал королем и кончил жизнь в мире.

71 (153)

**О преходящей печали, впоследствии
сменяющейся нескончаемой радостью**

Царь Антиох правил в Антиохии,¹ почему и самый город Антиохия стал зваться так. От своей супруги он родил дочь-раскрасавицу. Когда она вошла в возраст и красота ее расцвела, многие, не скупясь на свадебные дары, стали домогаться брака с нею. Отец, раздумывая, кому лучше всего отдать свою дочь, не замечал, что запретная страсть и жесточайший любовный пламень сжигали его и что он любит дочь горячее, чем то прилично отцу. И вот царь с безумием сражается, на стыд ополчается, любовью побеждается.

Однажды Антиох пришел в спальню к своей дочери и под предлогом того, что должен побеседовать с нею с глазу на глаз, удалил всех. Движимый любовным безумием, он развязал ей пояс девственности и попрал стыдливость, хоть дочь его долго противилась. Когда девушка раздумалась о том, что совершила, к ней нечаянно вошла кормилица. Она увидела царевну в слезах и говорит: «О чем ты печалишься?». Царевна сказала: «О, моя дражайшая, только что в этой спальне умерли два добрых имени». Кормилица говорит: «Госпожа, почему ты так судишь?». Она говорит: «Потому, что до брака меня осквернило худшее из преступлений». Кормилица, услышав это и во всем убедившись, словно обезумела и говорит: «Что же за диавол осмелился с такой дерзостью осквернить ложе

царской дочери?». Девушка говорит: «Нечестие совершило это». Кормилица говорит: «Чего же ты не пожалуешься отцу?». Царевна говорит: «Нет у меня отца. Если тебе угодно, имя отца для меня умерло. Я нуждаюсь в одном лекарстве — смерти». Услышав, что царевна ищет лекарства в смерти, кормилица ласковой речью уговаривает ее отступить от своего намерения.

А безбожный отец показывает себя перед согражданами благочестивым отцом, будучи втайне супругом дочери. Дабы подольше наслаждаться своей нечестивой любовью, он измыслил против тех, кто искал брака с царевной, новый род злодейства — он задавал им вопрос, говоря: «Кто правильно ответит на вопрос, получит в жены мою дочь, а ошибется — ему отрубят голову».

Отовсюду из-за неслышанной и невиданной красоты царевны стекались женихи в надежде, что знание наук поможет им разрешить вопрос царя. Кто не мог ответить, тому отрубали голову и прибывали к воротам, чтобы вновь приходящие воочию видели смерть и опасались сердцем, как бы им тоже не приключился такой конец. Все это царь сделал, чтобы самому обладать дочерью.

Вскоре после того как Антиох стал творить такие жестокости, в гавань Антиохии прибыл юноша из Тира,² царь своей земли, весьма богатый и умудренный в науках, именем Аполлоний. Войдя к Антиоху, он говорит: «Здравствуй, царь». А тот: «Да будут здравы твои родители». Юноша говорит: «Я прошу в жены

твою дочь». Царь же, услышав речи, которые не желал слышать, поглядел на юношу и говорит: «Знаешь условие сватовства?». Юноша говорит: «Знаю и видел мертвые головы на воротах». Царь гневно сказал: «Ну так слушай мой вопрос: я движим преступлением, насыщаюсь материнской плотью, ищу брата, мужа своей матери, и не нахожу». Юноша услышал эти слова, немного отступил и, спросив свое знание, с божьей помощью нашел ответ, оборотился вновь к царю и говорит: «Милостивый царь, ты задал мне вопрос, услышь ответ. Вот что ты сказал: „я движим преступлением“ — ты не солгал, загляни себе в душу; „насыщаюсь материнской плотью“ — посмотри на дочь». Царь увидел, что юноша правильно разрешил вопрос, и в страхе, как бы преступление его не открылось, гневно посмотрел на юношу и сказал: «Ты далек от истины и во всем отклонился от нее, а потому заслужил смерть; но я дам тебе сроку тридцать дней. Хорошенько поразмысли и возвращайся на родину. Если найдешь ответ, получишь мою дочь, а не найдешь, будешь обезглавлен». Юноша в смятении созвал спутников, воротился на корабль и отплыл на родину.

После его ухода царь позвал своего управителя по имени Талиарх и говорит ему: «Талиарх, верный хранитель моих тайн, знай, что Аполлоний Тирский нашел ответ на мой вопрос. Поэтому тотчас ступай в гавань, сядь на корабль и отправляйся вслед за ним; когда достигнешь Тира, отыщи Аполлония и убей мечом или ядом. Когда воротиться, получишь большую награду». Талиарх взял щит, запасся

деньгами и отплыл на родину юноши. Аполлоний, ранее воротившись, вошел в дом свой, достал из ларя все книги, но не нашел в них иного ответа, чем тот, который дал царю, и сказал себе: «Мне сдается, царь Антиох любит свою дочь нечестивой любовью». И, обдумав все еще раз, он сам себе говорит: «Что ты сделал, Аполлоний? Разрешил его загадку, а дочери не получил. Но бог увел тебя оттуда, чтобы не допустить твоей смерти».

Затем Аполлоний приказывает нагрузить на корабли сто тысяч модиев³ зерна, без счету золота, серебра и одежд и с немногими самыми верными своими людьми в третий час ночи садится на корабль и выходит в открытое море. Наутро горожане Тира ищут его и не могут найти. Поднялся вопль, что всеми любимого царя нигде нет, и громкий плач раздавался на улицах. Такова была любовь к Аполлонию сограждан, что долго цирюльники сидели сложа руки, общественные зрелища прекратились, бани позакрывались, никто не шел ни в храм, ни в харчевню.

Тут как раз прибывает Талиарх, которого царь Антиох послал, чтобы убить Аполлония, и, видя повсюду закрытые двери, говорит встречному юноше: «Объясни мне, если тебе дорога жизнь, почему этот город погружен в печаль». Юноша говорит: «О, любезный, разве ты ничего не знаешь? Почему ты спрашиваешь? Город погружен в печаль оттого, что царь его Аполлоний, вернувшись из Антиохии, пропал». Когда Талиарх это услышал, радостный вернулся на корабль и отплыл в Антиохию; явив-

шись к царю, он говорит: «Государь мой, радуйся — Аполлоний в страхе перед вами скрылся». Царь говорит: «Он может куда-нибудь бежать, но убежать от меня не может». Тут же царь пишет такой указ: «Кто живым приведет оскорбителя моего Аполлония Тирского, получит 50 талантов золота, кто предъявит его голову — 100 талантов». Тут не только недруги, но и друзья Аполлония, обуреваемые алчностью, принялись за поиски. Аполлония искали на море, на земле, в лесах, повсюду устраивали ему засады, но не могли найти.

Тогда царь велел снарядить для поисков Аполлония множество кораблей, но пока люди, которым это было поручено, медлили, Аполлоний достиг Тарса.⁴ Прогуливаясь вдоль берега, он попался на глаза одному из своих слуг по имени Элинат, который в самый тот час прибыл сюда и, приблизившись к нему, сказал: «Здравствуй, царь Аполлоний». А тот поступил по обычаю сильных мира сего — пренебрег приветствием. Тут старик осердился, снова приветствовал Аполлония и говорит: «Здравствуй, царь Аполлоний. Ответь на мое приветствие и не презирай бедности, украшенной добрыми нравами. Если ты знаешь то, что знаю я, тебе надобно соблюдать осторожность». А тот: «Сделай милость, скажи в чем дело». Старик говорит: «Тебя приговорили к смерти, Аполлоний». «Кто же приговаривает к смерти царя?». Элинат говорит: «Царь Антиох». «За что?». Элинат говорит: «За то, что хочешь заступить отцово место». Аполлоний говорит: «Во сколько же оценили мою голову?». «Кто живым при-

ведет тебя, получит 50 талантов золота, кто предъявит твою голову — 100. Потому предупреждаю тебя, беги в безопасное место». С этими словами Элинат отошел. Тогда Аполлоний попросил его вернуться, протянул ему сто талантов золота и говорит: «Возьми от нищеты моей, потому что заслужил эти деньги, отруби мне голову, отдай царю, и тогда он весьма обрадуется. Вот ты получишь сто талантов золота, и на тебе нет вины, ибо я сам уговорил тебя доставить царю радость». Старик говорит: «Владыка, помилуй, не бывай тому, чтобы я взял за такое дело награду. Между добрыми людьми дружба выше денег». И, попросившись, он ушел.

После этого Аполлоний все еще прогуливался здесь вдоль берега и вдруг видит человека — его звали Странгвилион, — в мрачном раздумье и печали направляющегося к нему. Аполлоний быстро подходит и говорит: «Здравствуй, Странгвилион». Тот говорит: «Здравствуй, владыка Аполлоний!». И снова говорит: «Почему ты здесь и так опечален?». Аполлоний говорит: «Я посватался к дочери царя, вернее, к супруге его, и потому, если удастся, не возвращусь на родину». Странгвилион говорит: «Владыка Аполлоний, наш город крайне беден и потому не может достойным образом принять твое величество; вдобавок у нас жестокий голод и полнейшая скудость: горожанам уже нет надежды на спасение — нас ждет мучительная смерть». Аполлоний говорит: «Благодари бога, который в моем скитании привел меня в здешние края. Я дам вашему городу сто тысяч мо-

дией зерна, если предоставите мне убежище». Когда Странгвилион услышал это, пал к ногам Аполлония и говорит: «Владыка Аполлоний, если ты поможешь нашей беде, мы не только дадим тебе убежище, но, буде понадобится, оружием станем защищать твою жизнь».

На площади, в присутствии всех горожан, Аполлоний поднимается на возвышение и говорит так: «Жители Тарса, терпящие голод, я, Аполлоний Тирский, выручу вас и надеюсь, что, памятуя такое мое благодеяние, вы скроете меня. Знайте, что беглецом сделала меня не злоба Антиоха: я занесен сюда счастливой судьбой. Я отдам сто тысяч модиев зерна за цену, по которой купил их на своей родине, то есть по восемь медных монет за модий». Услышавши, что модий зерна будет стоить восемь медных монет, горожане Тарса обрадовались и со словами благодарности принялись тут же готовить еду. Аполлоний, дабы не умалить своего царского достоинства и не показаться похожим более на купца, нежели на благодетеля, отдал полученные деньги на нужды города. Горожане же за такое его благодеяние поставили на рыночной площади статую Аполлония, изображающую его во весь рост на колеснице с плодами земли в правой руке; левой же ногой он наступал на них; внизу на основании горожане выбили надпись: «Аполлоний Тирский своей помощью избавил город от неминуемой смерти».

По прошествии немногих дней по настоянию Странгвилиона и его супруги Дионисиады Аполлоний решил отправиться в тирренский

город Пентаполь,⁵ чтобы там укрыться, ибо та-
мошные жители охотно оказывают гостеприим-
ство, живя в достатке и покое. С великим по-
четом Аполлония провожают к морю, и, попро-
щавшись со всеми, он вступает на корабль и
три дня и столько же ночей плывет при попут-
ном ветре. Когда же побережье Тарса пропа-
дает из виду, погода внезапно меняется. За не-
сколько часов собралась буря, Аквилон и Евр
напали на корабль, пошел сильный дождь, ти-
рийцы были близки к гибели, корабль едва
держался на волнах, зефиры волновали море,
пошел град и надвинулись мрачные тучи; нале-
тел такой свирепый ветер, что смерть грозила
всем. Тут каждый пытается для своего спасения
добыть доску, однако все в этой буре гибнут.
Одного только Аполлония на его доске приби-
вает к берегу Пентаполя.

Оказавшись на твердой земле и видя перед
собою морскую гладь, он говорит так: «О, веро-
ломное море, лучше бы я предал себя в руки
беспощадного царя, от которого спасаюсь бег-
ством, нежели искал себе пристанища! Кто из
людей славных мне, бесславному, подаст по-
мощь?». Аполлоний еще продолжал свою речь,
когда заметил идущего ему навстречу юношу,
простого рыбака в грубой одежде. Вынужден-
ный своим злосчастьем, Аполлоний падает ему
в ноги и со слезами говорит: «Пожалей, кто бы
ты ни был, потерпевшего кораблекрушение, ко-
торый наг стоит перед тобой, отпрыска не низ-
ких, а благородных родителей. Чтобы ты знал
имя просителя, я — Аполлоний Тирский, царь
своей земли. Молю, помоги мне».

Глядя на жалостный облик юноши, рыбак сострадательно поднял его с колен и привел под свою крышу, поставил перед ним какие у него были кушанья и, чтобы выказать еще более благочестия, снял с плеч плащ и, разорвав на две половины, подал юноше одну со словами: «Возьми это и иди в город! Быть может, там ты встретишь кого-нибудь, кто пожалеет тебя, а не встретишь, возвращайся сюда ко мне; бедность моя да будет опорой всякому в беде. Вместе будем ловить рыбу. Но прошу тебя, если когда-нибудь ты вновь обрешь былую свою власть, не забудь о нищете разделившего с тобою плащ». Аполлоний: «Если поступлю так, пусть снова стану жертвой кораблекрушения и не встречу человека, подобного тебе».

С этими словами по указанной ему дороге Аполлоний входит в городские ворота. Размышляя о том, где искать помощи, он видит, что по улице бежит мальчик совсем без одежды, в одной льняной повязке и с умашенною головой, и громко кричит: «Слушайте все, слушайте, чужеземцы и рабы, кому угодно омыться, пусть идет в гимнасий».⁶ Аполлоний услышал это, снял свой плащ, вошел в баню и стал обливать себя водой. При этом он разглядывает окружающих, так как ищет себе ровню, но не находит; тут в сопровождении толпы слуг появляется царь всей этой земли Альтистрат. Царь затевает со своими слугами игру в мяч. Аполлоний подбегает, ловит мяч и с необыкновенной ловкостью направляет в руки царю. Тогда царь говорит своим слугам: «Идите, ибо здесь юноша Аполлоний, который, мне сдается, в игре этой

не уступает мне». Аполлоний, услышав похвалу, смело приблизился к царю, набрал ловкой рукой благовонного масла и легонько его опрыскал. Затем омыл в теплой ванне, а когда царь вышел, удалился.

После ухода юноши царь сказал своим друзьям: «Истинно клянусь вам, лучше мне никогда не случалось мыться, чем сегодня, благодаря любезности этого юноши, не знаю, кто он таков». И, взглянув на одного из слуг, говорит: «Узнай, кто будет этот юноша, который служил мне!». Тот пошел следом за Аполлонием и увидел, что он одет в жалкий плащ. Слуга вернулся к царю и сказал: «Этот юноша потерпел кораблекрушение». Царь говорит: «Откуда ты это взял?». А слуга в ответ: «Хотя юноша не сказал ни слова, облик его свидетельствует обо всем». Царь говорит: «Беги скорее и скажи ему: „Царь зовет тебя на обед“». Аполлоний, когда услышал это, обрадовался и пошел вслед за слугой во дворец. Слуга входит первым и говорит царю: «Юноша, потерпевший кораблекрушение, здесь, но совестится из-за жалкой своей одежды войти». Тотчас же царь велит одеть Аполлония достойным образом и ввести в покой.

Взойдя в триклиний,⁷ Аполлоний лег на отведенное ему напротив царского ложе;⁸ подают закуску, а затем и обед. Аполлоний не угощается, как прочие гости, но, плача, не сводит глаз с золотой и серебряной посуды. Тут один из гостей говорит царю: «Если не ошибаюсь, юноша этот завидует твоему богатству». Царь говорит: «Ты напрасно подозреваешь его в ху-

дом — он не завидует моему богатству, но опечален своими великими потерями». И, приветливо взглянув на Аполлония, царь говорит: «Юноша, угождайся вместе с нами и уповай на то, что бог пошлет тебе лучшие дни!».

Пока он такими речами ободрял юношу, неожиданно входит царская дочь, уже взрослая девушка, целует своего отца, а затем всех приглашенных друзей и обращается к отцу, говоря: «Добрый мой отец, кто тот юноша, который занимает почетное место против твоего и выглядит таким печальным?». Царь говорит: «О, сладчайшая дочь моя, этот юноша потерпел кораблекрушение и любезно услужил мне в гимназии, за что я и позвал его на свой царский обед; кто же он будет, не знаю, но, если хочешь, расспроси его. Тебе подобает знать все, и, быть может, выслушав юношу, ты почувствуешь к нему сострадание».

Слыша это, девушка подходит к Аполлонию и говорит: «Друг мой, любезность — свидетельство благородного происхождения. Если тебе не слишком мучительно, назови мне свое имя и расскажи о перенесенных злоключениях». А он в ответ: «Если ты спрашиваешь о моем имени, оно утонуло в море, если о высоком происхождении — оно осталось в Тире». Девушка говорит: «Скажи яснее, чтобы мне было понятно!». Тогда Аполлоний называет ей свое имя и рассказывает все свои злоключения. Когда он кончил, из глаз его ручьем полились слезы. Царь увидел, что Аполлоний плачет, и говорит дочери: «Сладчайшая моя дочь, ты провинилась: спросив об имени и судьбе юноши, ты

оживила его печаль. Потому тебе, сладчайшая моя дочь, подобает явить царскую свою милость человеку, который уже поведал тебе все». Девушка, узнав волю отца, оборотилась к юноше и говорит: «Ты наш гость, Аполлоний; не печалься, ибо отец мой богато оделит тебя». Аполлоний, вздохнув, скромно поблагодарил.

А царь сказал своей дочери: «Принеси лиру, чтобы песней украсить пир». Девушка велит подать ей лиру и начинает сладостно перебирать струны. Все ее хвалят и говорят: «Нельзя услышать лучшей и более усладительной игры». Один Аполлоний молчал. Царь говорит ему: «Аполлоний, ты поступаешь дурно. Все хвалят игру моей дочери; почему же один ты не одобряешь ее?». Аполлоний говорит: «Добрый царь, если позволишь, я скажу, что думаю. Дочь твоя не искушена в музыкальном искусстве и еще не овладела им. Прикажи дать мне лиру и сразу узнаешь, чего не знал». Царь говорит: «Аполлоний, я вижу, что ты искусен во всем». Аполлоний велит подать себе лиру и, вышед из триклиния, надевает на голову венок, и с лирою в руках возвращается назад и так сладостно играет перед лицом царя, что всем кажется, будто это не Аполлоний, а сам Аполлон. Сотрапезники царя говорят в один голос, что никогда прежде не видели и не слышали ничего лучшего.

Дочь же царя, внимая его игре и глядя на юношу, почувствовала к нему любовную склонность и говорит своему отцу: «О, отец, позволь мне одарить юношу, как мне будет угодно». Царь говорит: «Позволяю». «Учитель, прими по милости моего отца двести талантов золота,

четыреста ливров⁹ серебра, без счету одежд, двадцать слуг и десять служанок», — а слугам говорит: «Принесите все это». По слову царской дочери на глазах присутствующих друзей все было принесено в триклиний. После этого гости поднялись и покинули царский дворец. Аполлоний говорит: «Добрый царь, страдающий страждующим, и ты, царица, покровительница искусств и почитательница философии, прощайте!». И, оборотившись к слугам, которых даровала ему царская дочь, говорит: «Возьмите, слуги, то, что я получил в дар, и поищем себе пристанища».

Девушка, боясь, что лишится любимого, печалилась и, глядя на отца, говорит: «Добрый царь и лучший из отцов, пусть Аполлоний уйдет от нас богатым человеком и дурные люди не отнимут у него наших даров». Тут царь велит сейчас же отвести Аполлонию покой, где бы он мог без помех отдохнуть. А девушка, горя любовью, провела беспокойную ночь, а наутро входит в отцову спальню. При виде ее царь говорит: «Что такое случилось, что против обыкновения ты так рано поднялась?». «Я потеряла покой, дражайший мой отец, и прошу, чтобы ты отдал меня в науку Аполлонию, дабы мне превзойти музыку и другие искусства». Царь обрадовался этим ее словам, приказал позвать к себе юношу и говорит ему: «Аполлоний, дочь моя горячо желает обучиться твоему искусству; потому прошу тебя передай ей все, что ты знаешь, а я щедро вознагражу тебя». Аполлоний в ответ: «Владыка, я готов служить вашей воле».

Аполлоний учил царскую дочь, как некогда сам учился. Вскоре она от томившей ее любви к юноше занемогла. Когда царь увидел, что дочерью его владеет какой-то недуг, без промедления созвал лекарей; они стали проверять биение пульса и все части ее тела, но не обнаружили никакого недуга.

Спустя несколько дней трое весьма знатных юношей, которые давно уже домогались брака с царской дочерью, в один голос и теми же словами приветствуют царя. При виде их царь говорит: «Зачем вы пришли?». Они: «Потому что множество раз вы обещали отдать свою дочь в жены одному из нас; вот почему мы все сегодня явились; мы твои подданные, люди богатые и из благородных домов, а потому на свой вкус выбирай себе из трех будущего зятя». Царь говорит: «Вы обратились ко мне не вовремя. Дочь моя всецело предалась наукам, а сейчас занемогла из-за своей любви к занятиям и лежит в постели. Но чтобы вы не подумали, будто я отступаюсь от своего слова, напишите на табличках свои имена и перечислите свадебные дары, которые дадите, а я передам таблички дочери, чтобы она сама выбрала, кого ей будет угодно». Женихи так и сделали, а царь, получив таблички, прочитал их, запечатал и передал Аполлонию, говоря: «Возьми эти таблички, учитель, и отдай своей ученице». Аполлоний взял их и отнес царской дочери. Девушка, видя того, кого она любила, говорит: «Учитель, что случилось, что ты один вошел в мою спальню?». Аполлоний говорит: «Возьми и прочти таблички, которые послал тебе отец».

Девушка снимает печать и, видя имена тех трех, кто домогался брака с нею, откладывает таблички и говорит Аполлонию: «Учитель мой Аполлоний, неужели ты не печалишься, что мне надлежит вступить в брак с другим?». А он в ответ: «Нимало не печалюсь, ибо что тебе в честь, мне в радость». Девушка говорит: «Учитель, если бы ты меня любил, непременно печалился бы». С этими словами она что-то написала в ответ, вновь запечатала таблички и подает Аполлонию, чтобы он отнес царю. А написала она так: «Царь и лучший из отцов, поскольку ваше доброе сердце дозволило мне ответить, отвечаю. Я хотела бы пойти замуж за того, кто потерпел кораблекрушение».

Узнав желание своей дочери и не понимая, кого она разумеет под потерпевшим кораблекрушение, царь, глядя на юношей, говорит: «Кто из вас потерпел кораблекрушение?». Некто по имени Ардолий сказал: «Я потерпел кораблекрушение». Другой говорит: «Да нападет на тебя хворь, да не увидишь ты ни конца ей, ни избавления от нее; ведь, будучи твоим соотарищем, я знаю, что нога твоя никогда не переступала за городские ворота! Где погиб твой корабль?». Так как царь не уразумел, который из них потерпел кораблекрушение, он взглянул на Аполлония и говорит: «Возьми таблички и прочитай, что написала моя дочь. Быть может, я не знаю того, о ком идет речь, а ты поймешь, так как присутствовал, когда она писала». Аполлоний, взяв таблички, быстро пробежал их глазами и, так как понял, что девушка любит его, по-краснел. Царь говорит ему: «Аполлоний, ты

знаешь этого человека?». А тот от смущения что-то пробормотал; царь понял, что его дочь хочет в супруги Аполлония, и сказал остальным: «Со временем я обращусь к вам». Они попрощались и ушли.

Тогда царь вошел к своей дочери и говорит: «Кого же ты выбрала себе в мужа?». Девушка в слезах упала к ногам отца и говорит: «Дражайший отец, потерпевшего кораблекрушение Аполлония». Царь увидел слезы своей дочери, поднял ее с земли и обратился к ней, говоря так: «Сладчайшая дочь моя, ни о чем не думай, ибо желания наши совпадают. Я все понял, так как любовь сделала меня отцом, и назначу твой брак без промедления». На следующий день к царю были созваны друзья из ближайших городов, и он сказал им: «Дражайшие, дочь моя пожелала выйти замуж за своего учителя Аполлония. Я прошу, чтобы все вы радовались, ибо она соединяет свою жизнь с достойным человеком». Говоря так, он назначает день свадьбы.

Вскоре дочь царя понесла; как-то раз, уже в тягости, прогуливаясь с царем Аполлоном, своим супругом, вдоль берега моря, она обращает внимание на красивый корабль. Аполлоний признал в нем корабль из своего родного города Тира. Повернувшись к его владельцу, он говорит: «Откуда держишь путь?». А тот: «Из Тира». Аполлоний говорит: «Это моя родина». Корабельщик отвечает: «Значит, ты тириец?». Аполлоний: «Совершенно верно». Корабельщик говорит: «Знаешь ли ты там некоего человека, первого в Тире, по имени Аполлоний?». А потом сказал: «Прошу тебя, если встретишь где-

нибудь Аполлония, скажи, чтобы ликовал и радовался, ибо царя Антиоха и дочь его убило молнией. Аполлония же ждет Антиохийское царство». Услышав эту весть, Аполлоний обрадовался и говорит своей супруге: «Я прошу, чтобы ты отпустила меня принять царство». Услышав эти слова, супруга его заплакала и говорит: «Господин, если ты отправишься в дальний путь, тебе придется торопиться ко дню моих родов, а будучи со мной, только и будешь думать о возвращении в Тир. Но если тебе угодно, отправимся вместе». Войдя к отцу, она говорит: «О, отец, веселись и радуйся — по устройению божию молния убила жестокого царя Антиоха вместе с его дочерью; власть же и царские венцы ожидают нас. Дозволь мне отплыть в Антиохию вместе с моим супругом».

Царь в великой радости велит готовить корабли и нагрузить их всевозможным добром. Из-за того что дочь должна вот-вот родить, царь приказывает, чтобы вместе с ней поехали кормилица ее по имени Лигоцида и повитуха, и, щедро снабдив их всем необходимым, он проводил отъезжающих до берега моря, облобызал дочь и зятя, и они пустились в плаванье.

После нескольких дней пути поднялась сильная буря; тут супруга Аполлония, после того как разрешилась дочерью, настолько обессиливает, что кажется мертвой. Когда случившееся замечают слуги, они начинают громко причитать и сетовать. Аполлоний, слыша это, бежит к ней, видит, что супруга его лежит мертвая — так ему показалось, — разрывает на груди своей одежды и с рыданиями падает на бездыханное

тело, говоря: «Дорогая супруга, дочь Альтистрата, что я скажу твоему отцу?». При этих его словах кормчий говорит ему: «Не полагается держать на корабле труп; поэтому прикажи бросить его в море, чтобы мы спаслись». Аполлоний в ответ: «Что ты говоришь, злодей? Ты хочешь, чтобы я бросил в море тело той, которая приютила меня, потерпевшего кораблекрушение и нищего?». Затем он созвал своих слуг и говорит: «Сделайте ковчежец и просмолите все щели его, а внутрь положите эту свинцовую табличку; когда ковчежец будет готов, украсьте царицу царским убором». Супругу Аполлония опустили в ковчежец; под голову ей кладут много золота и серебра, царь, проливая слезы прощается с супругой, последним поцелуем, новорожденную же велит пестовать и заботливо кормить, чтобы вместо дочери привести царю хотя бы внуку.

Ковчежец по велению Аполлония с великим стенанием бросают в море. На третий день морская волна прибывает его к городу Эфесу, близ дома некоего врача по имени Церимон, который в этот день в сопровождении учеников прогуливался вдоль берега. Он замечает в воде ковчежец и говорит своим слугам: «Поднимите этот ковчежец и отнесите домой!». Когда слуги исполнили приказ, врач открыл крышку ковчежца, увидел украшенную царским убором очень красивую женщину, которая лежала как мертвая, и в удивлении говорит: «О, красавица, почему тебя бросили в море?». Заметив положенное в изголовье золото и серебро, а под ним свинцовую табличку, он говорит: «Посмотрите, что

написано на этой табличке». Раскрыв ее, врач увидел такие строки: «Нашедшего этот ковчег прошу взять себе десять золотых, а десять употребить на то, чтобы похоронить тело этой женщины. Она оставила по себе в сердце своих родителей слезы и горчайшую скорбь. Если же нашедший не сделает того, о чем взывает чужая беда, пусть придет его последний день и не окажется человека, который предал бы его прах земле». Прочитав написанное своим слугам, врач говорит: «Сделаем то, о чем взывает к нам чужая скорбь. Клянусь вам своим благополучием, что истрочу на похороны больше, чем для этого назначила чужая беда».

Сейчас же врач приказывает сложить погребальный костер; когда все уже готово и вот-вот вспыхнет пламя, подходит ученик этого врача, еще юноша по летам, но старец по рассудительности, и видит на костре прекрасную покойницу, а учитель, оборотившись к нему, говорит: «Ты вовремя пришел — этот час тебя ждал. Возьми сосуд с благовониями и все, что полагается в подобных обстоятельствах, и окропи костер». Юноша подходит к телу царицы, раздвигает на груди ее одежду и, окропляя ее тело принесенными благовониями, замечает, что она жива. Он удивляется, ищет пульс, смотрит, не исходит ли из ноздрей дыхание, прикладывает губы к ее губам, убеждается, что жизнь в этой женщине борется со смертью, и говорит слугам: «Со всех четырех сторон осторожно поднесите к ней факелы». Когда приказание было исполнено, ее кровь, уже частично стухившаяся, разжижилась. Уви-

дев это, юноша говорит учителю: «Женщина, которую ты считаешь мертвой, на самом деле жива, и чтобы ты мне поверил, я докажу это». С этими словами он поднимает тело на руки и несет к себе в покой; согрев у себя на груди масло, он пропитывает им шерстяную ткань и накрывает женщину, чтобы сгустившаяся кровь ее постепенно разжижилась и женщина начала дышать. Кровеносные сосуды ее от этого расширились, она открыла глаза, задышала и говорит: «Кто бы ты ни был, обращай со мной как подобает, ибо я дочь и супруга царя». Слыша ее голос, юноша, полный радости, входит в покой учителя и говорит: «Вот, учитель, женщина эта ожила!». Тот говорит: «Одобряю твое усердие, хвалю искусство и дивлюсь уму. Держись правила своей науки, не будь неблагодарен своему искусству и прими награду, ибо в ковчежке вместе с этой женщиной было положено много денег!». Врач приказывает подать царице подобающие ей одежды, лучшие украшения и целящие снадобья. Спустя немного дней, узнав, что она царского происхождения, он созывает друзей и в их присутствии удочеряет ее; она же со слезами молит не разрешать никому к ней прикоснуться. Затем врач отправляет ее с несколькими женщинами в храм Дианы,¹⁰ чтобы она стала жрицей этой богини и хранила целомудрие.

Между тем Аполлоний продолжает свой путь в глубокой печали, с божьей помощью достигает Тарса и, сойдя с корабля, направляется в дом Странгвильона и Дионисады. Он приветствовал их и поведал им свои злоключения,

говоря: «Супруга, к моей великой печали, умерла, но дочь жива, и я о ней радуюсь. Поскольку я могу на вас положиться, я хочу отплыть, чтобы принять царство, которое меня ожидает; но не вернусь к тестю, чью дочь сгубил в море, а лучше стану купцом. Вам я поручаю свою дочь, чтобы она воспитывалась с вашей Филомацией; зовите ее Тарсией. Кроме того, я хочу, чтобы кормилица моей супруги по имени Лигоцида ходила и за Филомацией». Такими словами он передал девочку Странгвилиону, дал ему золота, серебра и множество одежд и поклялся не стричь бороды, волос и ногтей, пока не отдаст замуж дочь. А Странгвилион и Дионисиада дивятся его суровому зароку и обещают заботливо опекать Тарсию.

Аполлоний садится на корабль и отправляется в далекие края. А дочь его Тарсия, достигнув пятилетнего возраста, вместе с Филомацией, дочерью Странгвилиона и Дионисиады и своей сверстницей, обучается свободным искусствам.¹¹ В четырнадцать лет Тарсия, как-то раз вернувшись из школы, застаёт свою няньку Лигоциду в приступе внезапного недуга и, сев рядом, начинает расспрашивать ее о причине болезни. Нянька говорит: «Слушай, доченька, и сохрани мои слова в своем сердце. Кого ты считаешь своим отцом и матерью и где, думаешь, твоя родина?». Девочка в ответ: «Родина моя Тарс, отец — Странгвилион, мать — Дионисиада». Нянька вздохнула и говорит: «Послушай, доченька, про свою родню, чтобы после моей смерти знать, как тебе быть. Отец твой Аполлоний, мать — Луцина, дочь царя Альтистрата.

Когда она разрешилась тобой, у нее вдруг преклось дыхание и она умерла. Отец твой Аполлоний, сделав ковчежец, положил ее туда в царском уборе и бросил в море, а под голову ей положил двадцать золотых сестерциев;¹² куда бы волны ни прибили ковчежец, они сослужат твоей матери службу. Корабль же, на котором в глубокой печали плыл твой отец и где ты лежала в пеленах, борясь с ветром, попал в этот город. Здесь Аполлоний Тирский вверил тебя заодно со мной попечению Странгвилона и Дионисиады и дал зарок не стричь бороды, волос и ногтей, пока не отдаст тебя замуж. Наказываю тебе, если после моей смерти гостеприимцы твои, которых ты зовешь родителями, часом обидят тебя, иди на площадь и увидишь там статую своего отца. Прикоснись к ней рукой и крикни: „Я дочь того, в чью честь поставлена эта статуя!“. Горожане, помня благодеяния твоего отца, отомстят твою обиду». Тарсия в ответ: «Дорогая нянюшка, бог свидетель, если б ты не открыла мне этого, я бы не знала, кто мои родители».

Когда они так говорили друг с другом, нянюшка испустила дух. Тарсия схоронила ее и целый год оплакивала. Когда к ней вернулось прежнее душевное спокойствие, Тарсия опять стала посещать школу, чтобы обучаться там свободным искусствам, а возвратившись оттуда, не прежде садилась есть, чем навещала нянюшину могилу. С сосудом вина она входила в гробницу и там призывала своих родителей. В один прекрасный день Дионисиада с дочерью своей Филомацией шли по городской площади. Горожане,

видя красоту и убор Тарсии, воскликнули: «Счастлив отец Тарсии! Эта же девушка и ее спутница безобразны и отвратительны». Дионисиада слышит, что Тарсию хвалят, а родную дочь хулят, обезумев от ярости, воротилась домой и сама с собой говорит так: «Вот уже минуло четырнадцать лет с тех пор, как отец Тарсии был здесь; он не возвращается за дочерью и не присылает писем; я думаю, что он умер, нянька тоже умерла — больше за Тарсию некому заступиться: я ее убью и украшу ее уборами свою дочь».

Тут из поместья Дионисиады приходит человек по имени Феофил; позвав его к себе, она говорит: «Если хочешь получить награду, убей Тарсию!». Управитель поместья говорит: «Что такое сделала невинная девушка?». А Дионисиада в ответ: «Она очень дурна, и потому ты не должен мне отказывать, делай, что я говорю, а если не сделаешь, тебе будет худо». Феофил: «Скажи, госпожа, как это сделать?». Она говорит: «У Тарсии есть обычай: возвращаясь из школы, она не прежде садится есть, чем навестит гробницу своей няньки; там, поджидая ее с кинжалом, схвати сзади за волосы и убей, а тело кинь в море и получишь свободу и вдобавок к ней большую награду». Феофил запасся кинжалом, вздыхая и плача, пошел к гробнице и сказал: «Увы, неужели я заслужу свободу, только если пролью кровь невинной девушки?».

Между тем Тарсия, возвратившись домой из школы, как обычно, с сосудом вина входит в гробницу; тут Феофил напал на нее и, схватив за волосы, поверг на землю. Пока он гото-

вился нанести удар, Тарсия говорит: «О, Феофил, какое зло я тебе или кому-нибудь другому сделала, что должна умереть?». Он говорит: «Ты ничего не сделала, но сделал твой отец, который оставил при тебе много золота и царские уборы». Тарсия в ответ: «Прошу, господин, если я обречена, дозволить мне помолиться». Феофил: «Молись; господь знает, что я убиваю тебя не по своей воле».

Когда Тарсия стояла и молилась, откуда-то набежали морские разбойники и, увидев, что девушка на краю гибели и какой-то человек, вооруженный кинжалом, хочет ее убить, закричали: «Остановись, жестокосердный варвар! Девушка — наша добыча, а не твоя жертва». Тот, услышав эти слова, бросился прочь и спрятался за стоящим на берегу надгробием, а морские разбойники, схватив девушку, вышли в море. Феофил вернулся к госпоже и говорит: «Я исполнил твое веление. Нам обоим, я думаю, нужно теперь надеть траурные одежды, проливать на людях притворные слезы и говорить, будто Тарсия умерла от тяжкого недуга».

Когда об этом услышал Странгвильон, его охватил страх и удивление, и он сказал: «Дай и мне траурную одежду, чтобы и я печалился, так как причастен к страшному злодеянию! Увы, что мне делать! Отцу этой девушки спас наш город от смертельной угрозы, по нашей вине потерпел кораблекрушение, потерял свое достояние и впал в нужду, а ему за добро воздалось злом. Дочь его, которую он отдал нам на воспитание, пожрала кровожадная львица. Увы, как я был слеп! Ныне скорблю по невин-

ной, связанный узами со зловредной ядовитой змеей». Подняв глаза к небу, Странгвилион говорит: «Боже, ты знаешь, что на мне нет крови Тарсии! Взыщи за нее с Дионисиады». Он взглянул на свою жену и говорит: «Скажи, противная богу и отребье рода человеческого, как ты извела царскую дочь?». А она вместе с Филомацией облачилась в траурные одежды и, на людях проливая притворные слезы, говорила: «Дорогие сограждане, потому мы зываем к вам, что свет наших очей, Тарсия, как видите, подкошена внезапным недугом и оставила нам печаль и горькие слезы. Мы ее достойно схоронили». Тут все пошли туда, где стояло медное изображение Тарсии, отлитое за заслуги ее отца, и где граждане Тарса в память Аполлония воздвигли медную гробницу дочери.

Разбойники, похитившие Тарсию, пришли в город Махиленту¹³ и выставили девушку на рынке вместе с прочими своими рабами, которых собрались продавать. О Тарсии услышал безбожный и грязный сводник и стал торговаться, чтобы ее купить. Но Афанагор, царь этого города, убедившись в благородстве, красоте и разумности девушки, предложил десять сестерциев золота. Сводник говорит: «Я даю 20». Афанагор говорит: «А я 30». Сводник: «Я даю 40». Афанагор: «Я — 50». Сводник: «60». Афанагор: «70». Сводник: «80». Афанагор: «90». Сводник: «Не сходя с места, даю 100 сестерциев». И говорит еще: «Если кто даст более, даю на 10 сестерциев больше». Афанагор говорит: «Если мне тягаться со сводником, то, чтобы купить эту женщину, мне пришлось бы

продать нескольких. Пусть сводник покупает ее: когда он выставит девушку на продажу, я первый приду в лупанар¹⁴ и развяжу пояс ее девственности и таким образом получу то же, что получил бы, если б купил ее».

Что же было дальше? Сводник привел Тарсию в покой, где стояла статуя Приапа, украшенная золотом и драгоценными камнями, и сказал: «Девушка, поклоняйся этому богу!». Она говорит: «Никогда не стану поклоняться подобному божеству». И еще говорит: «Господин, ты часом не из Лампсака?». Сводник говорит: «Почему ты думаешь, что я из Лампсака?». А Тарсия: «Потому что жители этого города почитают Приапа».¹⁵ Сводник говорит: «Несчастная, разве ты не поняла, что попала к алчному своднику?». Тут девушка говорит, упав к его ногам: «О, господин, пощади мою девственность, не оскверняй мое тело ради гнусной наживы». Сводник ей: «Разве ты не слышала, что для сводника и палача просьбы и слезы — ничто». Он позвал слугу, который присматривал за женщинами, и говорит: «Эту девушку одень в дорогие одежды девственниц и сделай такую надпись: „Кто пожелает Тарсию, заплатит полфунта золота, впоследствии она будет доступна за несколько солидов“». Слуга сделал, как ему было велено.

Через три дня толпа, предводительствуемая сводником, с музыкой потянулась в лупанар. Царь Афанагор первым с закрытым лицом переступил порог. Увидев его, Тарсия бросается к ногам царя и говорит: «Сжался надо мной, господин, ради бога, и богом тебя заклинаю не

трогать меня. Побори свое вожделение и выслушай повесть о моих злосчастиях или по крайней мере прими во внимание мое происхождение». Когда она поведала Афанагору обо всех своих бедах, царь усовестился и с почтением говорит ей: «У меня дочь такая, как ты, и я боюсь, чтобы ей не пришлось попасть в такую же беду». Он дает девушке 20 золотых, говоря: «Вот, ты больше получила за свою девственность, чем назначил за нее сводник. Говори всем, что сказала мне, и купишь себе свободу». Вся в слезах, Тарсия говорит: «Благодарю тебя за сострадание и прошу никому не рассказывать о том, что услышал от меня!». Афанагор говорит: «Если расскажу, то единственно моей дочери, чтобы ей не претерпеть такой беды, когда она достигнет твоего возраста». И вышел со слезами.

В дверях с Афанагором столкнулся другой посетитель и говорит: «Как она тебе понравилась?». Царь говорит: «Как нельзя более, но она печальна». Юноша вошел к Тарсии, и, как полагается, она затворила дверь. Юноша спрашивает: «Сколько тебе дал царь?». Девушка говорит: «40 золотых». А он: «Возьми целый фунт!». Царь, слыша эти его слова, говорит: «Чем ты больше дашь, тем горше она будет плакать». Девушка взяла деньги, пала к ногам юноши и рассказала свою историю. Юноша Аноциат говорит: «Встань, госпожа, все мы люди и все подвластны злой судьбе». С этими словами он ушел, увидел улыбающегося Афанагора и говорит ему: «Ты — могущественный человек, но, видно, у тебя нет

никого, кроме меня, чтобы плакать вместе с тобой». Они дали друг другу клятву не разглашать своей тайны и стали дожидаться других посетителей.

Пришли многие и многие давали деньги, но уходили от Тарсии в слезах. Все, что она выручила, девушка отдала своднику, говоря: «Вот плата за мою девственность!». Сводник говорит: «Смотри, каждодневно приноси мне столько денег!».

На следующий день, узнав, что Тарсия все еще остается девой, он в гневе зовет слугу, надсматривающего над женщинами, и говорит: «Возьми Тарсию к себе и развяжи ей пояс девственности!». Слуга говорит ей: «Скажи, ты дева?». Тарсия в ответ: «Пока господу угодно — дева». А он: «Откуда же ты берешь столько денег?». Девушка говорит, плача и рассказывая о своем злосчастии: «Я прошу людей, чтобы они щадили мою девственность». Упав к его ногам, Тарсия говорит: «Сжался надо мною, господин, помоги попавшей в неволю царской дочери, сохрани мою девственность». Слуга говорит: «Сводник алчен, и я не знаю, как ты сможешь остаться девственницей». А она в ответ: «Я обучена свободным искусствам и умею играть и петь. Сведи меня на площадь, и там ты сможешь убедиться в моем искусстве; предложи, чтобы люди задавали мне вопросы, а я буду на них отвечать. Таким образом ежедневно у меня будут прибавляться деньги». Слуга ей: «Я одобряю твое решение».

Весь народ сбегался, чтобы посмотреть на девушку. А Тарсия приступает к делу, велит,

чтобы ей задавали вопросы, блестяще находит на них ответы и таким путем собирает немало денег. Афанатор хранит ее от покушений, как собственную дочь, и препоручает надсмотрщику, подкупив его щедрыми подарками.

А в это самое время Аполлоний, после 14-летнего отсутствия, подходит в городе Тарсе к дому Странгвильона и Дионисиады. Странгвильон, завидев его, бежит к своей жене Дионисиаде и говорит ей: «Ты уверяла, что Аполлоний погиб в море; вот он идет за своей дочерью! Что же ты скажешь ему?». Дионисиада в ответ: «Притворимся, что мы оба, муж и жена, горюем; наденем траурные одежды, станем горько плакать, и Аполлоний поверит нам, что дочь его умерла своей смертью». Во время их разговора входит Аполлоний. Он видит их в траурных одеждах и говорит: «Почему вы плачете при моем приходе? Впрочем, я надеюсь, что это плачете не вы, а я». Злодейка говорит: «О, если бы то, что я сейчас скажу, донес до твоего слуха кто-нибудь другой, а не я и мой муж! Дочь твоя Тарсия внезапно умерла».

Услышав это, Аполлоний задрожал всем телом и замер на месте. Наконец он овладел собой и, пристально поглядев на Дионисиаду, говорит: «Женщина, если дочь моя, как ты говоришь, погибла, ее деньги и одежды не погибли же вместе с ней?». Она в ответ: «Часть добра сохранилась, часть пропала». Потом в два голоса Странгвильон и Дионисиада сказали: «Верь, мы думали, что, воротившись, ты увидишь свою дочь. Да и у нас есть доказательство, что мы говорим правду. Ведь горо-

жане Тарса, помня твои благодеяния, здесь недалеко на берегу поставили твоей дочери статую из меди, которую ты можешь увидеть». Аполлоний, поверив, что дочь его умерла, говорит слугам: «Возьмите эти вещи и снесите на корабль! Я пойду на могилу моей дочери». Аполлоний прочел надпись, гласящую то, что передано выше. Он стоял точно вне себя и, сев на свои глаза, сказал: «О, глаза, безжалостные к моей дочери — вы остались сухими!». Затем он вернулся на корабль и сказал слугам: «Бросьте меня в морскую пучину! Я хочу испустить дух свой в волнах».

Некоторое время корабль Аполлония при благоприятной погоде плыл в Тир, но внезапно поднялась буря, море пришло в волнение и корабль стало бросать из стороны в сторону. Однако все по своим молитвам достигли Махилены, города, в котором жила дочь Аполлония Тарсия. Кормчий и все остальные стали от радости громко хлопать в ладоши. Аполлоний говорит: «Что за веселый шум доходит до моих ушей?». Кормчий в ответ: «Радуйся, господин, мы сегодня празднуем день нашего общего рождения». Аполлоний вздохнул и говорит: «Пусть все, кроме меня, радуются этому празднику. Довольно слугам глядеть на мои мучения и слезы; я даю десять золотых — пусть купят себе что хотят и отпразднуют этот день, а кто позовет меня или попытается развеселить, тому я вею сломать ноги». Слуга, которому Аполлоний вручил деньги, купил все необходимое и вернулся на корабль. Так как корабль Аполлония пользовался среди осталь-

ных наибольшим почетом, там был самый богатый пир.

Афанагор в это время вместе с любезной его сердцу Тарсией прохаживался по берегу недалеко от этого корабля. Обратив внимание на корабль Аполлония, он говорит: «Вот, друзья, корабль, который мне нравится; он, как я вижу, сделан на славу». Моряки, услышав, что их корабль хвалят, сказали Афанагору: «О, господин, просим тебя подняться на наш корабль». А он: «С удовольствием». Афанагор поднимается и охотно занимает место за столом, кладет перед собой десять золотых и говорит: «Я не собираюсь угощаться даром!». Корабельщики в ответ: «Господин, благодарствуйте». Обедя взглядом сотрапезников, царь говорит: «А кто тут владелец корабля?». Кормчий говорит: «Хозяин в большом горе, он лежит внизу и думает только о том, чтобы в море окончить свои дни, ибо потерял на чужбине супругу и дочь». Афанагор говорит одному из слуг по имени Ардалий: «Я дам тебе два золотых, а ты только спустишься к нему и скажи: „Тебя спрашивает царь этого города, выйди из тьмы на свет солнца“». Юноша говорит: «За твои золотые мне не вылечить ног. Поищи кого-нибудь другого, потому что владелец пригрозил, что всякому, кто его позовет, он велит сломать ноги». Афанагор говорит: «Запрет этот он положил вам, а не мне, и я спущусь к нему. Скажите, как его звать?». А они: «Аполлоний». Услышав это имя, Афанагор сказал себе: «И Тарсия назвала своего отца Аполлонием».

Афанагор спустился к нему. Увидев длин-

ную бороду Аполлония и его нестриженую голову, он сказал тихо: «Привет тебе, Аполлоний». При этих словах Аполлоний подумал, что его окликает кто-нибудь из слуг, но, гневно взглянув и увидев чужого человека, почтенного и внушающего уважение, не сказал ни слова. Царь Афанагор ему: «Ты удивляешься, что я, незнакомый тебе человек, окликнул тебя по имени. Знай, что я царь этой земли и зовут меня Афанагор. Я пришел на берег, чтобы полюбоваться на корабли; среди прочих я увидел принадлежащий тебе, красиво украшенный, и он мне понравился. Твои моряки пригласили меня, и потому я поднялся на корабль и охотно занял место за столом. Я спросил, кто владелец корабля, и мне ответили, что он в большом горе. Тогда я спустился сюда, чтобы из тьмы вывести тебя на свет дня. Я надеюсь, что бог пошлет тебе после всего горя радость». Аполлоний поднял голову и сказал: «Кто бы ты ни был, ступай с миром. Мне не гоже пировать, и я более не хочу жить».

Афанагор, смущенный неудачей, поднялся на палубу и говорит: «Мне не удалось уговорить вашего господина прийти сюда. Что же делать, чтобы отвлечь его от мысли о смерти?». Тут он позвал одного из своих слуг и говорит: «Ступай к своднику и попроси его послать ко мне Тарсию; она ведь мудра и сладкоречива; может быть, она сумеет добиться, чтобы такой человек, как Аполлоний, отказался от намерения умереть столь страшной смертью». И вот Тарсия подходит к кораблю. Афанагор говорит: «Иди сюда, Тарсия! Теперь нужно твое

искусство и знания, дабы утешить хозяина этого корабля, скрывшегося во тьме, и уговорить выйти на свет божий. Он сильно горюет по своей супруге и дочери. Склони его выйти сюда — быть может, господь через тебя преобразит печаль его в радость. Если сумеешь уговорить, я дам тебе тридцать золотых и столько же серебряных монет и на тридцать дней выкуплю у сводника». Услышав эти речи, девушка тотчас спускается к Аполлонию и негромко приветствует его, говоря: «Здравствуй, кто бы ты ни был, и да дождешься ты радости! Тебе желает здравствовать девушка, сохранившая целомудрие и чистоту среди житейских бурь». И тут Тарсия запела, да так сладостно, что Аполлоний заслушался. А пела Тарсия следующее:

Грязь окружает меня, я ступаю по ней, но чиста я,
Розу шипы окружают ведь тоже, но розу не ранят.
Мой похититель напал на меня, мне мечом угрожая,
К своднику в плен я попала, но девство свое сохранила.
О, если б стихли страданья мои, если б высохли слезы!
Весть о родителях лучше всего б исцелила мне душу —
Я ведь единственный отпрыск могучего царского рода.
Волею бога надеюсь, что радость еще я узнаю.
Ты же не плачь. Распротись с мучительной, тяжкой
заботой,
К небу лицо обрати, ум к сияющим на небе звездам.
Бог, творец человека, создатель его и владыка,
Он не позволит, чтоб слезы твои были пролиты тщетно.*

---

* Здесь и далее стихи приводятся в переводе Р. В. Френкель. (Примеч. Ред.).

Аполлоний поднял глаза и, увидев девушку, вздохнул и говорит: «Увы мне, несчастному! Сколь долго я буду пребывать в печали! Благодарю тебя за сострадание ко мне и душевную доброту. Я оплачу тебе тем, что вечно буду помнить тебя. Когда мне возрадоваться, об этом оповестит меня мое сердце. Ты, быть может, как говоришь, и вправду царской крови и предстанешь перед родителями твоих родителей; а теперь возьми сто золотых и уходи. Не зови меня, ибо меня терзает горе, воскрешаемое неутихающей болью». Девушка, получив деньги, направилась к выходу, а Афангор говорит ей: «Зачем уходишь, Тарсия? Ты ничего не добилась, не сумела проявить сострадание и помочь человеку, убивающему себя». Тарсия говорит: «Я сделала все, что могла, но он дал мне сто золотых и велел уйти». Афангор сказал: «Я дам тебе двести, только ступай, верни Аполлонию его деньги и скажи: „Я ищу твоего блага, а не денег“». Тарсия вновь спустилась в трюм, села рядом с Аполлонием и говорит: «Если ты полагаешь остаться здесь, в этой грязи, дозвожь мне побеседовать с тобою. Коли разгадаешь мои загадки, я уйду, а не сможешь разгадать, уйду, вернув тебе деньги». Тогда, чтобы не брать назад своих денег и вместе послушать речи мудрой девушки, Аполлоний говорит: «Хотя в моем злосчастье мне ничего не надобно, кроме слез и стенаний, дабы мне насладиться блеском твоей мудрости, загадай загадки и тогда ступай прочь и дай мне предаться скорби». Тарсия говорит: «Слушай!

Дом на земле есть, закрытый для нас, оглашаемый звуком.
Сам этот дом и звучит, а хозяин жилища безгласен.
Дом и хозяин его постоянно в бессменном движеньи».

А потом говорит: «Если ты царь, как уверяешь, пристало тебе быть мудрее меня. Разреши-ка теперь эту загадку!». Аполлоний говорит: «Знай, что я не обманул тебя. Дом на земле, что звучит, — волна, безгласный хозяин — рыба, которая вместе с волной в постоянном движенье». Тарсия снова говорит:

Дщерь я прекрасного леса, длинная, быстрая, мчусь я,
Полная множества спутников, вдали по бесчестным
дорогам,
Только нигде на пути моем не оставляю следов я.

Аполлоний говорит: «Разгадывая твои загадки, я открыл бы тебе, когда бы это было возможно, много такого, чего ты еще не знаешь. Однако я дивлюсь тому, что в столь юных летах ты обладаешь чудесной мудростью, ибо дерево, несущее на себе множество спутников по бесчестным дорогам, нигде на пути не оставив следов, — корабль». Девушка загадывает следующую загадку:

Нечто идет по домам, но вреда никому не наносит,
Жар из него так и пышет, но он никого не пугает,
Дом у владельца не гол, но нагим в него входит хозяин.
В пекло без траурных риз, сам раздевшись, войдешь
без вреда ты.

Аполлоний говорит: «Я вошел бы в баню, где с каменных плит поднимается пламя; она —

это голый дом, где ничего нет и куда входит обнаженный гость, чтобы там пропотеть».

Когда они обменялись этими и подобными им словами, девушка наклонилась к Аполлонию и, простерев руки, обняла его и сказала: «Выслушай умоляющую, уважь деву, ибо не должно человеку столь мудрому губить себя. Если бог по своей благодати вернет тебе супругу, которую ты оплакиваешь, и в живых окажется твоя дочь, кого ты числишь умершей, тебе следует жить ради этой радости». Когда Аполлоний услышал эти слова, он разгневался, вскочил со своего места и оттолкнул Тарсию ногой. От сильного удара она упала наземь и разбила себе лицо. В смутении девушка стала плакать и говорить: «О, боже, сотворивший небеса, смилуйся над моими злосчастиями! Я родилась среди морского волнения и бури, мать моя умерла, сраженная печалью, и в могиле на твердой земле ей было отказано; отец своей рукой убрал ее, положил в ковчежец, где лежали 20 сестерциев золота, и ковчежец предал морю. Меня, злосчастную, он отдал на попечение безбожных людей Странгвильона и Дионисиады, дав мне с собою все мои украшения и царские одежды, и по их приказу раб должен был убить меня. Я попросила дозволения помолиться перед смертью, и раб не отказал мне в этом. Тут меня похитили неожиданно появившиеся морские разбойники, а раб, который собирался меня убить, бежал; морские разбойники привезли меня сюда, а бог, когда ему будет угодно, вернет меня моему отцу Аполлонию».

Услышав все это, Аполлоний громко вскри-

чал: «О, боже милостивый, ты, кто зришь небо и землю и на свет выводил тайное, да будет имя твое благословенно». С этими словами он обнял свою дочь Тарсию и в душевном веселии поцеловал, горько заплакал от радости и говорит: «О, сладчайшее мое и единственное дитя, половина души моей, из-за тебя я останусь жить, ибо нашел ту, утратив кого хотел умереть!». Он громким голосом сказал: «Спешите, рабы, спешите, друзья, спешите все веселиться вместе со мной! Я нашел ту, что потерял, то есть единственную свою дочь».

Услышав крик, сбежались слуги, а вместе с ними прибежал и Афанатор, первый в городе человек, и, спустившись в трюм, они увидели Аполлония, плачущего от радости на шею своей дочери. Аполлоний сказал: «Вот моя дочь, по ком я крушился, половина души моей! Теперь я хочу жить!». Все вместе с ним заплакали от радости. Тогда Аполлоний, выпрямившись, снял траурные одежды и облекся в праздничные, а люди сказали: «Господин, сколь сходствует дочь ваша с вами. Если бы не было других свидетелей, сходство между вами было бы достаточным доказательством того, что Тарсия твоя дочь!».

Тогда девушка дважды, трижды и четырежды поцеловала отца и говорит: «О, отец! Благословен господь, который по милости своей дал мне увидеть тебя, жить с тобой и с тобой умереть!». И она рассказала ему, как сводник, купив ее, поместил в лупанар и как бог хранил ее девственность. При этих словах Афанатор, опасаясь, как бы Аполлоний не отдал дочь за

другого, упал к его ногам и сказал: «Заклинаю тебя богом живым, который сохранил тебя для твоей дочери, не отдавай Тарсию ни за кого, кроме меня. Я ведь первый человек в этом городе; благодаря мне она осталась девой и с моей помощью обрела отца». Аполлоний говорит ему: «Не могу тебе отказать, ибо ты сделал моей дочери много добра, и потому, я надеюсь, она будет твоей женой. Теперь же следует наказать сводника».

Афанагор пошел в город и, созвав горожан, говорит: «Город не должен страдать из-за одного безбожного человека. Знайте, что царь Аполлоний, отец Тарсии, здесь! Вот его корабли спешат с большим войском, чтобы смести с лица земли наш город из мести своднику, который поместил его дочь в лупанар». После этих слов Афанагора стал стекаться народ и началось такое волнение, что не было ни одного мужчины и ни одной женщины, которые не устремились, чтобы увидеть царя Аполлония и просить его о милосердии. Афанагор говорит: «Чтобы город наш не был разрушен, я советую вам выдать сводника Аполлонию». Тотчас сводника схватили и со связанными за спиной руками повели к царю.

Аполлоний в царских одеждах, с остриженными уже волосами возложил на голову диадему и, поднявшись на возвышение вместе с дочерью, сказал горожанам: «Вы видите деву Тарсию, сегодня обретенную отцом, которую алчный сводник обрек растлению и пороку, не желая уступить ни настояниям друзей, ни просьбам, ни посулам. Отмстите же за мою дочь!». Все сказали

в один голос: «Владыка, сводника следует сжечь заживо, а его богатство отдать Тарсии!». И вот сводника привели к царю, и на глазах всех он был брошен в костер и сгорел. Тарсия говорит надсмотрщику над женщинами в лупанаре: «Отпускаю тебя на свободу, ибо по доброте твоей и горожан я осталась девой». С этими словами она дала ему двести золотых и вольную. Тарсия также даровала свободу всем девушкам из лупанара, которых привели к ней, и говорит: «За то, что до сих пор вы были рабынями, сейчас вы получите свободу».

Аполлоний сказал народу: «Благодарю вас за доброту, которую вы выказали мне и моей дочери; я дарую вам пятьдесят фунтов золота». Все в знак благодарности наклонили головы. После этого горожане в середине города поставили Аполлонию статую и написали на ее основании: «Аполлонию Тирскому, пощадившему наши дома, и чистой деве Тарсии, его дочери».

Спустя немного дней Аполлоний к радости всего города отдал свою дочь за Афанагора и вместе с зятем, дочерью и слугами решил, прежде чем воротиться на родину, плыть в Тарс. Но во сне ангел призвал его держать путь в Эфес, посетить вместе с зятем и дочерью тамошний храм и во всеуслышание поведать в нем о злосчастиях, которые он перенес начиная с юности, затем отправиться в Тарс и отомстить за свою дочь. Пробудившись, Аполлоний рассказал свой сон зятю и дочери. Они говорят: «Делай, господин, как тебе угодно». Тогда Аполлоний велел кормчему идти в Эфес.

Когда царь Аполлоний вместе со своими спутниками сошел на берег, он направился в храм, где жена его жила среди храмовых жриц. Он попросил, чтобы ему отперли двери, что и было сделано. Когда жена Аполлония узнала, что пришел некий царь с дочерью и зятем, украсила голову убором из драгоценных камней, надела пурпурные одежды и, окруженная толпой прислужниц, вошла в храм. Она была на редкость хороша собой, и вследствие ее безукоризненной чистоты все говорили, что нет девы более чистой, чем она. Увидев царицу, Аполлоний не узнал ее и вместе с дочерью и зятем пал к ее ногам, ибо сияние ее красоты было таково, что глядящим казалось, будто перед ними сама богиня Диана. Аполлоний пожертвовал в храм богатые дары, а после этого, как велел ему ангел, начал свою повесть: «Я от рождения царской крови и был наречен именем Аполлоний Тирский; полностью овладев знаниями, я разгадал загадку нечестивого царя Антиоха, чтобы получить в жены его дочь. Но он лишил ее девственности и длил этот нечестивый союз, а потому пытался меня убить. Я спасся бегством, но потерял во время морской бури все; после этого меня приютил царь Альтистрат и был так благосклонен ко мне, что отдал мне в жены свою дочь. После смерти Антиоха вместе с женой я отправился, чтобы принять его царство. Жена моя родила на корабле вот эту мою дочь и умерла родами. Положив ее в ковчежец, я пустил его в море, и, чтобы обнаруживший этот ковчежец мог достойно похоронить царицу, вместе с нею там лежали двадцать золотых сестер-

циев. Эту же мою дочь я вверил присмотру негодных людей и отправился в Верхний Египет. Вернувшись через четырнадцать лет за своей дочерью, я услышал от людей, на чье попечение ее оставил, что Тарсия умерла, и пока в это верил, жил в печали, ходил в траурной одежде и просил себе смерти, а теперь дочь мне возвращена».

Когда Аполлоний поведал это и все дальнейшее, дочь царя Альтистрата, его жена, поднялась, заключила его в объятия и хотела поцеловать, но Аполлоний в гневе отстранил ее, не догадываясь, что это его жена. Царица тогда сказала со слезами: «О, господин мой, половина души моей, почему ты отталкиваешь меня? Я — твоя супруга, дочь царя Альтистрата, а ты Аполлоний Тирский, мой супруг и государь, мой наставник, обучивший меня наукам, тот злосчастный, потерпевший кораблекрушение, которого я полюбила не из похоти, а из-за присущей ему мудрости». Услышав эти слова, Аполлоний тотчас ее узнал, упал ей на грудь и заплакал от радости, говоря: «Благословен всевышний, вернувший мне дочь и жену!». Она: «Где моя дочь?». Аполлоний, указав на Тарсию, сказал: «Вот твоя дочь Тарсия». Она поцеловала девушку. Радостная весть о том, что царь Аполлоний нашел в храме свою жену, разнеслась по городу и округе. Аполлоний взошел на корабль с женой, дочерью и зятем, чтобы плыть на родину.

И вот, придя в Антиохию, он получил свое царство и, собираясь отплыть в Тир, поставил вместо себя царем зятя своего Афанагора. За-

тем с зятем, женой, дочерью и царским войнством он прибыл в Тарс, велел привести к себе Дионисиаду и Странгвильона и в присутствии всех сказал: «Жители Тарса, разве к кому-нибудь из вас я был неблагодарен?». Все сказали: «Нет, господин! Мы готовы за вас умереть. Эта ваша статуя поставлена в память того, что вы избавили нас от смерти». Аполлоний говорит: «Я доверил свою дочь Странгвильону и его жене Дионисиаде, а они отказались воротить мне ее». Злодейка говорит: «Добрый господин, разве ты не читал надписи на ее могильном памятнике?». Аполлоний велел своей дочери явиться в собрание, где Тарсия с укоризной сказала ей: «Здравствуй, тебя приветствует Тарсия, воротившись с того света!». Увидев Тарсию, злодейка задрожала от страха, а горожане удивились и обрадовались. Тарсия велела позвать Феофила и сказала ему: «Феофил, скажи, помнишь ли ты, кто велел тебе убить меня?». Управитель имения сказал: «Госпожа моя Дионисиада». Тогда горожане схватили Странгвильона и Дионисиаду и каменовали их за городом. Хотели они убить и Феофила, но Тарсия спасла его от смерти, сказав: «Если бы он не позволил мне помолиться, я бы не стала его защищать».

Аполлоний даровал деньги на восстановление города и, пробыв в Тарсе три месяца, отплыл в Пентаполь. Он радостно вошел во дворец Альтистрата. Царь, уже старец, увидел наконец свою дочь, внуку и ее мужа — царя. Аполлоний и его близкие в радости провели у Альтистрата целый год. Затем царь умер, оставив половину

своего царства Аполлонию, а вторую половину дочери.

Однажды Аполлоний прогуливался вблизи моря и увидел рыбака, который после кораблекрушения дал ему приют; он велел позвать его и проводить во дворец. Рыбак, видя окружающих его царских воинов, решил, что его собираются убить. Тут подошел Аполлоний и приказал привести рыбака к себе, говоря: «Вот мой друг, который помог мне, когда я потерпел кораблекрушение, и указал мне дорогу в город!». Ему же Аполлоний говорит: «Я — Аполлоний Тирский». Царь велел дать рыбаку двести сестерциев, рабов и служанок и пожизненно взял его в свою свиту. Эламит, человек, сообщивший ему про смерть Антиоха, бросился к ногам Аполлония и говорит: «Вспомни, господин, раба твоего Эламита!». Аполлоний протянул руку, поднял его с земли, богато одарил и тоже взял в свою свиту.

Впоследствии Аполлоний родил от своей супруги сына, которому отдал царство его деда Альтистрата. Аполлоний прожил со своей женой 84 года и счастливо и мирно правил Антиохией и Тиром. Свои злоключения он сам описал в двух томах: один том положил в Эфесском храме, другой хранил в своей библиотеке. Аполлоний умер и обрел жизнь вечную.

72 (157)

**О наказании грешников,
вовремя не понесших кару за содеянное**

В королевском дворце был один очень сообразительный привратник, который постоянно просил своего господина, чтобы тот на один месяц поставил его стражем у городских ворот, дозволив взимать плату с каждого горбатого, одноглазого, шелудивого, прокаженного и страдающего грыжей. Король согласился и скрепил свое согласие печатью. А привратник, получив эту должность, стоял у городских ворот и следил за всеми входящими и выходящими, дабы не упустить своей выгоды.

Однажды к воротам приблизился горбун с головой, закутанной в плащ. Привратник пошел ему навстречу и потребовал денарий, согласно статуту и полученному от короля распоряжению. Горбун отказался и не пожелал ничего заплатить. Тогда привратник ударил его и хотел сорвать с его головы шлык. Сбив шлык на сторону, он увидел, что путник не имеет глаза, и тут же потребовал два денария. Тот отказался платить и пытался бежать. Но привратник за шлык поволок горбуна назад, и — гляди — когда голова горбуна обнажилась, привратник увидел, что он ко всему и шелудив, и тут же потребовал три денария. Горбун пустил в ход кулаки, и тогда на руках его выше локтей открылись пятна проказы; привратник потребовал четыре денария. В драке он сорвал с путника плащ, и тогда оказалось, что у того грыжа;

привратник потребовал пять денариев. Так случилось, что, не желая заплатить один денарий, человек этот принужден был отдать целых пять.

73 (162)

**О том, что следует опасаться произносить
проклятия**

Гервазий Тильберийский,¹ живший во времена императора римского Оттона,² сообщил о неслыханном и небывалом происшествии, полном, однако, мудрого значения и запросто побуждающем неосмотрительных людей быть на страже.

В Каталонии в херонском епископстве³ есть очень высокая гора, подъем на нее нелегок, а кое-где и вовсе невозможен. На вершине горы находится озеро с темной водой, в глубине почти черной. Там, говорят, владения демонов и их дворец, как и сами демоны, невидим и скрыт от людских глаз. Если же кто бросит в озеро камень или что-нибудь в этом роде, сразу же разгневанные демоны поднимут бурю. В иных местах гор лежит вечный снег и никогда не сходит лед. Там великое изобилие горного хрусталя и никогда не светит солнце. У подножия этой горы течет река, несущая золотой песок; из него намывают золото, которое в народе зовется паллиум.⁴ В недрах горы и вблизи нее находят се-

ребро и скрываются многообразные другие богатства. Вблизи горы жилище некоего земледельца. Однажды, когда он был занят домашней работой, а его малолетняя дочь, не смолкая, плакала, он, как поступают несдержанные люди, послал ее ко всем чертям. И тут же необдуманно сорвавшееся с языка проклятие исполнилось и незримая толпа демонов унесла девочку.

Спустя семь лет после этого у подножия горы проходил кто-то из местных жителей и увидел быстро идущего человека, который печально жаловался: «Увы мне, горькому, что мне сделать — ведь меня придавило страшное несчастье!». На вопрос другого путника, какова причина его горя, он ответил, что уже семь лет по велению демонов он совершает этот путь, а они всякий день на нем ездят. Дабы собеседник поверил столь странным его словам, этот человек вспомнил другой случай, рассказав, что дочь его соседа, которую он видел, тоже попала во власть демонов, но им-де прискучило печься о девочке и они бы охотно воротили ее назад, если б отец поднялся за нею в горы.

Собеседник его удивился и стал колебаться, скрыть от ее отца то, что он услышал, или рассказать ему. Решил, однако, открыть все. Человек этот пришел к отцу девочки и, видя, что тот до сих пор оплакивает исчезновение своей двухлетней дочери, спросил о причине его слез. Услышав ответ, путник поведал ему то, что узнал от человека, на котором ездили демоны, и посоветовал пойти в указанное место и, свидетельствуясь именем господним, заклинать демонов, чтобы они воротили назад его дочь, которую не-

когда он отдал им. Отец девочки удивился этим словам, но, размыслив, как ему быть, почел правильным послушаться совета. Он взошел на гору, направился к озеру и стал, заклиная именем господним, требовать от демонов вернуть ему некогда отданную им дочь.

И вот внезапно, словно принесенная дуновением ветра, перед ним предстала высокого роста девочка; глаза ее блуждали, кожа обтягивала мышцы ее и нервы, она не умела говорить, и лицо было неосмысленно — появившееся существо едва ли имело в себе что-либо человеческое. Отец дивился виду вновь обретенной дочери и, сомневаясь, надлежит ли ему возвращать ее в свой дом, обратился к епископу херонскому, рассказал ему о печальном этом происшествии и в своем затруднении спрашивал совета — как быть. Епископ, человек благочестивый и образцовой добродетели, поведал об этом своей пастве, показал девочку всем и призывал к тому, чтобы впредь никто не препоручал своих кровных демонам, ибо враг наш диавол, подобно рыкающему льву, постоянно рыщет, кого пожрать, иных губит, а иных без надежды на избавление держит словно в узилище, дабы предать затем муче и сокрушить.

Вскоре тот, на ком ездили демоны, вследствие такого же отеческого проклятия попавший в их руки, перед лицом всех правдиво и внятно рассказал о том, какова жизнь демонов. Человек этот поведал, что вблизи упомянутого места под землей построен у них огромный дворец, вход в который покрыт густым мраком; туда слетаются демоны, совершив свой полет в различные

части земного мира, и сообщают начальствующим над ними о том, какие дела свершили. Никому не ведомо, из чего сделан этот дворец, кроме самих этих демонов, обитателей его, и людей, которые властью приговора подпадают под вечное их иго.

74 (167)

**О том, что следует прислушиваться
к доброму совету**

Однажды стрелок поймал птичку под названием соловей, и когда хотел убить ее, она заговорила человеческим голосом и сказала так: «Что тебе за прок, человек, если убьешь меня? Ведь ты не насытишься мной, а если отпустишь, я подам тебе три совета. Если неукоснительно будешь им следовать, получишь великую пользу». Пораженный тем, что птица говорит, стрелок пообещал отпустить ее на волю, коли она даст ему эти три полезных совета. Соловей говорит: «Ну, слушай! Первый: никогда не гонись за тем, что тебе не под силу. Слушай теперь второй: не жалея того, что непоправимо! Слушай третий: никогда не верь невероятному. Следуй трем этим советам и будешь счастлив!».

Стрелок, как пообещал, отпустил соловья. Он, вольно летая, сладко запел, а кончив свою песню, сказал стрелку: «Увы тебе, человек, ибо

ты принял неправильное решение и потому лишился сегодня драгоценного сокровища: ведь у меня внутри жемчужина величиной более страусового яйца».

Стрелок, услышав это, весьма огорчился, что отпустил птицу на свободу, развернул свою сеть, чтобы вновь ее поймать, и сказал: «Лети ко мне в дом, и я буду тебя всячески ластить, кормить из рук и давать тебе, когда захочешь, летать». Соловей в ответ: «Теперь я точно знаю, что ты глуп, ибо ничего не извлек из моих советов: ты жалеешь о том, что непоправимо, напрасно стараясь меня поймать, и даже пустил в ход сеть; вдобавок ты поверил, что у меня внутри жемчужина величиной более страусового яйца, тогда как я сам намного меньше его. Ты глуп и никогда не поумнеешь». С этими словами соловей улетел, а стрелок в огорчении и печали воротился домой и больше не встречал соловья.

75 (170)

О возвращении грешника на путь раскаяния

Некий игрок в кости встречается ехавшего на коне блаженного Бернарда¹ и говорит ему: «Отче, давай сыграем, я ставлю свою душу против твоего коня». Святой Бернард тут же спешивается и говорит: «Если тебе выпадет больше очков, конь — твой, а если мне, ты отдашь мне свою душу». Игрок согласился и, не раздумывая, метнул три кости и набрал 17 очков. После та-

кой удачи он взял в руки поводья, точно конь уже принадлежал ему. Святой Бернард говорит: «Сын мой, до сих пор при трех костях можно было набрать и больше очков». И, метнув кости, получил 18 очков, на одно более, чем игрок. Когда игрок увидел такое, он последовал за отцом Бернардом, прожил святую жизнь и, удостоившись блаженной кончины, отошел к господу.

76 (171)

**О великой любви и верности,
а также о том, что правдивое слово
избавляет от смерти**

Петр Альфонса¹ передает, что жили-де два рыцаря, один в Египте, другой в Балдахе.² От одного рыцаря к другому постоянно ходили двое гонцов: когда в Египте случалось какое-нибудь примечательное событие, рыцарь из египетской земли сообщал об этом через гонцов рыцарю из Балдаха, а тот в свою очередь ему, так что между обоими укрепилась верная любовь, хотя ни один из них никогда не видел другого. Однажды рыцарь из Балдаха, отдыхая на своей постели, стал размышлять сам с собою: «Друг мой из Египта выказывает ко мне большую дружбу, а между тем я никогда не видел его телесным оком; отправлюсь-ка я к нему и взгляну на него».

Рыцарь сел на корабль и поплыл в Египет, а друг его узнал об этом, вышел встречать и

в радости привел в свой дом. В доме же этого рыцаря жила прекрасная собой девушка; когда рыцарь из Балдаха увидел ее, глаза ее пленили гостя, и он тяжело занемог от любви. Рыцарь из Египта, заметив это, говорит ему: «Дражайший друг, скажи мне, что с тобой?». А тот: «В доме моем живет девушка, которую жаждет мое сердце столь сильно, что, если я не получу ее в жены, умру». Когда хозяин услышал эти его слова, показал ему всех женщин своего дома, кроме той девушки. А гость посмотрел на них всех и говорит: «Все эти женщины почти вовсе или вовсе мне безразличны, но есть одна — я здесь ее не вижу, — которая наполняет радостью мое сердце». В конце концов хозяин показал рыцарю из Балдаха ту девушку. Увидев ее, гость из Балдаха говорит: «Дражайший друг, в этой девушке для меня смерть и жизнь». Хозяин говорит: «Скажу тебе правду: эту девушку с младенческих ее годов я взрастил в моем доме, чтобы взять в жены и овладеть несметными ее богатствами. Но настолько я тебя люблю, что, дабы ты не умер, отдам ее тебе в жены со всеми сокровищами, которые должны были достаться мне». Услыша эти слова, гость весьма обрадовался, взял эту девушку со всеми ее сокровищами и уехал вместе с супругой на свою родину в Балдах.

Вскоре после этого рыцарь из Египта впал в столь великую нищету, что лишился и дома, и всего своего достояния; он стал рассуждать сам с собой: «К кому мне обратиться, как не к моему другу из Балдаха, которому я отдал богатства, — ведь он не прогонит бедняка?». Ры-

царь из Египта садится на корабль и в вечерний час прибывает в некий город Балдах, где живет его богатый друг. Рыцарь раздумывает сам с собой: «Сейчас ночь; если я пойду к моему другу, он меня не признает, ибо я бедно одет и один, а прежде, бывало, ходил в сопровождении большой толпы слуг и всего имел в изобилии». Он еще говорит себе: «Эту ночь я проведу где-нибудь, а утром пойду к своему другу».

Тут рыцарь глянул в сторону кладбища, заметил, что церковные двери отперты, и вошел в церковь, чтобы там переночевать. Когда, войдя внутрь, он расположился на ночлег, у самой церкви на улице двое прохожих затеяли драку и один убил другого. Убийца побежал на кладбище и скрылся, выйдя с противоположной стороны. Тотчас же в городе поднялся крик: «Где преступник, где злодей, который убил человека?». А рыцарь говорит: «Это я, хватайте меня и ведите на виселицу». Сбежавшиеся люди схватили рыцаря и на ночь заперли в темнице.

Рано поутру зазвонили в городской колокол, судья произнес свой приговор и рыцаря повели на казнь. Среди прочих любопытных, бежавших следом, оказался и его друг, к которому рыцарь пришел. Когда он узнал, что рыцаря из Египта ведут на виселицу, сказал себе: «Не мой ли это друг, рыцарь из Египта, кто даровал мне супругу мою и большие сокровища, и не его ли ведут на казнь, а я остаюсь жить?». И закричал громким голосом: «Добрые люди, не убивайте невинного! Тот, кого вы ведете на смерть, невиновен, убийца — я, а не он!». Сопровождавшие рыцаря из Египта, услышав та-

кие слова, схватили того, кто их крикнул, и тоже повели к виселице. Когда мнимые убийцы подошли к самой виселице, истинный подумал: «Если я, виновник убийства, допущу, чтобы невинные эти люди были казнены, бог, конечно, когда-нибудь покарает меня; лучше на земле принять скоротечное страдание, чем во веки веков терпеть муки в аду». Тут он громко закричал: «Добрые люди, ради бога, не губите невинных! Ни один из осужденных ни знаком, ни словом, ни делом не виноват в смерти человека, который был убит. Это сделал я своими руками. Поэтому казните меня, а невинных отпустите на свободу». Люди дивились этим его речам, но схватили также и его, и всех троих привели перед лицо судьи.

Судья взглянул на них, подивился и говорит: «Почему вы вернулись?». Тогда они рассказали, что случилось с начала до конца. Судья говорит первому рыцарю: «Друг мой, почему ты сказал, что убил того человека?». А рыцарь в ответ: «Я открою вам всю правду без обмана. На моей родине в Египте я был богат и всего имел в избытке, а затем сразу впал в столь великую нищету, что лишился и дома, и угла, и всего моего достояния; стыдясь своего несчастья, я пришел в эту землю в надежде найти тут какое-нибудь лекарство. На признание же я решился потому, что предпочитал жизни смерть, и сейчас прошу, бога ради, вели меня казнить». Судья говорит второму рыцарю, родом из Балдаха: «А ты, друг, почему сказал, что убил?». Тот отвечает: «Господин, этот рыцарь даровал мне жену, которую взрастил для себя, и несмет-

ные сокровища и сделал меня богачом; когда я увидел, что столь дорогого мне друга, даровавшего мне жену и сокровища, ведут на виселицу, я громко закричал: „Я повинен в убийстве, а не он“. Из любви к другу я с радостью умру». Судья говорит настоящему убийце: «А ты почему сказал, что убил?». Тот говорит: «Господин, я сказал правду; было бы большим грехом, если б я допустил, чтобы невинные приняли смерть, а сам я остался бы жить. Я предпочел открыть правду и принять кару на земле, нежели, если б казнили безвинных, в аду или еще где-нибудь терпеть муки». Судья говорит: «Раз ты сказал правду и спас от смерти невинных, постарайся впредь исправить свою жизнь — я освобождаю тебя от смерти. Иди с миром!». Все, слышавшие эти слова, хвалили судью за то, что он произнес столь мягкий приговор тому, кто не утаил правды.

77 (172)

О душевном постоянстве и верности

Некогда был в Англии король, в чьем королевстве жили два рыцаря, один звался Гвидон, другой — Тирий. Гвидон бился во многих поединках и всегда оказывался победителем. Он полюбил одну прекрасную девицу благородного происхождения, но не мог взять ее в жены, ибо из любви к ней постоянно вступал в опасные по-

Римские деяния

динки. Наконец в одном поединке из-за этой девицы он завоевал право на ней жениться и с большой пышностью повел ее под венец. На третью ночь после свадьбы рыцарь с пением петухов встал с постели, взглянул на небо и среди звезд явственно увидел господа нашего Иисуса Христа, который сказал ему: «Гвидон, Гвидон, сколько раз ты сражался во имя любви к своей даме, пора тебе бесстрашно поднять оружие на моих врагов во имя любви ко мне!». Сказав так, он исчез.

Гвидон понял, что божественная воля призывает его отправиться в святую землю и защищать имя Христово от неверных. Он сказал своей жене: «Я надеюсь, что ты родишь от меня. Расти ребенка, пока я не вернусь, ибо я ухожу в святую землю». Услышав эти слова, она, словно безумная, вскочила с постели, схватила лежавший в головах кинжал и сказала: «Господин мой, я давно тебя люблю и только и ждала, когда наконец соединюсь с тобой браком и ты свершишь множество подвигов, так что слава твоя облетит всю вселенную. Теперь у меня будет ребенок, неужели ты хочешь со мной расстаться? Прежде чем это случится, я убью себя этим кинжалом». Рыцарь поднялся, вырвал из рук ее кинжал и говорит: «Моя любимая, меня пугают твои слова; я дал господа обет отправиться в святую землю. Сейчас время исполнить его, а не тогда, когда я буду стариком. Скрепись, ибо по божьей воле я скоро вернусь». Женщина, ободренная словами мужа, дает ему колючку, говоря: «Возьми мое колючку; всякий раз как ты в странствии своем поглядишь на него,

вспомнишь обо мне, а я буду терпеливо тебя дожидаться». Рыцарь попрощался с женой и взял себе в спутники Тирия, а она немало дней подряд проплакала, не осушая глаз. В свой час жена Гвидона родила пригожего мальчика и заботливо растила его.

Гвидон же и Тирий прошли через многие земли и не раз скрещивали оружие во имя Христово. В те времена царство Дация было сокрушено неверными сарацинами.¹ Потому Гвидон говорит своему спутнику: «Милый друг, тебе следует пойти в Дацию и всеми силами помочь ее царю в борьбе с неверными, ибо он христианин. Я же пойду в святую землю и там буду сражаться с врагами Христовыми, а затем явлюсь за тобою и с радостью мы воротимся в Англию». Тирий говорит: «Что тебе угодно, то угодно и мне. Я пойду в Дацию, и ты, если останешься жив, приходи за мной, чтобы нам вместе воротиться на родину». Гвидон в ответ: «Верно обещаю тебе». Они расцеловались и, расставшись, горько плакали.

Гвидон пришел в святую землю, а Тирий в Дацию. Гвидон много раз сражался против сарацинов и других неверных и во всех стычках оказывался победителем, а потому слава о нем облетела всю вселенную. Тирий тоже прогнал всех неверных из Дации, бился с врагами множество раз и всегда побеждал их. Король предпочитал его всем своим придворным и осыпал почестями, и весь народ столь сильно его любил, что король даровал ему большие богатства. Но в те времена в Дации был жестокий и самовластный человек по имени Плебей, который нена-

видел Тирия за то, что тот так быстро добился богатства и почестей. Он перед королем обвинил Тирия в измене, говоря, будто тот замышлял свергнуть его. Король же, поверив навету Плебея и будучи быстр на решения и неколебим, лишил Тирия всех почестей и богатств, так что тот впал в столь большую бедность, что едва мог прокормиться.

Тирий очень печалился, что остался один и стал нищим. Он горько плакал и говорил: «Увы мне, что теперь делать?». Однажды, когда он шел один в мрачном раздумье, навстречу ему попался Гвидон, одетый как странник. Тирий не узнал его, а Гвидон признал друга сразу, но не хотел открыть ему, кто он, и потому сказал: «Любезнейший, откуда ты родом?». Тот говорит: «Издавека, но живу здесь уже многие годы. У меня был друг, который отправился в святую землю; но жив он или умер и что с ним стало — не знаю». Гвидон говорит: «В память твоего друга дозволю тебе отдохнуть, положив голову тебе на колени; я хочу немного соснуть, ибо устал с дороги». Тирий согласился. Когда Гвидон спал у него на коленях, Тирий заметил, что он открыл рот, а оттуда выскочила белая ласка и убежала на соседнюю гору. Через некоторое время ласка вернулась и снова забралась ему в рот. Тут же Гвидон проснулся и говорит: «Любезный друг, мне приснился чудесный сон: будто у меня изо рта выскочила ласка и побежала вон на ту гору, вернулась и снова прыгнула мне в рот». Тирий говорит: «Любезнейший, то, что тебе приснилось во сне, я своими глазами видел наяву; но что все-таки ласке по-

надобилось на этой горе, я совершенно не знаю». Гвидон в ответ: «Давай поднимемся на гору — может быть, мы найдем там что-нибудь для себя полезное». Они взошли на гору и — гляди — видят мертвого змия, в брюхе которого много золота, а также изукрашенный меч, а на мече такая надпись: «Этим мечом рыцарь Гвидон победит врага Тирия».

Когда Гвидон увидел змия, он весьма обрадовался и говорит Тирию: «Любезный друг, я отдам тебе все это золото, но меч хочу взять себе». Тирий говорит: «О, господин, я не заслужил у тебя такого дара». А тот: «Подними глаза свои и взгляни хорошенько! Я — твой друг Гвидон». Тирий тут внимательно посмотрел на странника и сразу же узнал его. От радости он упал наземь, горько заплакал и сказал: «Теперь я могу умереть спокойно, ибо увидел тебя». А Гвидон: «Немедля вставай. Тебе следовало бы радоваться моему возвращению, а не плакать. Я в твою защиту буду сражаться с твоим врагом, и мы оба с почетом вернемся в Англию. Но самое главное — смотри, никому не говори, кто я». Тирий встал с земли, бросился другу на шею и облобызал его.

Взяв золото, Тирий отправился домой, а Гвидон стал стучаться в двери королевского дворца. Привратник спросил, зачем он стучится. А рыцарь в ответ: «Я паломник и недавно воротился из святой земли». Тут же привратник открыл перед ним двери и Гвидон был введен к королю. Рядом с королем сидел тот злодей, который лишил Тирия его богатств и почестей. Король говорит: «Как обстоят дела в святой земле?». Ры-

царь в ответ: «Владыка, сейчас там воцарился прочный мир и многие неверные обратились». Король говорит: «Видал ты рыцаря Гвидона из Англии, который множество раз доблестно сражался в святой земле?». Рыцарь говорит: «Не однажды, владыка, я видел его и делил с ним трапезу». Король ему: «Заходила ли там речь о христианских королях?». Гвидон говорит: «Заходила, владыка, и, между прочим, о тебе, что сарацины и другие неверные немалое время владели твоим царством, а ты по навету некоего своего рыцаря по имени Плебей неправо лишил одного благородного рыцаря всех почестей и богатств; вот что там говорят о вас». Плебей, услышав эти слова, сказал: «Ты лжешь, паломник, и обманываешь своими речами; изволь теперь защищать этого человека: я вызываю тебя на поединок, ибо этот Тирий замыслил свергнуть нашего владыку короля». Гвидон говорит королю: «Государь, так как он называет меня лжецом, а Тирия предателем, я с вашего соизволения скрещу с ним оружие и докажу своей кровью его неправоту». Король говорит: «Я согласен, но прошу тебя не изменять принятому решению». Паломник говорит: «Владыка, вели подать мне оружие». Король в ответ: «Тебе доставят все, что нужно».

Король сам назначил день поединка. Опасаясь, как бы паломник Гвидон не был до этого коварно умерщвлен, король позвал свою дочь, еще деву, и говорит ей: «Дочь моя, так же, как ты бережешь свою жизнь, оберегай этого паломника, и пусть он ни в чем не знает отказа!» Королевна ввела Гвидона в свой покой, позабо-

тилаась, чтобы он омылся, и вволю давала ему все, чего он хотел. Настал день поединка; уже на заре вооруженный Плебей стоял у ворот дворца, крича: «Где этот мнимый паломник? Почему он мешкает?». Гвидон, слыша это, вооружился, и оба прибыли на место поединка. Дважды они сшиблись с такой силой, что Плебей испустил бы дух, если б не отпил из чаши воды, говоря: «О, добрый паломник, разреши мне сделать несколько глотков воды». А тот: «Разрешу, если ты неложно пообещаешь такую же любезность, буде понадобится, оказать мне». Плебей в ответ: «Истинно обещаю тебе это». Он припал к кубку, выпил сколько хотел и тут же изо всех сил обрушил удары на Гвидона. И оба сражались с таким жаром, что Гвидон почувствовал жажду и говорит: «Окажи мне любезность, которую я оказал тебе, ибо меня томит страшная жажда». Тот в ответ: «Я дал обет господу, что ты не вкусишь ничего, кроме ударов отважной руки». Услышав это, Гвидон во время битвы подошел к реке и, будучи совсем близко, прыгнул в воду и так утолил жажду. Затем вышел на берег и бросился на Плебея как рыкающий лев; тот же обратился в бегство. Король, видя, что произошло, велел развести противников и на ночь дать им отдых, чтобы на завтра они продолжали бой. Паломник вошел в покой королевны; она всячески ухаживала за ним, перевязала его раны, дала ему поесть и уложила спать на крепкую деревянную постель. Утомленный трудами, он заснул. У Плебея было семеро отважных сыновей; он созвал их и говорит: «Любимые мои сыновья,

я предупреждаю вас, что если этот паломник сегодняшней ночью не будет убит, завтра меня можно будет числить среди мертвых: более сильного противника я никогда не встречал». Они в ответ: «Отец, нынешней ночью он будет убит». И действительно, около полуночи, когда все спали, сыновья Плебея вошли в покой королевны, который высился над самым морем, так что под окнами его ходили волны. Они стали совещаться между собой: «Если мы убьем паломника в постели, мы сами будем преданы смерти. Лучше сбросим его в море вместе с постелью, и тогда люди будут говорить, что он бежал». Они схватили спящего Гвидона и бросили в море, а он во сне ничего не почувствовал.

Этой самой ночью один рыбак вышел в море; он услышал всплеск воды, когда постель была сброшена в воду, при свете луны увидел ее, удивился и громко крикнул: «Ради бога, скажи мне, кто ты, чтобы я мог тебе помочь прежде, чем будет поздно». Гвидон проснулся от крика и, взглянув на звездное небо, подивился, где он, а увидя кругом воду, в свою очередь крикнул рыбаку: «Милый человек, помоги мне, и я тебя вознагражу, ибо я тот самый паломник, который вчера сражался с вашим Плебеем. Как я сюда попал, не возьму в толк». Рыбак, слыша это, взял его в лодку, привез в свою хижину и устроил на ночлег.

Между тем сыновья Плебея пришли к отцу с вестью, что паломник утонул, так что ему нечего бояться. Плебей без памяти от радости встал поутру, вооружился, пришел к воротам дворца и закричал: «Подавай сюда этого па-

ломника, чтобы я смог с ним поквитаться!». Король сразу же наказал дочери, чтобы она разбудила паломника и он приготовился к поединку. Королевна вошла в покой, где паломник спал, и увидела, что гостя нет. Она горько заплакала и говорит: «Увы мне, сокровище мое похищено!». Она сообщила отцу, что паломник исчез. Король сильно опечалился, но когда стало известно, что вместе с паломником исчезла и его постель, все удивились. Одни говорили, что он бежал, другие — что убит. Плебей же продолжал кричать у ворот: «Выведи-ка своего паломника, чтобы я сегодня подал его голову королю!».

Пока во дворце недоумевали, куда мог деться паломник, рыбак пришел к королю и говорит: «Владыка, не горюйте! Этой ночью я вышел на рыбную ловлю и увидел брошенного в море паломника; я его подобрал и привел в свою хижину; сейчас я оставил его спящим». Король, услышав это, весьма обрадовался, послал к паломнику слуг, чтобы они велели ему готовиться к поединку. Плебей, когда узнал, что его противник жив, очень испугался и попросил короля отложить поединок, но король не пожелал дозволить даже единого часа промедления.

Оба противника вышли на поприще; они сошлись дважды, а на третий Гвидон отсек Плебею сначала руку, а потом голову и подал их королю. Тот от всего сердца обрадовался, что паломник одержал столь славную победу. Когда же услышал, что сыновья Плебея бросили Гвидона в море, приказал их повесить, а паломник попросил короля отпустить его. Кроме того, король щедро одарил Гвидона, прося, чтобы тот

остался при его дворе, но Гвидон не пожелал. Король пожаловал ему много золота и серебра, но все это рыцарь отдал своему другу Тирию, вернул ему прежнюю милость короля и прежнее богатство и простился с королем. Король сказал ему: «Любезный друг, заклинаю тебя богом, прежде, чем ты уйдешь, назови свое имя!». Тот говорит: «Государь, я зовусь Гвидоном, о котором ты не раз слышал». При этих словах король бросился на шею Гвидону и посулил ему небольшую часть своего царства, если он несколько времени останется в Дации. Гвидон нипочем не хотел уступить его просьбам и, облобызав короля, пошел от него прочь.

Гвидон прибыл в Англию и пришел к своему замку. У его ворот сидело великое множество нищих, и была среди них в одежде паломницы графиня, его супруга, которая всякий день им прислуживала и каждому давала денарий, говоря: «Молитесь за господина моего Гвидона, чтобы до моей смерти я бы еще порадовалась о нем и он счастливо воротился бы ко мне, ибо давно ушел в святую землю». В день этот сын Гвидона, которому уже минуло семь лет, в богатой одежде был тут же при матери. Услышав, что она всякому нищему называет имя Гвидона, он спрашивает: «Матушка, это ты говоришь нищим о моем отце?». А она: «Да, мой сын. На третью ночь после нашей свадьбы он ушел, и больше я его не видела». Супруга Гвидона, в черед обходя нищих, подошла и к супругу своему Гвидону и подала ему милостыню, но не узнала, кто это. Правда, он склонил голову, чтобы она его не могла разглядеть. Когда го-

спожа направилась к другим нищим, сын последовал за ней. Гвидон поднял глаза и взглянул на сына, которого никогда не видел, но не мог сдержаться и, взяв мальчика на руки, поцеловал со словами: «О, сладчайшее мое дитя, господь да дарует тебе милость совершать угодное ему». Служанки, заметив, что паломник поцеловал мальчика, подозвали его и велели больше сюда не приходить.

Тогда Гвидон подошел к супруге и попросил дать ему убежище в лесу, чтобы он мог там постоянно жить. Она, видя, что это паломник, из любви к богу и своему супругу дала ему пристанище, и он жил там долгое время. Когда же почувствовал приближение смерти, позвал своего слугу и говорит: «Скорее иди к госпоже, передай ей это колечко и скажи, что, если она хочет меня видеть, пусть сейчас же, не откладывая, придет». Слуга подошел к госпоже и показал ей колечко. Увидев колечко, она громко закричала: «Это колечко моего господина». Она бегом побежала в лес, но, прежде чем успела прийти, Гвидон умер. Она упала на его тело и громко закричала: «Увы мне, умерла моя надежда». Она жаловалась и стенала, говоря так: «Что пользы в милостыне, которую я во имя господина моего всякий день раздавала? Я видела, как господин мой брал из рук моих подаяние, но не признала его. Ты имел сына своего перед глазами, обнял его, поцеловал, но не открыл себя ни мне, ни ему. О, Гвидон, Гвидон, что ты сделал! Больше я никогда тебя не увижу!». Графиня с большой пышностью похоронила супруга и много дней оплакивала его смерть.

Правил Луций,¹ который положил такой закон: если кто возьмет на воспитание чужого мальчика и он у него претерпит телесный урон, поплатится за свою оплошность головой. Случилось, что супруга императора сделалась тяжела и родила отличного мальчика. Узнав об этом, один рыцарь просьбами и посулами уговаривал Луция отдать ему мальчика на воспитание. Император говорит: «Я отдам, но смотри, если при твоём попечении сын мой потерпит телесный урон, прощайся с жизнью». А рыцарь ему: «Государь, я согласен на твое условие». Он получил мальчика, взял его с собой и отдал на руки жены. Они заботливо пестовали ребенка. Мальчик подрос и всем был люб.

Однажды в рыночный день рыцарь со своей женой отправился за чем-то на рынок, а мальчика оставил в колыбели под присмотром слуг. Едва господин их переступил порог, все слуги разбежались и бросили ребенка без присмотра, а двери дома оставили открытыми. В те времена в окрестностях города бродил волк, который причинял горожанам великое множество бед. Увидев, что ворота отперты, волк вошел в город и нашел двери дома, где жил рыцарь, открытыми, потому что все ушли на рынок. Войдя в дом, волк утащил из колыбели мальчика и побежал с ним в лес. Как раз тогда какой-то пастух пас на поле овец и, заметив волка, бегущего с ребенком в пасти, влез на высокое дерево и трижды протрубил в свой рожок. При его звуке горожане — кто конный, кто пеший — пу-

стились в погоню за волком. Из-за шума и лая бегущих за ним собак волк бросил мальчика и скрылся в лесу. Горожане увидели ребенка и очень обрадовались, особенно же его воспитатель. Волк, правда, поранил мальчику голову, и у него шла кровь, но рана скоро зажила.

Через несколько дней император послал за рыцарем и велел ему прийти вместе с мальчиком. Рыцарь повиновался и пошел, но со страхом. Когда император увидел своего сына и заметил на лбу его шрам, он сказал: «Любезнейший, что это такое, что я вижу?». Рыцарь отвечает: «Государь, я тут пошел на рынок и поручил ребенка своим слугам, но все они разбежались и бросили мальчика без присмотра. Его утащил волк, но не сумел добежать до леса, так как пастух поднял тревогу; шрам — это след, который еще остался от волчьих зубов». Император говорит: «Я доверил своего сына не твоим слугам, а тебе, значит, ты нарушил закон». Рыцарь говорит: «Я признаю, что виноват, и прошу снисхождения». Император говорит: «Прощаю тебе, но смотри, наперед не повторяй таких оплошностей». Рыцарь неложно пообещал, а император даровал ему почести и богатства.

79 (190)

Царствовал Симах,¹ в делах преходящих правитель разумный, в духовных неумный. В его время жил некий рыцарь по имени Леунций, ко-

торый владел землей, граничащей с землями императора. Император горячо желал присоединить эту землю к своим, но никак не мог. Однажды он раздумывал в душе своей, как бы ему получить землю рыцаря, затем призвал его и говорит: «Иди и добудь мне черного пса, черного коня, черного сокола и черный рог, и чтобы все это было у меня не позднее, как через неделю, а если не добудешь, лишишься своей земли». Услышав такие слова, рыцарь весьма опечалился, ибо не мог приложить ума, где все это можно добыть. Он обратился к своей жене и все ей рассказал. Она ответила: «Уповай на бога, и он да избавит тебя от козней императора. Прежде всего ступай к исповеди, а когда исповедуешься и получишь отпущение, бог подаст тебе помощь».

Рыцарь чистосердечно покаялся, а затем, вышед из церкви, попал на какую-то чудной красоты дорогу, по которой печально побрел, пока не увидел ров и сидящего над ним старца с палкой в руке. Старик говорит ему: «Милейший, откуда ты держишь путь и куда?». Леунций в ответ: «Господин, я иду из церкви, а куда — и сам не знаю». Старец говорит: «Возьми мою палку и ступай этой дорогой, не сворачивая ни налево, ни направо, и уже издали увидишь черный замок. Когда приблизишься к нему, от моего имени прикажи такими словами находящимся там людям дать то, что тебе нужно: „Хозяин этой палки велит вам дать мне черного коня, черного пса, черного сокола и черный рог“. Когда ты все это получишь, не садись на коня, хотя они предложат тебе сесть, не труби в рог

и не позволяй псу бежать, и тогда ты представишь своему императору все, чего он хотел. Палку не оставляй в замке, ибо я буду ждать тебя здесь».

Рыцарь взял палку и три дня шел по указанной дороге. На третий день он увидел черный замок, приблизился, и вот его встречают трое или четверо вооруженных и богато одетых слуг и говорят: «Благо тебе, господин. Наш царь ожидает твоего прихода, входи в замок и угостись». А рыцарь в ответ: «Я не войду ни в коем случае; хозяин этой палки велит вам дать мне черного коня, черного пса, черного сокола и черный рог». Они отвечают: «Мы должны повиноваться этому старцу». И тут же дают то, чего рыцарь просил, и говорят: «Теперь садись на коня и труби в рог». Рыцарь отвечает: «Я не сделаю ни того, ни другого». Коня он повел под уздцы, а пса на сворке, сокола посадил на правую свою руку, а рог повесил на шею и так пришел к старцу и с благодарностью вернул ему палку. Старец скрылся с его глаз, рыцарь пришел во дворец и застал императора за омовением. Услышав, что рыцарь вернулся и доставил все, император весьма обрадовался.

Немного времени спустя послышался лай; император спросил стоящих вокруг слуг, что это значит; они ответили: в лесу-де появился олень, и собаки преследуют его, но не могут настичь. Император сказал: «Как нельзя более кстати рыцарь доставил мне все это». Встал, оделся, вскочил на черного коня, посадил на луку седла сокола, рог повесил на шею, а пса пустил следом. Он заметил оленя, затрубил в рог и дал

коню шпоры. А олень устремился прямо в преисподнюю. Император с соколом и псом не отставал — ворота в преисподнюю были растворены. Олень вбежал туда, император с соколом, рогом на шее и псом за ним. Больше императора никогда не видели, и так рыцарь избавился от его козней.

80 (193)

Правил Ирод.¹ У него была раскрасавица дочь, которую он весьма горячо любил. Один рыцарь из окружения императора любил в своем сердце царевну, но не смел показывать это. Как-то раз рыцарь застал девушку одну, подошел к ней и говорит: «Добрая девушка, если позволишь, я тебе что-то скажу». Она отвечает: «Говори, что тебе угодно». Он сказал: «Не гневайся, но я тебя страстно люблю». Она в ответ: «Истинно, под солнцем нет человека, которого бы я любила более, чем тебя». Рыцарь говорит: «Послушай, что я предлагаю. Я собираюсь в святую землю, и если по прошествии семи лет не вернусь в этот самый день, выходи замуж за кого хочешь, но заверяю тебя, что, если согласишься столько дожидаться, все это время, пока не ворочусь к тебе, буду жить в полнейшем воздержании». Она в ответ: «Даю тебе слово, что начиная с сегодняшнего дня в течение семи лет я буду хранить тебе верность, а если в этот день через семь лет ты не придешь, мы оба свободны от своих обещаний». Рыцарь говорит: «Я все

исполню». Он поцеловал девушку и отправился в святую землю.

Вскоре после этого во дворец императора явился владыка Апулии просить в жены его дочь. Император был рад этому, сразу же дал свое согласие на брак, позвал дочь и говорит: «Добрая дочь моя, я позаботился о том, чтобы найти тебе супруга: вот он перед тобой — владыка Апулии». Девушка говорит: «О, государь, пощади меня. Я ведь дала обет, что из любви к Христу семь лет останусь девственной, а когда эти семь лет минут, поступаю по воле божьей». Когда император это услышал, не захотел приневоливать дочь нарушить свой обет, все рассказал владыке Апулии и пообещал ему, что, придя в конце седьмого года, он получит девушку в жены. Владыка Апулии покорился своей участи, попрощался с императором и отбыл восвояси.

Когда седьмой год подошел к концу, как раз в день, условленный между рыцарем и девушкой, владыка Апулии с большой свитой приближался ко дворцу. В это же время рыцарь воротился из святой земли и скакал по той же дороге, пока не повстречался с владыкой Апулии. Царь был облачен в хламиду, рыцарь носил шлык и хламиду. Царь, приблизившись к рыцарю и увидев его, спросил, откуда тот держит путь. Рыцарь в ответ: «Из святой земли». Они ехали рядом, и вдруг полил проливной дождь, так что царь промок до нитки. Рыцарь говорит ему: «Господин, очень неразумно, что вы не берете с собой своего дома. Если бы он сейчас был тут, вы бы не промокли». Царь говорит: «Мне сдается, что ты глуп: дом-то у меня каменный,

как же я могу возить его за собой?». Когда они проехали еще кусок пути, оказались в топком низком месте. Конь царя до брюха зашел в грязь, рыцарь же объехал это место, и потому и он, и конь его не попали в грязь. Он говорит царю: «Господин, ты бы поступил разумнее, если бы имел при себе мост: тогда и ты, и твой конь остались бы чисты». Тот в ответ: «Что ты говоришь? Мост у меня каменный и длиной добрых пятьсот шагов. Как же можно возить его за собой? Мне сдается, что ты глуп». Рыцарь в ответ: «Возможно, господин». В час обеда рыцарь сказал: «Господин, окажите мне честь и разделите со мной хлеб и вино, так как пора подкрепиться». А тот: «Охотно». Они расположились на траве и принялись есть, а когда кончили, царь поблагодарил за отменное угощение. Рыцарь и говорит ему: «В пути при вас всегда должны быть отец и мать». А тот: «Что ты говоришь? Отцу моему и матери по шестьдесят лет, как же я могу брать их с собой в путь? Решительно — ты глуп». Рыцарь в ответ: «Возможно, господин мой».

Когда рыцарь был уже недалеко от дворца, он попросил царя разрешить ему распрощаться с ним, ибо хотел ехать сам по себе. Царь спрашивает: «Скажи, любезнейший, по какой дороге и куда ты направляешься?». Рыцарь отвечает: «Господин, вон по той. Раз ты спрашиваешь, куда я направляюсь, скажу тебе правду. Сегодня ровно семь лет с тех пор, как я поставил в одном месте сеть; туда я теперь иду. Если окажется, что она цела и нигде не разорвана, с радостью возьму ее. Если же сеть где-нибудь про-

дырявлена, брошу ее, уеду и никогда больше не вернусь туда». С этими словами он поклонился царю, поскакал какой-то тропой, в условленный день тайно вошел во дворец и увез царевну.

На следующий день царь прибыл во дворец. Император принял его с почетом. Когда оба они сидели за трапезой, царь сказал императору: «Государь, я расскажу вам удивительные вещи, которые услышал вчера на пути сюда. Некий рыцарь, возвращающийся из святой земли, подъехал ко мне, и мы продолжали путь вместе. Тут начался проливной дождь. Рыцарь сказал, что я неразумен, потому что не ношу с собой своего дома; я же ответил, что у меня каменный дом и потому я не могу носить его за собой». Император говорит: «Как он был одет?». «В плаще и шлыке». Император на это: «Он очень правильно назвал одежду домом. Если б на тебе были толстая накидка и шлык, ты бы не промок».

Царь говорит: «Затем, когда мы проезжали по низкому и топкому месту и мой конь ступал по брюхо в грязи, рыцарь, глядя на это, сказал: „Великое неразумие с вашей стороны, что вы не везете моста“. Я ответил, что мост длиной добрых пятьсот шагов, как же я могу возить его за собой?». Император говорит: «А как этот рыцарь поступил?». Царь отвечает: «Без помех поскакал сюда в объезд». Император ему: «Он поступил разумно, когда так тебе сказал, ибо твоим оруженосцам следовало осмотреть местность и в случае надобности сделать мост, т. е. удобную дорогу, прежде чем ты появишься собственной персоной».

Царь говорит: «Затем мы скакали до обеда, и рыцарь действительно просил меня с ним перекусить, и я не отказался. Когда мы подкрепились, рыцарь сказал мне, что я поступаю неразумно, пускаясь в путь без отца с матерью». Император говорит: «О, этот рыцарь умен, он рассуждает очень здраво, ибо отцом и матерью зовет вино, хлеб и другие припасы, которые тебе следовало взять в дорогу, как сделал он».

Царь говорит: «Слушай, государь, дальше. Сбравшись со мною расстаться, рыцарь любезно попросил разрешения это сделать, а я задал ему вопрос, куда он теперь направляется. Рыцарь ответил такими словами: „Сегодня исполняется семь лет, как я оставил в одном месте сеть; я пойду туда и посмотрю, цела ли она, не прорвана и не использовал ли ее кто другой; если сеть в сохранности, я буду счастлив, если же в ней окажется рыба или где-нибудь обнаружится дырка, я оставляю ее там, где она лежит, и уйду“». Когда император это услышал, громко воскликнул: «Увы мне — он говорил о моей возлюбленной дочери! Зайди к ней и взгляни, что она делает, и пусть идет ко мне». Слуги, окружавшие императора, вошли в спальню царицы, но ее там не было, ибо днем раньше она вместе с рыцарем бежала. Слуги доложили об этом императору. Он сказал царю: «Вот, владыка Апулии, как этот рыцарь провел нас с тобой. Теперь ищи себе другую жену, ибо этой тебе не видать». Царь в печали ушел, а рыцарь женился на царице, и они прожили в мире и согласии.

81 (194)

В римской земле правил Галлик,¹ муж весьма мудрый и выдающийся справедливости. Он установил такой закон: всякий, кто на своей тарелке станет переворачивать рыбу с одного бока на другой, без всякого снисхождения будет предан казни; перед смертью, однако, ему дозволяется объявить царю три свои желания, и царь их исполнит, если они не будут содержать просьбы сохранить осужденному жизнь. Этот закон Галлик установил, ибо по щедрости своей не желал, чтобы у него за столом доедали что-нибудь до костей: как только трапезующий съедал рыбу с одной стороны, он, не поворачивая ее на другую, должен был отослать тарелку на кухню, показывая этим, что досыта угостился.

Однажды некий сановник в сопровождении сына явился к императору. Тот пригласил обоих к столу, и им подали рыбу. Сановник был очень голоден и потому, съевши рыбу с одного бока, перевернул и съел то, что оставалось с другого. Заметив это, многие обвинили его перед императором, говоря, что сановник заслуживает смерти, так как преступил установленный закон. Тотчас за такое преступление сановник был схвачен. Он не знал, что говорить в свое оправдание, и сын его, видя беспомощность отца, преклонил колени перед императором и сказал: «Государь, не дозволишь ли ты мне вместо отца принять смерть, о чем я настоятельно тебя прошу». Император говорит: «Согласен, ибо для меня важно, чтобы один из вас понес кару». Тот в ответ: «Государь, благодарю за позволение умереть вместо

отца. Перед смертью я прошу исполнить, согласно закону, три мои желания». Император говорит: «Не могу тебе в этом отказать». Юноша говорит: «Я хочу, чтобы твоя единственная дочка-раскрасавица провела со мною ночь». Хотя и неохотно, император согласился. Однако сын не тронул ее, и это весьма расположило к нему императора. «Второе мое желание таково: отдай мне все свои сокровища». Император удивился, но исполнил его просьбу. Юноша раздал все сокровища богатым и бедным, что снисколо ему всеобщую любовь. Тогда юноша сказал: «Царь-государь мой, третье желание мое таково: я прошу, чтобы вырвали оба глаза всем, которые видели, как отец мой перевернул у себя на тарелке рыбу». Слыша эти слова, император повелел дознаться, кто видел, как сановник перевернул рыбу у себя на тарелке. Началось расследование. Один думал: «Если я скажу, что видел, лишусь глаз». Так рассуждали и прочие — второй, третий, четвертый. Все боялись сказать правду, и никто не признавался, что слышал или видел, как сановник это сделал.

Потому император вынес приговор, чтобы сановник был отпущен, а сын его взял в жены царевну, его единственную дочь. Это было выполнено. После смерти императора сына этого сановника поставили царем, и он мудро правил своим царством.

82 (195)

В городе Риме правил мудрый император Луций,¹ у которого была красавица дочь, очень им любимая. Был при дворе один рыцарь, страстно влюбленный в нее. Когда рыцарь увидел девушку с глазу на глаз, он говорит ей: «Любезнейшая, я страстно тебя люблю. Что ты хочешь за то, чтобы мне проспать с тобой одну ночь?» Она говорит: «1000 марок флоринов».² Рыцарь согласился и дал ей деньги. Когда наступила ночь, он лег в постель и тотчас заснул, а девушка вслед за ним. Рыцарь проспал всю ночь и ни разу не проснулся. Поутру, на восходе солнца, девушка оделась и разбудила рыцаря. А он: «О, девушка, ляг ко мне». Она говорит: «Я не обижаю тебя, любезнейший, ведь я уговорилась, что за 1000 марок флоринов просплю с тобой всю ночь, и честно это исполнила. Ты же был столь нелюбезен, что даже не вернулся ко мне, и я поэтому заключаю, что ты невежлив». Рыцарь в ответ: «Меня одолел и одурманил сон, но прошу, ляг сейчас ко мне». Она: «Нипочем этого не сделаю». Рыцарь говорит: «Что мне теперь дать тебе, чтобы во второй раз проспать с тобой?». Она говорит: «То же, что в первый раз». Рыцарь согласился.

Когда настала ночь, рыцарь лег и опять тотчас же заснул и непробудно проспал до утра. Сверх всякой меры огорченный, он говорит девушке: «Скажи, добрая девушка, как бы проспать с тобою третью ночь?». Она в ответ: «Заплатить 1000 марок флоринов». Он выразил готовность и стал раздумывать так: «Один раз

я напрасно выбросил 1000 марок флоринов, второй раз мне пришлось из-за 1000 марок флоринов отдать в залог свои земли, теперь придется как-нибудь иначе добыть деньги, если хочу получить эту девушку».

И вот рыцарь отправился в какой-то город, повстречал на дороге купца и говорит ему: «Господин, не сможешь ли ты ссудить мне 1000 марок флоринов?». Тот говорит: «А под какое обеспечение?». Рыцарь: «Под какое тебе угодно». Купец ему: «Я хочу, чтобы собственной своей кровью и за своей печатью ты написал, что, если просрочишь уплату долга хотя бы на один день, мое беспорное право из любого места и части твоего тела вырезать столько мяса, сколько весят мои деньги». Рыцарь отвечает: «Я согласен». Тут же он пишет то, что от него требуется, скрепляет своей печатью, отдает расписку купцу и получает от него деньги.

Взяв деньги, рыцарь думает так: «Если на этот раз я зря, как прежде, выброшу деньги, останусь на всю жизнь нищим». Он приходит к одному мудрому человеку и говорит ему: «Почтенный наставник, я хочу доверить тебе тайну: я люблю царскую дочь и уговорился с нею, что за 1000 марок флоринов она проведет со мною одну ночь. Но первую и вторую ночи я непробудно спал и потому не исполнил своего желания. Теперь я взял деньги взаймы у какого-то купца и, если, как прежде, зря выброшу их, пропаду совсем. Вот я и пришел к тебе узнать, как уберечься, чтобы не заснуть и с легкостью не потерять деньги, добытые с таким трудом». Мудрец говорит: «Под про-

стыней девушки, скажу тебе, лежит заклятие, имеющее такое свойство: стоит кому-нибудь лечь, как тотчас он заснет и будет спать, пока девушка его не разбудит. Я это знаю оттого, что сам составил это заклятие. Скажу вдобавок, как тебе овладеть девушкой. Прежде чем лечь, незаметно от нее поищи хорошенько этот пергамент, а нашедши, кинь подальше от постели, и тогда смело ложись и получишь, чего хотел.

Рыцарь пришел к девушке и вручил ей деньги. Когда настала ночь, он разделся и, прежде чем лечь, нащупал под простыней пергамент и забросил его в самый дальний угол. Только после этого лег и притворился, будто заснул. Девушка тоже разделась, не зная, что заклятия нет на своем месте. Как только девушка легла, рыцарь ее обнял. Девушка говорит: «Господин, ты обошел меня, и я готова вернуть все деньги, которые от тебя получила, лишь бы ты меня не тронул». Рыцарь говорит: «Твой просьбы напрасны». Девушка говорит: «Я дам тебе вдвое больше». Рыцарь говорит: «Даже если дашь мне отцовское царство, не соглашусь». И он сделал то, чего страстно желал. Тотчас душа девушки прилепилась к рыцарю, и она без меры полюбила его, а он так был охвачен страстью, что пропустил 15 дней против обусловленного с купцом срока и совсем позабыл про свой долг ему.

Однажды, лежа на постели, он вдруг вспомнил про купца и стал вздыхать, жаловаться и плакать. Слыша это, девушка говорит: «Господин мой, что с тобой? О чем печалится твоя душа?». Рыцарь говорит: «Увы мне, я так тебя люблю,

что из-за любви этой погибну». Девушка ему: «Скажи — почему?». Рыцарь отвечает: «Я задолжал одному купцу, так как у меня не было денег дать тебе; я взял у него займы тысячу золотых флоринов на таком условии, что, если не отдам их в назначенный срок, его право из любого места моего тела вырезать столько плоти, сколько весят эти 1000 марок флоринов. Из-за великой моей любви к тебе я уже просрочил 15 дней против назначенного времени, позабыв про купца, потому-то теперь и печалюсь».

Девушка говорит: «Не надо так убиваться. Ступай и заплати ему вдвое. Если купец откажется, спроси, сколько он хочет, и я тебе это дам». После таких речей рыцарь отправился к купцу, вежливо приветствовал его и сказал: «Господин, я не соблюдаю срока и тяжко перед тобой виновен, но за это заплачу тебе свой долг вдвойне». Купец говорит: «Любезнейший, знай, что я хочу, чтобы было соблюдено обязательство, которое ты скрепил своей подписью». Рыцарь говорит: «Если ты не согласен на 2000 марок флоринов, проси сколько хочешь и получишь от меня». Купец говорит: «Зачем ты напрасно тратишь слова? Я уже сказал, что хочу, чтобы ты выполнил наш уговор».

Тут же купец велел схватить рыцаря и отвести его в суд. А был такой закон, что если кто добровольно возьмет на себя обязательство и его не выполнит, беспрекословно должен подчиниться приговору судьи. Тем временем девушка нашла людей, которые следили за судьбой ее возлюбленного. Они пришли к ней и рассказали, что рыцаря отвели в суд.

Узнав об этом, девушка сказала самой себе: «Моя вина, если он умрет. Да не случится этого». Тотчас она на мужской лад срезала волосы, надела мужское платье — одним словом, приняла облик юноши, вскочила на коня и направилась прямо в суд. Когда судья увидел ее, он не узнал девушку и, подумав, что это мужчина, говорит: «Любезнейший, кто ты такой?». Та отвечает: «Я прибыл сюда из приморских краев и в вашем городе проездом. От людей, достойных доверия, я узнал, что некий рыцарь заключил с купцом кабальный для себя договор, и явился поэтому в суд, дабы спасти от смерти этого рыцаря». Судья говорит: «Любезнейший, ты не можешь ему помочь, ибо здешний закон повелевает человеку, добровольно взявшему на себя обязательство и не выполнившему его, беспрекословно подчиниться судебному приговору. Рыцарь же этот подписался в том, что, если в обусловленный день не вернет взятые взаймы деньги, купец вправе из любой части его тела, откуда ему будет угодно, вырезать столько плоти, сколько весят взятые в долг деньги, а сделать это возможно не иначе, как если убить рыцаря». Девушка в ответ: «Господин, неужели ты не будешь удовлетворен, если купец даст согласие на то, чтобы жизнь рыцаря была искуплена?». Судья говорит: «Буду удовлетворен».

Тогда девушка обращивается к купцу и говорит: «Добрый человек, какая тебе польза в смерти рыцаря? Не лучше ли получить золота и серебра сколько твоей душе угодно, чем увидеть, что он мертв?». Купец говорит: «Почтенный господин, если бы ты мог отдать все царство

мне, я бы не согласился оставить его жить». Девушка ему: «Добрый человек, поскольку судья готов сохранить рыцарю жизнь, согласишься и ты». Купец говорит: «Что сказано, сказано и одобрено в моем сердце». Девушка в ответ: «Господин мой судья! Так как этот купец не сдается ни на просьбы, ни на посулы, я настоятельно прошу соблюсти закон в отношении рыцаря и купца». Судья говорит: «Я во всем буду обращаться с законом». Девушка тогда обращается к купцу: «Скажи мне, откуда на его теле ты хочешь вырезать мясо?». Тот в ответ: «Из груди, там, где бьется сердце». Девушка говорит судье: «Господин мой, ты во всеуслышанье сказал, что применишь закон и к рыцарю, и к купцу. Раз так, я настоятельно прошу соблюсти закон. Царь ведь постановил, что всякий, кто прольет чужую кровь, должен за это пролить свою. Рыцарь же дал согласие на то, чтобы из тела его было вырезано мясо, а не пролита кровь. Поэтому ты, купец, получай свое: вырежь мясо из любой части его тела, откуда тебе угодно, но, смотри, не пролей его крови, и закон будет на твоей стороне». Купец сказал ей: «Раз дело обстоит так, верни мне деньги, а я возьму назад свою жалобу». Девушка в ответ: «Говорю тебе, что не получишь с него и денария.³ В присутствии всех я тебе предложил деньги, а ты отказался». И, оборотившись к судье, она прибавила: «Любезнейший, произнеси теперь приговор». Судья говорит: «Жизнь рыцаря спасена, так как невозможно вырезать мясо, а об этом сказано в расписке, без того, чтобы не пролить кровь, а поскольку купец отказался от де-

нег, он не получит ничего». Когда девушка услышала эти слова судьи, она поблагодарила его и говорит: «Господин, препоручаю тебя воле господней», после чего вышла, вскочила на коня и ускакала домой.

Все сидевшие подле судьи воскликнули: «Этот удалившийся рыцарь поразительным образом и с превеликой мудростью спас обвиненного». И все они считали, что то был и вправду юноша. Когда суд кончился, люди разошлись, а купец в смущении пошел домой. Рыцарь же направился к своей возлюбленной. Она между тем оделась как полагается женщине, обняла его и говорит: «Любезнейший, как тебе удалось спастись?». Он в ответ: «Меня приговорили бы к смерти, но внезапно в суд вошел какой-то юный, весьма мудрый, родовитый и красноречивый рыцарь, который благодаря своей мудрости спас меня и убедительно доказал, что я-де ничего не должен купцу, почему судья и вынес решение в мою пользу, а купец не получил даже своих денег». Девушка говорит: «Раз бог спас тебя по мудрости того рыцаря, почему же ты не позвал его на пир?». Возлюбленный ее ответил: «Он внезапно появился и, едва кончился суд, исчез, а больше я его не видел». Царевна ответила: «Если ты взглянешь на этого рыцаря, сможешь его узнать?». Он сказал: «Разумеется». Девушка тогда вернулась к себе в спальню и, одевшись, как прежде, по-мужски, вышла оттуда. Рыцарь при виде ее несказанно обрадовался, поцеловал свою возлюбленную и говорит: «Благословен час, когда ты родилась на свет». После этого рыцарь с великим ликованием взял ее в жены, и они прожили свои дни в мире.

83 (212)

О царской дочери, пяти рыцарях и собаке

В Риме правил могущественный государь Валерий.¹ У него была единственная дочь, которую он любил столь сильно, что нарядил пятерых рыцарей ее стеречь, а над этими пятью рыцарями поставил еще стража; стражу вменялось в обязанность наказывать того из пятерых, кто окажется нерадив. Кроме того, у царя была во дворце собака, которую днем держали на привязи, а ночью спускали, чтобы она сторожила дворец. Однажды император собрался отправиться в святую землю, позвал к себе своего дворецкого и сказал: «Я решил пойти в святую землю и поручаю тебе мою дочь, чтобы ты исправно доставлял ей все необходимое и она ни в чем не знала отказа, а я по возвращении не услышал от нее ни слова жалобы. Кроме того, хорошенько присматривай за собакой, и во всем, что бы ни делал, слушайся советов стража. Если ты исполнишь все как следует, я тебя щедро вознагражу». С этими словами царь со всеми попрощался и отправился в святые места.

Малое время дворецкий все исполнял добросовестно, но вскоре стал урезать царевну и рыцарей в еде и питье, в чем страж нередко его уличал, но без толку. Собаку, однако, дворецкий столь усердно кормил, что она оборвала цепь, бегала, где ей вздумается, и учиняла много всяческого зла. От великой нужды царевна не стыдилась просить подаяния, а рыцари по этой же причине постоянно совершали кражи и грабежи

Собаку же, бегавшую теперь свободно, дворецкий баловал, кормил и берег.

Когда стало известно, что император возвращается, дворецкий, получив эту весть, весьма испугался. Он думал так: «Не следует ждать, чтобы меня обвинили перед моим государем за дурное обращение с его дочерью и рыцарями и за другие проступки, которые я совершил, разумнее предупредить события, чем бездействовать, то есть самому обвинить себя и просить снисхождения». Он снял одежду за исключением нижней рубахи и брюк, взял в правую руку три веревки и вышел навстречу императору. Когда император издали увидел его, спросил, почему он в столь жалком виде. Дворецкий в ответ: «Потому, государь, что не заслужил иного, а из-за чего не заслужил, не могу вам сказать, пока не позволите мне надеяться на ваше благоволение и доброту, а наперед всего на милосердие».

Когда дворецкий приблизился, он преклонил колени перед императором. Император говорит: «Любезнейший, почему ты встречаешь меня в столь жалком виде?». «Я пришел сюда так одетым, чтобы склонить тебя к милосердию». Император говорит: «А зачем ты взял эти три веревки?». Дворецкий отвечает: «Первую, чтобы мне стянули руки и ноги, пока не выступит кровь; вторую, чтобы привязать меня к хвосту коня и влечь, пока мясо не отстанет от костей; третью, чтобы я висел на виселице, пока птицы небесные не насытятся, выклеывая мой мозг». На это император: «Ты так смиренно говоришь и выказываешь такое самоуничижение, что

я прощаю тебе совершенные проступки. Не бойся и спокойно говори всю правду». Тогда дворецкий сказал: «Государь, единственная твоя дочь, которую ты оставил на мое попечение, по моей вине просила на хлеб. Равным образом я столько не додавал рыцарям, которых должен был снабжать из твоего запаса всем необходимым, что они принуждены были воровать и грабить, чтобы быть сытыми. Собаку же я закармливал, и потому она нередко обрывала цепь и творила множество бед».

Когда император услышал такие речи, содрогнулся до глубины души и говорит: «О, злодей, знай я это все раньше, не миновать тебе было бы позорной смерти. Поскольку же я обещал не наказывать тебя, ты останешься жить. Тотчас же ступай и приведи сюда дочь мою и рыцарей». Дворецкий повиновался, нарядил царевну в лучший ее наряд и привел к отцу. Он примирился с рыцарями и до последнего квадранта² уплатил каждому понесенный им по его вине ущерб. Видя это, император отдал дворецкому в жены свою дочь. Рыцарей он осыпал почестями и богатствами. Дворецкий прожил с женой в мире, и оба в мире окончили свою благочестивую жизнь.

вторых, за красоту, в-третьих, за покорность и постоянство. Как-то раз, лежа в постели, он ощутил в своем сердце влечение посетить святую землю. Утром Октавиан встал, позвал императрицу и единственного своего брата и сказал: «Любезнейшая императрица, я хочу отправиться в святую землю и оставляю на твое попечение все государство, так как всецело в тебе уверен. Мой брат будет тебе помощником во всех делах, а когда я ворочусь, все, что полагается, да будет сделано». С этими словами он простился и отбыл.

Императрица мудро управляла государством, но на беду брат императора с необычайной силой влюбился в императрицу и думал, будто умрет, если не будет обладать ею. Однажды, когда он оказался с глазу на глаз с императрицей, он сказал ей о своей страстной любви. Императрица тут же строго ему выговорила за то, что он осмеливается вводить в искушение ее, жену своего брата. Он в смущении отступил, однако всякий день соблазнял ее как только мог. Царица, видя, что по своему неразумению он не оставит домогательств, заключила его в темницу и держала там до возвращения императора.

Когда этот человек прослышал о том, что брата его уже ждут, он подумал: «Если брат застанет меня в темнице, он непременно спросит царицу о причине, по которой я туда попал. Она же не скроет правды, и я неминуемо буду казнен». Тут он немедленно посылает к царице с просьбой, чтобы она бога ради пришла к темнице и он мог с нею поговорить. Царица согласилась и пришла. Он говорит: «О, любезнейшая

государыня, ради бога, будь милосердна. Если брат мой увидит, что я в темнице, он казнит меня, а потому прикажи меня освободить». А она в ответ: «Буду милосердна, если ты обещаешь исправиться». Он поклялся в этом.

Тогда царица велела освободить узника, а также одеть в новое платье, вымыв в бане, и постричь ему бороду, и говорит: «Садись теперь на коня, ибо отправишься встречать императора». Он в ответ: «Я готов». Когда они ехали по лесу, прямо на них выбежал олень. Все дамы и рыцари поспешно бросились в погоню, так что с царицей не осталось никого, кроме деверя. Видя это, он говорит ей: «Любезнейшая государыня, вот все ускакали далеко и никого не осталось с нами — уступи наконец: я хочу сотворить с тобой любовь». Она в ответ: «Я дала богу обет, что ко мне не прикаснется никто, кроме того, кто по воле господней стал моим супругом». Слыша это, деверь царицы сорвал с нее одежду, кроме сорочки, за волосы повесил ее на дерево и, оставив висеть, воротился назад той же дорогой.

В этот самый день в лесу охотился какой-то вельможный герцог. Его собаки гнали зайца и, когда добежали до дерева, на котором висела царица, почуяли ее и остановились в ожидании хозяина. Он, увидев такую красавицу висящей на ветви дерева, удивился и спрашивает: «Любезнейшая госпожа, откуда ты и как попала в такую беду?». Царица отвечает: «Кто я, ведомо богу, в том же, что я здесь, — вина злодея, но прошу, ради бога, освободи меня». Герцог говорит: «Охотно сделаю это и отвезу тебя

в свой замок. У меня есть дочь, которую я поручу твоему попечению, чтобы ты заботилась о ней и наставляла ее, ибо вижу, что ты знатного рода».

Герцог тут же освободил царицу, привез в свой замок и отдал ей на попечение свою дочь. Царица спала в одной спальне с герцогом, герцогиней и их дочерью. Все в замке полюбили царицу. Был там некий рыцарь благородного происхождения, но распутного нрава, который столь страстно влюбился в царицу, что, казалось ему, умрет, если не переспит с ней. Этот рыцарь был сенешалем герцога. Все, чем он владел и что получал, сенешаль дарил царице и в конце концов открыл ей тайну своего сердца. Она отвергла его и сказала: «Я обещала господу богу, что никто не насладится моим телом, кроме того, кто ему угоден». Сенешаль, слыша эти слова, счел себя оскорбленным и с этого дня стал думать, как ей отомстить.

Однажды дверь спальни, в которой спали герцог с герцогиней и царица с их дочерью, осталась незапертой; всю ночь в спальне обычно горел светильник. Когда все спали, рыцарь вошел туда и, приблизившись к постели царицы, перерезал горло ее воспитаннице и вложил в руку спящей окровавленный нож, как бы говоря: «По твоей руке видно, что ты убила девочку». Руку царицы с зажатым в ней ножом сенешаль вытянул так, чтобы она свисала с кровати, и вышел. Вскоре герцогиня проснулась и в свете лампы увидела вытянутую руку царицы с окровавленным ножом. Она задрожала от ужаса и окликнула герцога. Едва взглянув в сто-

рону, где спала царица, он тотчас разбудил ее и говорит: «Отвечай, ты убила мою дочь?». Царица в удивлении прикоснулась к девочке и убедилась, что та мертва и вся постель в крови. Она громко вскрикнула и говорит: «О, господин, сжапись надо мной, девочка убита, но кто это сделал, не знаю, клянусь в том своей жизнью. Как этот нож оказался у меня в руке, ведомо одному богу, который знает, что не по моей воле и без моего умысла». Когда герцогиня узнала о смерти дочери, она закричала: «Господин, прикажи повесить эту женщину, ибо некто другой, как она, убила мою дочь — иначе она не держала бы в руке окровавленного ножа». Герцог сказал: «Я не причиню тебе зла, но немедленно садись на своего коня и уезжай отсюда».

Царица в печали и горе вышла из спальни, села на коня и в одиночестве пустилась в путь. На третий день она увидела, как семеро каких-то людей вели восьмого на виселицу. Царица хлестнула коня, подъехала ближе и говорит: «Скажите мне, любезнейшие, за какие преступления этот человек должен умереть на виселице?». Они в ответ: «За то, что он вор и разбойник». Царица говорит: «Я хочу выкупить его жизнь». Они отвечают: «Мы согласны». Заплатив деньги, царица повела этого человека с собой и говорит: «Любезнейший, я спасла тебе жизнь; будь мне за это верным слугой, и я тебя щедро вознагражу». Он пообещал.

Когда они приблизились к какому-то городу, царица велела ему найти ей порядочную гостиницу. Слуга отправился вперед и все сделал. Царица вошла в гостиницу и осталась довольна.

Она пробыла в этом городе семь дней. Туда как раз в это время пришел корабль с различными товарами и дорогими тканями. Когда царица услышала об этом, послала на корабль слугу, чтобы присмотрел материй и нарядов для своей госпожи. Он поглядел на все ткани и наряды и весьма их одобрил, о чем по возвращении и доложил царице. А корабельщик сошел на берег, захватив с собой то, что понравилось слуге. Когда он немного поговорил с этой женщиной, настолько был пленен ею, что охотно отдал бы ей все, что привез на корабле, если б только она согласилась с ним спать, однако не открыл ей тайны своего сердца. Затем корабельщик распрощался с госпожой и вернулся к себе на корабль.

Через день она послала своего слугу к корабельщику, велев ему сказать, чтобы он, если ему угодно, послал ей поглядеть материй и нарядов. Когда слуга пришел с этим поручением госпожи, корабельщик говорит ему: «Любезнейший, я дам тебе сколько угодно денег, если приведешь сюда на корабль свою госпожу, ибо я ее страстно люблю; после того как она поднимется сюда, тебе надобно будет сразу удалиться». Слуга царицы говорит: «Дай мне сколько я захочу денег, и я приведу ее к тебе на корабль; когда госпожа моя будет у тебя, делай с ней что тебе угодно». Кормчий заплатил слуге царицы больше, чем он просил, а тот вернулся к госпоже и говорит: «Любезнейшая моя госпожа, кормчий не хочет доверить мне тканей и уборов; тебе придется самой прийти, о чем он покорно просит». Царица согласилась, не подозревая об обмане.

Как только она ступила на корабль, слуга ее тотчас сошел на берег, а кормчий, видя, что ветер крепчает, поднял паруса и вышел в море. Видя это, царица говорит: «Любезнейший, что ты задумал?». Тот отвечает: «Увезти тебя, ибо собираюсь спать с тобой». Она: «Да не будет того!». Кормчий ответил: «Выбирай одно из двух — или покоришься, или я брошу тебя в море». На эти слова она говорит: «Раз так, отведи для нас место, чтобы люди не видели, как мы приступим к такому занятию». Кормчий велел приготовить на корме особое помещение, царица первая вошла туда и, преклонив колени, молилась богу, говоря: «Господь, сотворивший небо и землю, спаси меня в час сей».

Лишь только она кончила молитву, на море поднялась буря и разломала корабль надвое, так что все утонули, кроме царицы, спасшейся на обломке доски; за второй обломок ухватился кормчий, и так они оба достигли твердой земли.

Когда царица вышла на берег, она заметила вдалеке монастырь, пошла туда и попросила бога ради приюта. Монахини ласково ее приняли, и она так себя вела, что все ее полюбили. В короткое время царица обучилась распознавать целебные свойства трав, и потому все немощные, которые к ней приходили, исцелялись, и молва об ее искусстве распространилась повсюду. В то время нашлись люди, страдавшие различными недугами, которые привели ее в смущение. Прежде всего брат императора, который заразился проказой; во-вторых, сенешаль стал страдать падучей и охромел; в-третьих, человек, которого царица избавила от виселицы, ос-

леп и оглох; в-четвертых, кормчего, желавшего с нею спать, мучила водянка и парша. Все они, прослышав о славе царицы, в один прекрасный день сошлись в монастыре в поисках исцеления. Вместе с братом туда прибыл сам император. Никто из них не знал, что перед ним царица, так как считалось, что она давно умерла.

Когда царицу позвали к императору, она старалась, как могла, прятать свое лицо. Император говорит ей: «Любезнейшая, прошу тебя, помоги моему брату, ибо он поражен проказой. Здесь есть еще и другие больные, которые ждут от тебя исцеления». Она в ответ: «Государь, я готова повиноваться вам во всем, но предупреждаю, что мои травы помогут только тому, кто, ничего не тая, перед всем народом может рассказать свою жизнь». Император говорит: «Какой человек в здравом уме этого не сделает, если хочет исцелиться». Оборотившись к брату, он говорит: «Любезнейший, не откладывая этого, чистосердечно расскажи здесь перед нами свою жизнь, чтобы очиститься от проказы». Тогда царев брат рассказал повесть своей жизни с начала ее и до сего дня, утаив только, что повесил в лесу царицу. Царица говорит: «Господин, я дам снадобье, и если его исповедь чистосердечна, оно осилит проказу, в противном случае ему ничего не поможет». Царица дала своему деверю настой трав, но он ему нимало не помог. Видя это, император гневно сказал брату: «Почему ты чистосердечно не признался в своих проступках, чтобы избавиться от проказы?». Тот в ответ: «Государь, не могу, пока ты не обещаешь, что не причинишь мне зла». Импера-

тор: «Скажи, несчастный, какой проступок против меня ты совершил, что требуешь такого обещания? Говори — я заверяю, что ты не претерпишь ничего дурного».

Тогда брат императора во всеуслышанье рассказал, как он поступил с царицей. Услышав это, император ужаснулся и говорит: «Злодей, ты же сказал, что царица внезапно умерла в лесу. Увы мне, что я пообещал тебе безнаказанность. Если б не это, я убил бы тебя собственными руками. О, низкий предатель и негодяй, ты не боялся бога, когда повесил добрую и чистую мою супругу?».

Рыцарь, который убил дочь герцога, на эти слова сказал: «Любезнейшие, мой господин, как явствует из его слов, освободил повешенную в лесу даму, привел ее в свой замок и вверил ей для обучения единственную свою дочь. Я же в эту даму влюбился...» — и тут рыцарь рассказал остальное. Разбойник говорит: «Некая дама ехала в одиночестве по дороге, и, когда меня вели к виселице, она выкупила меня. Но, неблагодарный, я продал ее какому-то кормчему». Кормчий говорит: «Я знаю, одна благородная дама была продана мне своим слугой. Я воспылал к ней плотской страстью. Дама стала молиться. Внезапно страшная буря поднялась на море, так что корабль разбило, я один спасся; что случилось с нею, я не знаю». Когда кормчий кончил, царица говорит императору: «Государь, все эти люди исповедались, ничего не утаив: в знак этого я одеваю их моим снабдьем». Выпив его, все исцелились и хвалили бога.

Тут царица говорит императору: «Государь, ты хотел бы увидеть царицу, которая столько всего претерпела из-за своей чистоты?». Император отвечает: «Конечно, я ставлю это выше всех благ мира, ибо люблю ее как самого себя». Царица, слыша это, открывает лицо и говорит: «Смотри, государь». Когда император ее увидел, он бросился ей на шею, поцеловал ее и сказал: «Благословен господь, который даровал мне такую милость, что я вновь могу видеть тебя». И тут же вблизи монастыря устроил богатый пир, отовсюду созвал знатных гостей и семь дней подряд в веселии пробыл в этом месте, а затем с радостью отвез царицу во дворец, и они по воле божией кончили свою жизнь в мире.

85 (250)

Римской империей правил Генрих.¹ Он установил такой закон, что если уличенный в преступлении будет заключен в темницу, но сумеет из нее бежать и достичь царского дворца, пока его не схватят, он получит там убежище, каким бы злодеем ни был, а тюремщик понесет суровое наказание.

Некий рыцарь погрешил однажды в чем-то против владыки своего государя и потому был заключен в темницу, где его непрерывно наказывали и держали на хлебе и воде, так что он совсем ослабел. Каждодневно через оконце к рыцарю прилетал соловей, который на удивле-

ние сладко пел. Этот рыцарь только и утешался что его песнями и всякий день уделял ему от своего хлеба и так его кормил. Как-то раз, когда рыцарь был особенно печален, соловей влетел и начал сладко петь на его коленях. Рыцарь говорит: «Добрый соловей, в такой беде не может даже твое пение! Если бы оно могло дать мне свободу, я бы щедро отблагодарил тебя». При этих словах соловей улетел. Через два дня он вернулся, держа в клюве маленький камешек, который положил на колени рыцарю. Рыцарь взглянул на камень и удивился, но тотчас взял этот камень в руки, провел им по железным окладам, и они спали. Рыцарь обрадовался. Он подошел к дверям темницы, и двери отворились; тогда рыцарь побежал в императорский дворец. Тюремщик с криком бросился вдогонку, но рыцарь, оборотившись, ударил его копьём, вбежал во дворец и так получил свободу.

86 (251)

Правил Гонорий,¹ весьма богатый государь. У него был единственный сын, которого Гонорий сердечно любил. Весь мир облетела молва о том, что Гонорий всегда мягок и справедлив. Однако он воевал с одним царем и утеснял его, и царь этот принял от императора много зла и без счета горьких обид. В конце концов царь этот стал думать: «У меня есть единственная дочь, а у моего врага единственный сын.

Если бы мне как-нибудь удалось соединить браком мою дочь и его сына, вовеки я не страшился бы войны». И вот царь торжественно посылает к императору послов с просьбой предоставить ему перемирие на год, чтобы он мог явиться для переговоров. Император держал совет и дал ему год срока. Царь самолично прибыл к императору и стал сватать свою дочь его сыну. А император ему: «Я дам свое согласие на брак только при двух условиях: во-первых, дочь твоя непременно должна быть девой; во-вторых, после твоей смерти все твое царство должно перейти моему сыну». Царь в ответ: «Я согласен». Тут же уговор был записан и скреплен печатью, и царь попрощался с императором.

Вернувшись на родину, он велел построить корабль для того, чтобы дочь его отправилась на нем к императору. Когда корабль был готов и все необходимое запасено, девушка, неся с собой многочисленные сокровища, в сопровождении пяти рыцарей, дам и служанок вступила на него. Во время плаванья по морю они повстречали огромного кита, который хотел проглотить корабль. Видя это, все очень испугались, особенно девушка. На палубе тогда развели большой костер и день и ночь были на страже. Однако по прошествии трех дней все так устали от ночного бдения, что заснули, и тут кит проглотил корабль с людьми и всем, что на нем было. Когда девушка поняла, что попала в чрево кита, стала громко кричать и разбудила своим криком спящих. Корабельщики сказали девушке и сопровождавшим ее рыцарям: «Любезнейшие, не отчаивайтесь — господь нас спасет; давайте

только все, как следует обсудим, ибо попали во чрево кита». Девушка говорит: «Послушайте моего совета, и мы спасемся». Все сказали: «Говори!». Тогда она сказала: «Давайте разложим большой огонь, и пусть кто-нибудь ранит кита как только может сильнее; по двум этим причинам он должен погибнуть и, чуя приближение смерти, сейчас же поплывет к берегу, и так мы по божьей милости сможем выбраться отсюда». Совет этот был выполнен.

Когда кит почувствовал приближение смерти, подплыл к берегу. Вблизи этого места жил некий рыцарь, который, окончив свою трапезу, прогуливался вдоль берега. Он увидел, что кит плывет к земле, позвал слуг, и они вытащили его на берег, гремя баграми. Девушка услышала шум и обращается к слугам: «Любезнейшие, сделайте доброе дело, пробейте бок киту — здесь, в его чреве, сидят отпрыски благородных родов». Когда рыцарь услышал ее голос, он тоже говорит своим слугам: «Любезнейшие, пробурите отверстие в боку этого чудовища, и поглядим, что там внутри». Когда это было сделано, первой вышла полуживая девушка, затем — рыцари и все остальные, кто был на корабле. Девушка рассказала, что она дочь царя и невеста императорского сына. Слыша это, рыцарь в течение нескольких дней, пока они не восстановили сил своих, не отпускал ее и ее спутников, а затем, богато одарив, отправил девушку к императору вместе со всей ее свитой.

При встрече император говорит: «Любезнейшая моя дочь, да будешь ты счастлива и ныне, и всю свою жизнь. Предупреждаю тебя, дочь моя,

что прежде, чем ты станешь женой моего сына, я должен испытать тебя». Тут же император велит подать три ларца. Первый был из чистейшего золота и украшен драгоценными камнями. По нему шла такая надпись: «Кто меня откроет, найдет то, чего достоин». Ларец этот был полон человеческих костей. Второй ларец был из чистейшего серебра и выложен со всех сторон самоцветами; по нему шла надпись: «Кто выберет меня, найдет внутри то, что дарует природа». Этот ларец был полон земли. Третий был свинцовый с такой надписью: «Я почту за большее благо лежать здесь, чем оставаться в царской сокровищнице». В этом ларце было три дорогих кольца. Император говорит девушке: «Любезнейшая, вот перед тобой три ларца — выбери, который хочешь, и если сделаешь удачный выбор, выйдешь замуж за моего сына». Девушка внимательно оглядела все три ларца и сказала в своем сердце: «Бог, который прозревает все, да даст мне милость выбрать так, чтобы я получила то, чего добиваюсь». Она дотронулась до первого ларца и прочитала надпись: «Кто... и т. д.» — и тогда подумала: «Ларец этот с виду прекрасен, но что внутри его, я не знаю и потому не выберу его». Затем девушка прочла надпись на втором ларце и говорит: «Природа не дарует дочери моего отца соединиться с сыном императора. Потому я не буду... и т. д.». Девушка прочитала третью надпись и сказала: «Лучше мне покоиться с сыном императора, чем оставаться в сокровищнице моего отца». А потом громко вскричала: «Беру этот третий ларец!».

Когда император это услышал, говорит: «О, добрая девушка, сколь разумен твой выбор. В третьем ларце лежат три дорогих перстня — один для меня, один для моего сына и третий, как знак, что ты просватана, для тебя». Тотчас он сыграл свадьбу и женил на девушке своего сына; новобрачные кончили свои дни в мире.

87 (260)

У одного учителя, искушенного в тонком искусстве черной магии, был любимый ученик. Этот ученик постоянно думал о том, как бы ему украсть у учителя его книгу и вернуться на родину. Однажды, когда наставник его ушел из дому, он взял книгу и отправился к себе на родину. Учитель воротился и, заметив исчезновение книги, с помощью магии узнал дорогу, которую избрал его ученик, и пошел за ним следом. Ученик раздумывал в своем сердце так: «Мне от учителя ни за что не скрыться. Как только он узнает, какую я выбрал дорогу, пойдет следом и догонит меня». Тут он издали увидел мост и стал под ним, а учитель не заметил, что ученик спрятался под мостом, и перешел этот мост. Таким образом ученику удалось спастись.

В Риме правил Феодосий,¹ весьма мудрый и могущественный государь. У него были три красавицы дочери. Однажды он говорит старшей: «Как ты меня любишь?». Она в ответ: «Более, чем самое себя». Отец ей: «Я сделаю тебя очень богатой». Тут же он выдал дочь за богатого и могущественного царя. Затем он пришел к средней своей дочери и говорит: «А ты как меня любишь?». Она в ответ: «Как самое себя». Император отдал ее замуж за графа. Потом он пришел к третьей дочери и спрашивает: «А ты как меня любишь?». Она: «Не более и не менее, чем ты заслуживаешь». Отец говорит ей: «Раз так, я выдам тебя замуж не так завидно, как сестер», и отдал ее за какого-то совсем захудалого графа.

Вскоре после этого император воевал с царем Египта. Египетский царь сверг и изгнал Феодосия, и тот, не имея надежного прибежища, написал своей старшей дочери письмо, запечатав его своим перстнем; оно гласило, что, так как она любит отца более самой себя, пусть поможет ему в беде, ибо он теперь изгнанник. Когда дочь императора прочитала это письмо, первым делом рассказала о случившемся царю, своему супругу. Тот сказал: «Надо помочь твоему отцу в его великой беде. Я соберу войско и так окажу ему поддержку». Она в ответ: «Этого нельзя сделать без больших затрат. Довольно, если вы предоставите в распоряжение отца, пока он в изгнании, пятерых рыцарей, которые будут ему служить». Так она и поступила и написала отцу,

что не может оказать иной помощи, кроме как послав ему пятерых рыцарей из окружения ее мужа. Император весьма опечалился этому письму и сказал себе: «Увы мне, старшая дочь была главной моей надеждой, ибо сказала, что любит меня более самой себя, и потому я доставил ей великую честь».

Тут же он послал письмо второй дочери, сказавшей ему: «Я люблю тебя, как самое себя», и просил, чтобы она ему помогла. Она рассказала об отцовском письме своему мужу и посоветовала ему давать отцу пропитание и одежду столько лет, сколько он проживет, и написала ему об этом. Когда император прочел ее ответ, он весьма опечалился и сказал: «Две дочери обманули мои надежды. Попробую испытать третью дочь, которая сказала: „Люблю тебя, сколько ты заслуживаешь“». Император написал ей, чтобы она помогла ему в столь великой беде, а также сообщил ответы ее сестер.

Когда меньшая дочь узнала о несчастье отца, сказала мужу: «Господин, исполни мою просьбу и помоги в такой крайности. Отец мой изгнан из своих владений». Муж отвечает ей: «Что мне должно сделать?». Она говорит: «Собери войско и выступи вместе с моим отцом против его врага». Граф говорит: «Я исполню твою волю». Он тотчас собрал большое войско и, взяв своих воинов, вместе с императором пошел на войну. Он победил египетского царя и вернул императору его царство. Тогда император сказал: «Благословен час, когда родилась моя меньшая дочь. Я любил ее менее сестер, а она пришла мне на помощь в трудный час, остальные же дочери от

меня отвернулись. Поэтому все царство после моей смерти перейдет к моей младшей дочери». Так оно и было. После смерти отца правила его младшая дочь и окончила свои дни в мире.

89 (274)

Антоний¹ мудро правил в Риме. Он установил такой закон: если в городе вспыхнет пожар, особо наряженный для этого дозорный должен крикнуть громким голосом: «Горим, звоните в колокола, стучите изо всей силы, накрепко заприте городские ворота».

Однажды некто задумал захватить город. Он сказал своим друзьям: «Любезнейшие, если мы подожжем город, сейчас же там поднимется крик, люди вооружатся, приготовятся защищать себя и запрут ворота. Давайте решим, как нам воспользоваться общим замешательством и криком и завладеть городом». Один говорит: «Господа мои, послушайте, что я предлагаю: войдем незаметно в город, три дня ничего не станем предпринимать, затем устроим пир и на этом пиру подадим вино, которое имеет такое свойство, что, выпив его, человек тотчас же впадает в сон. Когда все заснут, мы захватим город без всякого кровопролития». Рыцарь, задумавший захватить город, выслушав его, одобрил этот совет.

Заговорщики вошли в город, пригласили всех его жителей на пир и опоили приглашен-

ных таким вином, что те, как только выпили, заснули. Пока они спали, заговорщики захватили город и разграбили его, а потом подожгли, и город сгорел дотла. Мужчины и женщины были уведены, и никто из горожан не закричал: «Пожар! Горим! Скорее к колоколам, запирайте ворота!».

90 (276)

В городе Риме правил Андроник,¹ из благ мира он особенно ценил пение аиста. В замке у Андроника был источник, который обладал таким свойством: стоило упившемуся вином человеку выпить воды этого источника, и он тотчас становился трезв. При дворе этого Андроника был некий рыцарь по имени Идроник,² которого император очень любил. Но Идроник большей частью был во хмелю, а порок винопития император ненавидел. Зная об этом, рыцарь, когда был во хмелю, старался добраться до источника и выпить из него воды и только после этого предстать перед императором, чтобы вразумительно отвечать на все его речи и так же говорить самому. Ведь из-за свойственной Идронику рассудительности император его очень любил. Остальные рыцари не терпели его и постоянно обсуждали, как им лишить Идроника расположения императора.

Однажды в полдень император отправился в лес и услышал пение аиста и часто отрывался

от своей трапезы из-за его сладости. Император настолько был увлечен пением аиста, что не заметил нашего прихода.³ Так любовь его к нам была отвлечена двойной привязанностью — к рыцарю Идронику и к пению аиста. И вот один старый рыцарь говорит: «Если послушаетесь меня, я освобожу вас от рыцаря Идроника и от аиста безо всякого с вашей стороны насилия». Они отвечают: «Мы все сделаем по твоему слову». Тотчас же старый рыцарь, увидев, что Идроник хмелен, закрыл источник, накрепко его заперев. Рыцарь же Идроник побежал к источнику и хотел, как обычно, из него напиток. Но увидел, что источник закрыт. Как раз в это время императору случилась необходимость обсудить с ним важные дела, но когда Идроник пришел на его зов, оказался до того хмелен, что речь его была бессвязной и вялой, а разум затмился настолько, что ни в чем не мог разобратся.

Заметив это, император пришел в ярость, потому что с особенным отвращением относился к пороку винопития. Тотчас под страхом смерти он повелел рыцарю покинуть пределы своей земли. Враги Идроника возликовали и говорят старому рыцарю: «Мы избавились от него, теперь осталось только убить аиста». Старый рыцарь говорит: «Сейчас я вам расскажу, как избавиться от аистихи». Сказав так, он стал прислушиваться. На одном дереве распевала аистиха; когда она умолкла, супруг, согласно закону природы, стал ее топтать. Однако аистиха в отсутствие своего друга слюбилась с птицей соловьем. После этого она полетела к источнику и

омылась, так что, когда воротился ее супруг, он ничего не заметил, ибо вода источника смыла все следы. Когда старый рыцарь все это увидел, он подошел к гнезду аистихи, и птица умолкла. Тут он закрыл источник, чтобы она не могла омыться, и друг ее, воротившись, узнал о ее неверности. Сейчас же он улетел и воротился вновь с целой стаей аистов. После долгого разбирательства они покинули неверную.

Так умерла эта птица, пение которой живило сердце императора. Враги ее ликовали. Так рыцарь Идроник и аист были отторгнуты от императорского двора.

91 (277)

Римским государством правил Теобальд.¹ Он установил закон, согласно которому под страхом смерти никто не смел выбирать себе жену ради ее красоты, а только ради принадлежащего ей богатства. Если же женщина была бедна, богатый человек мог на ней жениться, только имея равное с ней состояние.

Жил в те времена один благородный, но бедный рыцарь, который не был женат. Он искал себе жену в различных городах и царствах. Наконец нашел красивую и достойную даму, которая обладала несметными богатствами. Рыцарь говорит ей: «Любезнейшая госпожа, согласна ли ты выйти за меня замуж?». Она в ответ: «Любезнейший, тебе известен закон? Он

гласит: мужчине нельзя жениться, а женщине выходить замуж, если имущество у них обоих неравноценно. Ступайте теперь и постарайтесь собрать столько богатства, сколько есть у меня, и тогда возьмете меня в жены».

Услышав такие речи, рыцарь ушел опечаленный. Он крепко задумался над тем, как и каким образом добыть столько добра. Между тем шли слухи, что где-то далеко живет один слепой от рождения и несметно богатый граф. Рыцарь, узнав о нем, прибыл в его замок и стал размышлять, как убить этого графа. В течение дня вооруженные слуги всегда были на страже, ночью рядом с графом спала собачка, которая так была сторожка, что никто не мог приблизиться к постели ее хозяина, пока он от ее лая не просыпался и таким образом не был огражден от опасности.

Узнав об этом, рыцарь сказал себе: «Днем мне не убить графа из-за вооруженных стражей; не остается ничего другого, как убить собачку — тогда я смогу осуществить свое намерение». Однажды ночью рыцарь незаметно прокрался в спальню, и собачка тотчас залаяла. Тогда он пустил стрелу и убил ее, а граф, слыша, что собачка замолчала, подумал: все-де спокойно — и заснул. Когда он спал, рыцарь обнажил меч, убил графа, забрал все его сокровища и, придя к своей даме, говорит: «Любезнейшая госпожа, теперь наши имущества сравнялись и тебе не грозит закон, если станешь моей женой». Она: «Скажи мне, как в столь краткое время ты сумел сделаться так богат?». Рыцарь в ответ: «Я убил одного графа и взял его богатства».

Дама говорит: «Прежде чем стать твоей женой, я хочу, чтобы ты исполнил одно мое желание. Ступай на могилу убитого, переночуй там и повтори мне что услышишь». Рыцарь говорит: «Ладно». Он вооружился, отправился к могиле графа и остался там на ночь. В полночь с неба раздался голос: «Граф, о чем ты просишь, что я могу для тебя сделать?». Граф: «Справедливый судья, Иисус Христос, помоги мне; я прошу у вас только воздаяния тому, кто пролил мою кровь, ибо я неправо убит человеком, искавшим моих богатств». Снова раздался голос: «В этот самый день через тридцать лет свершится возмездие».

Услышав эти слова, рыцарь опечалился и пошел к своей даме, чтобы передать ей, что он услышал. На слова рыцаря дама сказала: «Тридцать лет — долгий срок». Она уступила просьбам рыцаря и пошла за него. Все эти годы они прожили в радости и веселии. Когда же стал подходить тридцатилетний срок, рыцарь построил неприступный замок и над входом написал следующие стихи:

Пока я болен,
Жажду святой любви.
Стоит мне исцелиться,
Перестая к ней стремиться.

Когда волк тяжело страдал,
Быть ягненком желал,
А оправившись толком,
Стал таким, как был, волком.

Когда советники рыцаря прочитали стихи, они удивились и сказали: «Мы просим тебя объяснить, почему ты написал все это». Рыцарь в ответ: «Я был беден и из-за бедности меня мучил недуг; потому, как монах, я жил в строгом воздержании. Когда же я исцелился от недуга бедности, забыл бога; из-за недуга бедности я притворился перед моей женой кротким агнцем и тем обольстил ее. Затем же я так в нее влюбился, что пронзил мечом графа, чтобы коварно завладеть его достоянием. После убийства я услышал голос с неба: „Через тридцать лет в этот самый день совершенное кровопролитие будет отмщено“. Я передал своей даме, что услышал. Вопреки всему она согласилась стать моей женой, и до сего времени мы прожили счастливо. Через восемь дней кончается тридцатилетний срок. Прошу всех вас на пир». Они отвечают: «Мы придем и посмотрим, какова будет предреченная кара».

Настал назначенный день, и в замок стеклось множество народа. Когда все сидели за столом и угощались при звуках всевозможных музыкальных инструментов, в окно влетела какая-то пестрая птица и начала чудо как сладко петь. Рыцарь, владелец замка, внимательно прислушался и говорит: «Боюсь, что эта птица — вестник беды». Он взял лук и стрелы и на глазах у всех убил птицу. Тотчас земля разверзлась и поглотила замок вместе с рыцарем, его супругой и всем, что там было, а на его месте сделалось глубокое озеро, в котором все, что туда ни попадает, тонет.

92 (278)

В городе Риме правил Мирелис.¹ У него была жена-красавица. Хотя они долго жили в супружестве, но не имели наследника. Повсюду, во многих царствах разыскивали врачей, чтобы они помогли царю, который был глубоко опечален тем, что не имел наследника. Когда врачи узнали, что с царем и царицей, они дали питье, и царица родила пригожего мальчика. Тотчас мудрецы сказали царю, что они думали касательно его сына. Увидев ребенка, они промолвили: «Государь, необходимо, если ты хочешь, чтобы этот мальчик долго жил, держать его под землей, и в течение семи лет он не должен видеть дневного света; тогда он будет любезен богу и людям». Царь послушался совета мудрецов и поместил сына вместе с кормилицей и другими женщинами в подземный покой, где не было иного света, кроме пламени свечей. По прошествии семи лет мальчика вывели и он оказался очень красивым и был любезен богу и людям.

Когда царевич достиг совершеннолетия, отец сыскал ему невесту, весьма красивую венгерскую королевну. Торжественно сыграли свадьбу, а с приходом ночи приготовили богатое ложе; в каждом его углу сидело по маленькой собачке, и все они должны были сторожить молодых, а перед ложем стоял светильник. Под страхом смерти царь запретил приближаться к светильнику всем, кроме непорочных девушек. Когда царевичу пришло время взойти на ложе к невесте, он бросил взгляд на светильник и, заметив, что тот погас, кликнул слуг и говорит: «Я дал обет богу, что не приближусь к ложу,

если светильник не будет гореть. Ищите деву, чтобы его зажгла». Слыша это, слуги стали прилежно разыскивать деву, но не могли найти. Они воротились и сказали, что не могли сыскать ни одной девы. Тогда царевич отослал невесту, вручив ей заветное кольцо, и сказал: «Сладчайшая моя невеста, закон, установленный моим отцом, нельзя соблюсти — нигде не отыскать девы, чтобы зажечь светильник, и я буду странствовать, пока ее не сыщут». На рассвете царевич поднялся и попрощался с невестой. Она печалилась, и никто не мог ее утешить.

На четвертый день странствия царевичу повстречался лев, в лапе которого сидела заноза, и всем своим видом он просил, чтобы царевич вынул занозу. Юноша угадал желание льва и вытащил занозу. После этого лев шел следом за ним до какого-то замка, расположенного неподалеку от леса, куда лев скрылся. У царя, владельца этого замка, была дочь. Лишь только царевич увидел ее, столь сильно пленился девушкой, что попросил ее в жены. Царь, услышав, что он единственный сын императора, сказал: «Любезнейший, ты — отпрыск высокого рода и получил в жены венгерскую королеву. Но, видно, не знал, что по закону перед вашим ложем стоит светильник, зажигать который дозволено только деве, а ее невозможно найти, и потому ты пришел сюда. Ты просишь в жены мою дочь. Она будет тебе верной подругой, если сделаешь для меня следующее. В наших краях обитает страшный змий, который всякий день требует двух овец и двух коров, и когда он пожрет все наши стада, нам придется метать жре-

бий, и на кого он падет, тот станет добычей змия. Если сможешь избавить мою дочь от смерти, она без слов — твоя». Царевич в ответ: «Неложно обещаю это сделать и не покину твоего замка, пока змий не пожрет все твои стада». Так и было. Вскоре совсем не осталось ни овец, ни коров, и людям пришлось между собой метать жребий, и жребий пал на царевну: ее предстояло отдать на съедение змию.

Когда царевич об этом услышал, исполнился великого страха. Он вооружился и пошел на змия; но змий был сильнее, и когда царевич уже готовился отступить, прибежал лев, из лапы которого он некогда вытащил занозу, и стал сражаться бок о бок с ним; царевич победил змия и убил его с помощью льва. Когда весть об этом достигла царя, он возликовал всем сердцем и отдал свою дочь царевичу, говоря: «Вот твоя любимая, за кого ты сражался. Возьмите ее и ступайте». Царевич привел девушку во дворец своего отца. Когда невеста царевича узнала о его возвращении, она несказанно обрадовалась, выбежала ему навстречу и обняла. Юноша говорит ей: «Покажи заветное колечко, которое я тебе оставил». Она говорит: «Охотно». Когда жена² показывала колечко, царевич забрал его для своей возлюбленной, а жене сказал: «Вот моя любимая избранница, которая давно ждетается, когда станет зажигать нам светильник». Жена царевича в ответ: «Аминь. Да будет воля твоя». Девушка еженощно зажигала светильник; все ее любили, ибо огонь никогда не угасал, и она была осыпана великими богатствами и окончила свои дни в мире.

Римской державой управлял Олимпий.¹ Он взял себе в жены девушку, которая родила ему ребенка. В те времена существовал такой закон: всякая женщина, пришедшая в церковь для очищения,² должна у церковных дверей написать в поучение людям несколько значительных слов; сделав это, ей надлежит чинно удалиться домой. Настал срок очиститься и царевой супруге. Она пришла в церковь и после очищения повелела начертать при входе следующие слова: «Я — царь века сего, владыка всего мира».

Вслед за ней тоже, чтобы очиститься, пришла одна знатная и благородная дама; впереди нее шествовали люди, играющие на всевозможных музыкальных инструментах. Императрица стояла у окна замка и, увидев это, сказала в своем сердце: «Эта женщина очищения ради идет в церковь с таким блеском! Более не бывать тому — я ее покараю». И раздобыла двух змей. А та дама по окончании обряда, уходя из церкви, написала при входе: «Я — дитя, вскормленное заместо молока чистым вином».

Затем дама эта вернулась домой и задала богатый пир. По его окончании императрица послала к ней слугу с приказом немедленно явиться. Дама повиновалась. Она вошла в покои императрицы и с должной вежливостью приветствовала ее глубоким поклоном. Императрица говорит: «Знаешь, почему я послала за тобой?». Дама в ответ: «Государыня, не знаю». Императрица: «У меня двое сыновей, которых вам надобно для меня вскормить, и ты их вскор-

мишь, ибо у тебя есть молоко». Дама говорит: «С радостью, если б я была достойной это сделать». Императрица ей: «Тогда скорее разденься, чтобы я увидела их у твоей груди». Дама спрашивает: «Где младенцы, которых надо кормить?». Императрица показала ей двух змей и говорит: «Этих двоих тебе надлежит вскормить своим молоком». Дама в ответ: «Ради бога, сжажьтесь надо мной и не убивайте, ибо жизнь мою я готова выкупить». Императрица говорит: «Напрасно стараешься, так как ты все равно выкормишь их мне». Тотчас она приложила змей к соскам дамы, и когда они почуяли свежее теплое молоко, крепко вцепились ей в грудь. Тогда императрица сказала: «Оденься и ступай домой». Дама вернулась домой и на третий день, отравленная змеиным ядом, испустила дух.

94 (281)

В городе Риме правил Короний.¹ У него была жена-раскрасавица. Как-то раз она стояла у окна их замка и увидела, как двое рыцарей сражаются между собой на лугу против ее окон. Один был до того красив, что дама не могла оторвать от него глаз и пленилась им. Поединок закончился, и рыцарь, которого дама полюбила, оказался победителем и отправился домой. Дама же от страстной любви к нему стала тосковать. Император из-за ее болезни сильно опечалился. Он сразу же велел созвать врачей, чтобы они узнали, что с нею. Когда врачи увидели царицу,

тотчас сказали: «У нее нет иного недуга, кроме сильного любовного влечения, и это может привести к смерти». Услышав их слова, император говорит своей жене: «Назови, прошу тебя, имя того, кого ты, помимо меня, столь сильно любишь». Она в ответ: «Больше всего на свете я люблю того рыцаря, который на этих днях одержал победу в поединке, и если между нами не будет любви, умру». Тогда император сказал врачам: «Прошу вас, спасите жизнь моей жене». Они в ответ: «Мы можем сделать это только одним путем — убейте того рыцаря, который одержал победу, и кровью его велите намазать свою супругу». Когда это было сделано, обольщение рассеялось, и дама тотчас исцелилась от своего недуга.

95 (283)

Мамертин,¹ который правил в городе Риме, держал при себе сына своего брата и очень его любил. Мальчика звали Фульгенций, и он исправлял должность королевского кравчего. В то время сенешалем при дворе был соправитель императора и дядя Фульгенция с материнской стороны, который возненавидел его за то, что император был к нему весьма расположен. Денно и ночью этот сенешаль обдумывал, как расстроить дружбу императора и Фульгенция.

Однажды, когда император направлялся к себе в опочивальню, сенешаль подошел к нему и говорит: «Государь, я должен раскрыть вам

одну тайну». Император говорит: «Скажи, что тебе угодно сообщить». Тот говорит: «Низкий Фульгенций, ваш племянник и мой кровный родич, повсюду клеветает на вас, будто вы поражены проказой, и из-за тяжелого духа, подавая вам чашу, он едва жив». Услышав это, император сильно разгневался и говорит: «Прошу тебя, скажи мне правду, подлинно ли я болен проказой?». Сенешаль отвечает: «Воистину нет, государь; поверьте, я никогда не слышал от вас смрадного духа, проистекающего от этого недуга». Император говорит: «Как можно подтвердить справедливость того, что ты говоришь о Фульгенции?». Сенешаль: «Государь, завтрашний день во время утренней или более поздней трапезы, когда Фульгенций будет подавать вам питье, посмотрите на него и увидите, что, поднося вам чашу, он отвратит лицо от вас, дабы не слышать смрадного запаха, и это вернейшее доказательство моим словам». Император говорит: «Да, вернее не может быть».

Сейчас же сенешаль спешит к Фульгенцию, отводит его в сторонку и говорит: «Милый мой Фульгенций, ты мне племянник и родич владыки моего, императора; если будешь мне благодарен, я открою тебе твой порок; о нем спрашивает император, и столь он опасается его, что положил себе отказаться от твоей службы, но не имеет духу объявить об этом». Фульгенций говорит: «Во имя любви к распятому скажи мне, что это за порок, которого так опасается император, мой владыка, ибо я готов исправиться, воспользовавшись твоим добрым советом». Сенешаль говорит: «Ты болен прока-

зой; когда ты подносишь владыке моему кубок, из-за смрада от этого недуга ему хочется вылить прочь поданное тобой вино». Фульгенций говорит: «Я покорно прошу вашего наставления и помощи». Сенешаль говорит: «Если хочешь последовать моему совету, все уладится». Фульгенций в ответ: «Я желаю этого всей душой». Сенешаль: «Всякий раз, как ты будешь подавать чашу владыке нашему императору, отвращай лицо свое, дабы император не почувствовал запаха проказы, пока не добудешь какого-нибудь средства от этого». Фульгенций поверил его словам и сказал: «Я последую вашему совету».

И вот, когда Фульгенций стал прислуживать императору и протянул ему чашу, он отвратил от него лицо. Император, заметив это, ударил Фульгенция ногой в грудь, говоря ему: «О, низкий негодяй, мне сказали про тебя чистую правду. Прочь с глаз моих и чтоб ноги твоей больше не было во дворце!». Фульгенций горько заплакал, а император позвал к себе сенешаля и говорит ему: «Как мне извести этого негодяя, он ведь так коварно меня оклеветал?». Сенешаль говорит: «Весьма просто. У вас есть люди, которые постоянно поддерживают большой огонь, чтобы обжигать камень, из которого делают известь. Этой же ночью пошлите туда верхового с приказом под страхом смерти схватить и бросить в огонь всякого, кто поутру придет к ним и скажет: „Мой государь повелевает вам исполнить его волю“. Фульгенцию же вы должны этой ночью приказать подняться на заре, пойти к тем рабочим и сказать им: „Исполнили ли вы волю моего владыки?“. Тогда, по-

винуясь вашему велению, они бросят Фульгенция в огонь, и он умрет страшной смертью». Император говорит: «Твой совет поистине хорош». Он призывает к себе Фульгенция и говорит ему: «Приказываю тебе под страхом смерти встать на заре и отправиться к рабочим, занятым у Трех печей, где обжигают камень для приготовления извести, прийти туда до восхода солнца и сказать от моего имени, чтобы рабочие исполнили мое веление, а иначе погибнут страшной смертью». Фульгенций в душе своей решил подняться на заре и выполнить волю императора. В полночь император послал к рабочим верхового, который сказал им: «Под страхом смерти всякого, кто придет к вам на заре и от имени императора скажет: „Владыка мой император приказывает исполнить его веление“, схватить и бросить в огонь, чтобы сгорели даже кости его». Они в ответ: «Мы готовы это исполнить». Днем верховой воротился, сообщив императору, что передал его веление и рабочие готовы повиноваться. Фульгенций же встал на заре, собрался в путь и ничего не подозревал о коварстве императора. На дороге к Трех печам он услышал удары колокола, зовущего к мессе, вошел в церковь и после пережитого сердечного восхищения впал в сон и долго спал в церкви; ни священнослужитель, ни прихожане не стали его будить. Сенешаль же, желая убедиться в смерти Фульгенция, отправляется к тем рабочим; придя к ним, он говорит: «Исполнили ли вы волю императора?». Они говорят: «Нет еще, но сейчас исполним». Тут они хватают сенешаля, а он кричит: «Отпустите, ибо

государь мой приказал сжечь Фульгенция». Рабочие отвечают: «Он нам не назвал имени, а сказал — всякого, кто завтра явится к вам и скажет: „Исполнили ли вы волю владыки моего, императора, и т. д.“, надо схватить и бросить в огонь, чтобы сгорели даже его кости». Так они и сделали.

Вскоре после этого приходит Фульгенций и говорит: «Исполнили ли вы волю императора?». Рабочие в ответ: «Только что исполнили». Фульгенций говорит: «Из любви к Христу скажите, что повелел вам император?». Они в ответ: «Под страхом смерти надлежало нам схватить и бросить в огонь того, кто придет к нам сегодня на рассвете и скажет то, что ты сказал. Но до тебя пришел сенешаль, и мы обошлись с ним согласно воле императора, то есть сожгли». Услышав это, Фульгенций восславил бога, избавившего его от смерти, распрощался с рабочими и пошел во дворец.

Император, когда увидел его, стал дивиться и сказал: «Что же ты не исполнил моего приказа и не пошел утром к рабочим?». Фульгенций говорит: «Государь, я был там. Но до того как мне прийти, ваш приказ был уже исполнен». Император говорит: «Скажи мне, каким образом?». Фульгенций говорит: «До меня пришел сенешаль и сказал этим людям: „Исполнили ли вы волю императора?“. Услышав эти слова, они схватили сенешаля и бросили его в огонь, а если бы первым пришел я, эта участь постигла бы меня. Поэтому я благодарю бога, который избавил меня от смерти». Император говорит: «Дай клятву, что по совести ответишь на

вопрос, который я тебе задам!». Фульгенций говорит: «Государь, я думаю, вы никогда не уличали меня во лжи, поэтому удивляюсь, что вы предназначили мне столь страшную смерть, тем более что я сын вашего брата». Император говорит: «Ничего тут нет удивительного, и ты это без труда поймешь из того, о чем я хочу тебя спросить. Я предназначил тебе такую смерть по совету сенешаля, потому что ты повсюду сеял порочащий меня слух, будто я болен проказой и от меня идет непереносимый смрад, из-за чего ты, подавая мне питье, отвращал от меня лицо. Это я видел собственными своими глазами и потому определил тебе столь ужасную смерть и оставляю свой приговор в силе, если не услышу от тебя иного объяснения».

Фульгенций говорит: «Если вам угодно, выслушайте меня, и тогда увидите, что мне строили злые козни. Сенешаль, который ныне мертв, подошел ко мне и сказал, ссылаясь на ваши слова, услышанные им из собственных ваших уст, будто я заражен проказой, что слышно по сильному запаху, и присоветовал мне отвращать от вас свое лицо, когда я подаю вам чашу. Бог свидетель, что я говорю истинную правду». Император поверил рассказу Фульгенция и сказал: «О, сынок, по справедливому промыслу божиию сенешаль умер, и его злодейство пало на его голову: по своему недоброжелательству к тебе он сам измыслил эту казнь. Ты же будь добрым человеком и всем сердцем любви бога, который избавил тебя от смерти».

ДОПОЛНЕНИЯ

ИСТОРИИ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ
ИЗ СТАРЕЙШЕЙ РУКОПИСИ
«РИМСКИХ ДЕЯНИЙ»

1 * (145)

Об Инграте и Гидоне

Правил весьма могущественный царь по имени Леунций.¹ Однажды, когда он проезжал по дороге, ему попался навстречу какой-то бедняк. Император говорит ему: «Любезнейший, откуда ты родом и как тебя звать?». Тот в ответ: «Государь, я недостойный ваш подданный, рожден и взрос на подвластной вам земле, а зовут меня Инграт». Император: «Будь я уверен, что ты добрый человек, я бы тебя возвысил». Тот говорит: «Государь, я клятвенно обещаю быть добрым человеком». Император по своему мягкосердечию взял Инграта с собой во дворец. За малое время Инграт выказал такую доброту, что император пожаловал его богатством и почестями, а вскоре назначил сенешалем² всей империи. Столь возвышенный императором, бедняк этот, более чем можно себе помыслить, возгордился сердцем и всех стал притеснять, так как все подчинялись его воле.

Вблизи императорского дворца был лес, полный диких зверей. Сенешаль приказал, чтобы

в этом лесу вырыли множество глубоких ям и прикрыли их травой, дабы, пробегая по лесу, звери туда проваливались и так попадали в руки охотникам. Когда приказ его был уже выполнен, сенешаль направился однажды в лес. Едучи по лесу, он размышлял: «Господи боже, есть ли в империи кто-нибудь могущественнее меня?». Когда же он приблизился к одной из ям, конь его провалился туда и, так как яма была глубокой, не мог из нее выбраться. По случайности в этот же день по этой же дороге пробежал лев и тоже попал в яму. Увидев льва, сенешаль немало оробел. Вслед за львом в яму попала обезьяна, а за обезьяной проползавшая змея. Из-за соседства с этими тремя животными рыцарь от ужаса едва не испустил дух. Он стал кричать, но напрасно, так как никто его не услышал, ибо до жилья было далеко.

В то время жил в городе один бедняк по имени Гидон; он всякий день ходил в этот лес собирать хворост, который потом продавал на рынке, чтобы прокормить и одеть себя, жену и сына. Случилось, что в день, когда рыцарь провалился в западню, Гидон со своим ослом как раз был в лесу. Когда он шел мимо этой западни, сенешаль на дне ямы услышал его шаги и сказал: «О, любезнейший, кто ты? Вытащи меня отсюда, и я осыплю тебя почестями и деньгами».

Гидон, услышав человеческий голос, удивился и говорит: «Скажи мне, кто ты и как оказался здесь?». Сенешаль в ответ: «Я сенешаль всей империи. Проезжая здесь на коне, я случайно провалился в яму, а она так глубока, что

самому мне не выбраться оттуда. Послушай! Самое ужасное, что вслед за мною сюда упал лев, за ним обезьяна и наконец змея. Я не знаю, кто из них первый бросится на меня, чтобы сожрать. И потому, если ты меня вызволишь из этой опасности, неложно обещаю сделать тебя богачом». Гидон говорит: «Любезнейший, я, моя жена и мой сын живем только тем, что я собираю и продаю хворост; на эти деньги я кормлю и одеваю себя и свою семью. Если не выполню сегодняшнего своего урока, а ты меня обманешь, попаду в беду, так как останусь без хлеба». На это сенешаль: «Послушай меня, любезнейший: любовью к богу и преданностью императору клянусь, что, буде этот день ты потеряешь на мое освобождение, на следующий я столь щедро награжу тебя, что все время своей жизни ты будешь богат».

Гидон, слыша это, побежал в город, принес длинную веревку, вернулся к яме и крикнул: «Вот, господин, я принес с собой длинную веревку и брошу ее тебе, ты обвяжешься ею, и я вытащу тебя наверх». Рыцарь при этих словах обрадовался, и Гидон спустил в яму веревку. Когда лев увидел это, уцепился за нее, а Гидон, думая, что поднимает наверх рыцаря, на самом деле вытянул наверх льва. Оказавшись на свободе, лев поблагодарил Гидона и убежал в лес. Гидон во второй раз спустил веревку, и — гляди — обезьяна, заметив веревку, прыгнула на нее. Когда Гидон вытащил обезьяну, она убежала в лес. Затем он снова спустил веревку в яму, и — гляди — змея обвилась вокруг нее. Гидон поднял и ее, и змея поблагодарила и уползла.

Тут рыцарь закричал: «О, любезнейший, благословен всевышний! Я освободился от зверей, теперь спусти веревку мне». Лишь только Гидон это сделал, рыцарь обвязался веревкой, и Гидон его вытащил. Затем оба они вытащили коня. Сенешаль тут же вскочил в седло и поскакал во дворец, а Гидон воротился домой. Когда жена увидела, что муж не привез хворосту для продажи, весьма опечалилась, а Гидон рассказал ей все, как он вытащил из ямы сенешаля и какую щедрую награду получит завтра. Жена, слыша это, обрадовалась.

Наутро Гидон встал, пошел во дворец и постучал в ворота. Привратник спросил, что ему нужно. А он: «Любезнейший, бога ради, скажи сенешалю, что пришел бедняк, который давеча разговаривал с ним в лесу, и ожидает его милостей». Привратник почтительно передал просьбу Гидона сенешалю и доложил о его приходе. Сенешаль в ответ: «Ступай и скажи от меня, чтобы поскорее убирался прочь, ибо говорит неправду. Я никого не встретил в лесу». Привратник передал Гидону слова сенешаля. Тот в огорчении ушел и рассказал жене, каков был ответ. Она, как умела, стала утешать мужа и говорит: «Наберись терпения. Может быть, господин был чем-нибудь занят и это помешало ему как следует выслушать привратника. Надо тебе сходить завтра».

Гидон терпеливо переждал ночь. Наутро он встал, направился во дворец и, как накануне, попросил привратника исполнить по вчерашнему примеру его просьбу. Привратник по душевной доброте опять пошел к сенешалю и говорит:

«Господин, бедняк, который вчера приходил сюда, просит, чтобы ты с ним поговорил». Сенешаль в ответ: «Ступай и скажи ему, чтобы поживее убирался прочь, а если придет в другой раз, я его примерно отделаю, так что он не будет сгоять на ногах». Привратник передал эти слова Гидону. Тот, опечаленный, пошел домой и рассказал жене то, что услышал. Она, как умела, стала его утешать и говорит: «Любезнейший, надо сходить в третий раз — может быть, господь смягчит его сердце. Если же и на третий раз ничего не добьешься, больше не пытайся». Совет жены понравился Гидону, и он терпеливо переждал ночь.

Наутро он встал и, как прежде, попросил привратника доложить сенешалю его просьбу. Тот в ответ: «Любезнейший, я тебе передал, что он мне сказал вчера; боюсь, если я доложу ему о твоём приходе, сенешаль, как грозился, жестоко расправится с тобой и я обращусь к нему только тебе на горе». Гидон говорит: «Все-таки я хочу попытаться в третий раз». Привратник, слыша эти слова, вошел в покой к сенешалю и сообщил ему о приходе Гидона. Сенешаль в ярости выбежал к воротам и так избил Гидона, что тот упал на землю едва живой.

Узнав об этом, жена Гидона пришла ко дворцу и на осле отвезла мужа домой, ибо он не мог ходить. Все деньги, что у нее были, она истратила на врачей, так как полгода муж ее лежал в постели и не мог оправиться. Когда же стал здоров, пошел, как всегда, со своим ослом в лес за хворостом. И вот он замечает

вдруг вдали десять ослов, нагруженных тюками, а за ними льва, который гнал их прямо к нему. Гидон внимательно взглянул на льва, узнал его и понял, что это тот самый лев, которого он вытащил из ямы. Когда лев приблизился, он лапой подал Гидону знак, чтобы тот скорее отвел ослов домой. И вот Гидон погнал ослов, а лев шел следом до самых ворот его дома. Увидев, что ослы вошли в ворота, лев приветствовал Гидона, наклонив голову и виляя хвостом, и убежал.

Во многих церквях Гидон просил объявлять, не потерял ли кто своих ослов, но не нашлось никого, кто бы сказал, что у него пропал хотя бы один осел. Тогда Гидон развязал тюки, нашел в них бесконечное множество добра и разбогател. Однако на следующий день Гидон снова взял осла и пошел в лес. Когда он взялся за топор, чтобы рубить ветки, оглянувшись, увидел на верхушке дерева обезьяну, которую вытащил из ямы. Она стала помогать ему зубами и ногтями, так что Гидон без труда нагрузил осла и воротился домой. На третий день он вновь пошел в лес, и, когда присел, чтобы наточить топор, к нему быстро подползла змея, которую Гидон вызволил из западни, держа во рту маленький трехцветный камешек, то есть в одной своей части белый, в другой черный, а в третьей красноватый. Змея открыла пасть и положила камешек на колени Гидона, а затем воротилась в лес. Глянув на камешек, Гидон стал дивиться, но, не зная, какова его природа, пошел в город и обратился к человеку, понимающему в камнях, дабы узнать у него достоинство

своего камня. Тот взглянул и говорит: «Я дам тебе за него сто флоринов». «Камень не продается; объясни мне только его достоинство, и я тебе за это заплачу». Брильянтик отвечает: «Человек, который будет владеть этим камнем, получит три вещи: неубывающее изобилие, неомрачаемое веселье, немеркнущий свет. Четвертое достоинство таково: если владелец продает камень дешевле настоящей цены, он вернется к нему». Узнав все это, Гидон более, чем можно себе вообразить, обрадовался и говорит: «Да будет благословен час, когда я пошел в лес».

Благодаря чудесной силе, заключенной в камне, Гидон приобрел земли и несчетные богатства, так что получил назначение в войско: ведь богаче его не было в целом свете. Император, услышав, что Гидон, столь прежде бедный, разбогател благодаря своему чудесному камню, велел через слугу, чтобы он немедленно шел к нему. Гидон явился к императору. Тут император говорит: «Любезнейший, я слышал, что у тебя есть драгоценный камень. Прошу тебя, продай его мне». Гидон в ответ: «Государь, да не поднимется у меня рука сделать так, ибо с помощью этого камешка я разбогател». Император на это: «Выбирай тогда одно из двух: либо ты продашь мне камень, либо я изгоню тебя из моего царства». Когда господин Гидон это услышал, сказал: «Государь, раз так, я продам вам камень. Но скажу одно: если вы дадите мне за него меньше, чем камень стоит, он воротится ко мне назад». Император говорит: «Ну что же, я дам тебе тридцать тысяч флоринов».³

Господин Гидон получил деньги, а импера-

тор кольцо с драгоценным камнем. Утром, когда господин Гидон открыл свой ларчик, среди прочих дорогих безделиц нашел и то свое кольцо и рассказал о случившемся жене. Она на это: «Господин, скорее представь кольцо императору — да не подумает он, будто ты его обманул». И вот Гидон с кольцом в руках тотчас же отправился к императору и говорит: «Почтеннейший государь, вчера я продал вам мое кольцо с драгоценным камнем. Где оно?». Император в ответ: «В моей сокровищнице». На это Гидон: «Его там нет, вот оно! Я вас предупреждал, что кольцо воротится ко мне, если я не получу настоящей его цены». Император подивился и говорит: «Скажи мне, любезнейший, как кольцо это попало к тебе?».

Гидон с начала и до конца рассказал всю историю: как сенешаль провалился в яму, в которой сидел со львом, обезьяной и змеей, как жестоко он избил его и как лев, обезьяна и змея, каждый по-своему, отблагодарили его.

Император, узнав обо всем этом, сильно разгневался на сенешаля и говорит: «Вот слышишь, что рассказывает о тебе господин Гидон? Что ты на это скажешь?». Сенешаль не стал ничего отрицать. Тогда император говорит: «Низкий человек, ты заслужил свое имя Инград.⁴ Вот величайшая неблагодарность: за то, что Гидон избавил тебя от смерти, ты чуть не до смерти избил его. Гляди, несчастный, неразумные твари лев, обезьяна и змея воздали своему избавителю благодарность, а ты, наделенный разумом человек, за добро заплатил злом. Прежде всего все твое движимое и недвижимое

имуущество и должность твою я отдаю господину Гидону и назначаю его вместо тебя сенешалем, а тебя сегодня велю повесить». Так и было сделано. Царские советники, узнав об этом решении, весьма его одобрили. Господин Гидон разумно управлял царством, был любим подданными и кончил жизнь свою в мире.

2 * (149)

О сыне лесничего, которого царь приказал убить

Царствовал могущественный Ганнибал;¹ у него была единственная дочь, которая имела обыкновение забавляться с псами и птицами, ибо любила их.

Однажды царь охотился со своими рыцарями и слугами. Вдруг пал густой туман и скрыл императора, преследовавшего оленя, от остальных охотников. Некоторое время он оставался в полном одиночестве. Воротившись на старое место, император не нашел ни рыцарей своих, ни слуг: они искали его в одной части леса, а он их в другой. Между тем настала ночь и император решил воротиться во дворец. Дорога туда шла лесом, и издали император увидел какую-то хижину, пришпорил коня и скоро очутился рядом с ней, постучал в дверь и под видом бедняка попросил Христа ради приютить его. Хозяин был лесничим императорского леса, но не знал императора в лицо. Он поэтому спросил импера-

тора, кто он и куда направляется. Тот отвечает: «Я простой человек и сбился с дороги; настала ночь, и я не нашел никакого иного жилья, кроме этого. Потому и прошу Христа ради приюта, хотя бы на одну ночь». Лесничий говорит: «Изволь, я охотно поделюсь с тобою тем, что послал мне бог. Спокойно заходи».

Император вошел; накрыли стол, лесничий посадил за него императора и потчевал его разной дичиной. Между прочим император задал лесничему такой вопрос: «Скажи мне, любезнейший, кто владеет этой землей?». А тот: «Государь мой император, а я слуга его и надсматриваю за этим лесом, а вот моя жена». Лесничий указал царю на свою жену, которая была на сносях и вот-вот должна была родить. Император утаил от своего хозяина, кто он.

Когда гость лег в постель и заснул, услышал голос, говорящий ему: «Возьми, возьми, возьми!». От этого император пробудился и говорит: «Что это я слышу? „Возьми“, а ведь я ничего не получил». Вновь он заснул и снова услышал голос: «Верни, верни, верни!». Он пробудился и говорит: «Что это? Сначала я услышал слова „возьми, возьми, возьми“, но, право, я ничего не брал, потом „верни, верни, верни“. А что мне возвращать, коли я ничего не брал?». Император снова заснул.

Между тем у жены лесничего начались родильные муки, и она разрешилась пригожим мальчиком. Императору в третий раз был голос: «Беги, беги, беги! Сегодня ночью родился тот, кто после твоей смерти станет царем». Услышав это, император содрогнулся и сказал: «Что это

я слышу? „Беги!“. Куда мне бежать? И зачем?». Пока он подобным образом раздумывал, раздался плач новорожденного, и по его голосу император понял, что родился мальчик. Затем он сказал себе: «Неужели это тот, кто будет царствовать после меня, хотя он сын моего слуги? Если буду жив, изменю свое завещание».

Наутро император поднялся, позвал к себе лесничего и сказал: «Любезнейший, говорю тебе, что я государь твой и император». Слыша это, лесничий упал ему в ноги, прося помиловать его, если в чем погрешил против своего государя. А тот: «Не бойся! Я благодарен тебе за то, что ты дал мне приют, когда я в этом нуждался. Я прошу у тебя одного. Нынешней ночью жена твоя, кажется, родила мальчика?». Лесничий: «Да, государь». Император говорит: «Покажи мне его». Когда лесничий показал младенца, император пристально взглянул на него и заметил на лбу мальчика некий знак. Затем он сказал лесничему: «Этого мальчика я возьму на воспитание и через три дня пришлю за ним». Лесничий в ответ: «Государь, я не достоин того, чтобы ты взял мальчика во дворец. Бог воздаст тебе за то, что ты снисходишь к человеку столь низкого звания». Император: «Поручаю тебя господу». С этими словами он вскочил на коня и поскакал ко дворцу.

Через три дня император позвал слуг и говорит: «Любезнейшие, во имя данной мне присяги ступайте в лес к дому лесничего, который дал мне приют! Там вы найдете младенца, которого жена лесничего родила в ту ночь. Возьмите его от родителей, а когда войдете в лес,

убейте мальчика и под страхом смерти принесите мне его сердце». Они в ответ: «Государь, мы во всем готовы повиноваться вашей воле». Тотчас слуги пришли в дом лесничего и попросили именем императора дать им младенца на воспитание. Лесничий, ничего не подозревая, отдал им ребенка. В лесу слуги сказали друг другу: «Вот подходящее место, чтобы убить младенца, как это велел нам император». Они положили ребенка на землю и внимательно взглянули на него. Один сказал: «Сколь тяжкий грех убить этого невинного младенца!». Тогда все говорят: «Это правда. Давайте постараемся сохранить ему жизнь, если и придется держать ответ за это перед нашим владыкой». Один говорит: «Любезнейшие, послушайте, что я посоветую. В этом лесу водятся дикие свиньи. Застрелим поросенка и снесем его сердце нашему владыке государю и скажем, что это сердце младенца. Так мы избежим наказания и не сделаемся убийцами». Остальные сказали: «Отличный совет. Однако поклянемся, чтобы никто не предал другого». Так они и сделали. Затем слуги положили младенца в дупло на одном дереве и воротились к царю. Придя, они застали его за трапезой и отдали ему вместо сердца младенца поросячье сердце. В палате ярко горел очаг. Император бросил сердце поросенка в огонь и говорит: «Вот кто должен был править после меня! Можете убедиться, каков прок во снах!».

На следующий день некий граф по имени Леопольд охотился в том лесу, где слуги оставили мальчика. Вдруг из чащи выскочил олень; собаки кинулись его преследовать, а он бежал

прямо к дереву, в ветвях которого лежал мальчик. Когда собаки уже настигали оленя, он приблизился к дереву, а они, почуяв мальчика, остановились как вкопанные. Граф увидел это, удивился, ударил коня шпорами, подскочил ближе, стал со всех сторон оглядывать дерево и заметил завернутого в пеленки младенца. Леопольд взял его на руки и повез в свой замок. Граф не имел наследника и потому говорит графине, своей жене: «Любезнейшая, давай скажем всем, будто это наш сын. Я надеюсь, что мы получим от него немалую радость». Она в ответ: «С удовольствием». Вскоре по всему графству прошла молва, что графиня родила пригожего сына, и многие этому обрадовались. Мальчик рос и был всеми любим. Когда ему минуло семь лет, мальчика стали обучать, и он удивительно преуспевал в науках и продолжал занятия ими до своего двадцатого года.

Тут царь велел повсюду объявить, что задает пир. На этот пир были позваны все царские вельможи. Среди них и граф Леопольд, который прибыл вместе с сыном. По одну сторону от царя сидел граф Леопольд, а юноша прислуживал ему. Внимательно взглянув на юношу, царь увидел на лбу его знак, который заметил прежде у сына лесничего, когда тот родился, и теперь узнал его. По окончании пира царь говорит графу: «Скажи мне, любезнейший, чей сын этот юноша, который сегодня прислуживал тебе?». Тот в ответ: «Государь, это мой сын, рожденный от моей жены». Царь говорит: «Заклинаю тебя присягой, которую ты мне принес, говори правду». Граф: «Государь, раз так,

скажу тебе, что не знаю, чей он сын». Царь: «А как он попал к тебе?». Граф в ответ: «Тому уже двадцать лет, как я охотился в лесу и случайно нашел младенца в пеленках, оставленного на дереве».

Слыша это, царь позвал тех, кто был послан к лесничему, и сказал: «Постарайтесь припомнить, любезнейшие, ибо двадцать лет прошло с тех пор, как я послал вас в дом лесничего за его сыном. Под страхом смерти скажите мне по правде, как вы поступили с мальчиком?». Они отвечают: «Государь, движимые состраданием, мы порешили не убивать младенца, ибо он ни в чем не повинен, но вместо него убить поросенка и принести тебе его сердце». Царь сказал: «Меня обманули! Юноша должен править после меня. Но не бывать этому, ибо я убью его». И говорит графу: «Любезнейший, мальчик этот останется при мне». Граф отвечает: «Государь, я счастлив».

Немного дней юноша пробыл в услужении царя, а тот целыми днями только и думал, как его убить. В то время царица находилась в каком-то своем дальнем замке. Вот царь и позвал юношу к себе и говорит: «Сын, тебе надлежит отправиться к царице и отвезти ей письмо, ибо уже долгое время я не получаю от нее вестей». Тот в ответ: «Государь, я готов виноватиться вашей воле во всем». Тотчас же царь диктует такое письмо: как только царица получит и прочитает его, под страхом смерти ей надлежит схватить подателя письма и предать позорной смерти, и это должно исполнить никак не позже трех дней после его прибытия. Если же ослу-

шается, без снисхождения будет сама умерщвлена вместо него. Царь запечатал письмо своим перстнем и вечером отдал юноше, дабы с рассветом тот отправился в путь.

Юноша, желая угодить своему господину, поднялся на рассвете и скакал три дня, пока в девятом часу, утомленный дорогой, не оказался у дома одного рыцаря. Он попросил дать ему поесть и приютить на ночь. Видя благородного юношу, посланного самим императором, рыцарь принял его весьма радушно. После ужина хозяин уложил гостя спать. Усталый юноша сразу уснул, и тогда рыцарь вошел в спальню и, увидев под головой спящего ларчик, внезапно почувствовал искушение открыть его. Рыцарь так и поступил. Открыв ларчик и увидев письмо, обращенное к царице и запечатанное царским перстнем, он подумал: «Вскрою письмо и посмотрю, что там написано». Тут же рыцарь вскрыл письмо, прочитал, что под страхом смерти царь повелевает казнить подателя письма, т. е. спящего в его доме юношу, очень опечалился и сказал себе: «Какой тяжкий грех предать смерти этого юношу, такого красивого и приятного! Да не будет этого!». Он осторожно стер все написанное и написал так: «Приказываю тебе под страхом смерти подателя сего письма в трехдневный срок после его прибытия женить со всяческим весельем и торжественностью на единственной нашей дочери, а на свадьбу пригласи всех знатных людей. Если не сделаешь по моему слову, я предам тебя без пощады позорной смерти!». Рыцарь написал все это и, не сломав печати, вновь закрыл письмо и положил

его обратно в ларчик. Юноша же все это время спал. Проснувшись ото сна, он собрался уходить, но рыцарь удержал его на ночь.

Наутро юноша распрощался с рыцарем и отправился своим путем. Придя к императрице, он почтительно приветствовал ее от имени императора и вручил письмо. Императрица прочитала письмо, поняла, что там написано, поцеловала юношу и говорит: «Ты прибыл в добрый час, любезнейший мой сын! Я охотно исполню веление владыки моего императора». Сейчас же она приказала созвать знатных людей государства, чтобы через три дня все прибыли на свадебный пир ее дочери. Услышав об этом, они явились с великой пышностью, и на третий день во дворце торжественно была отпразднована свадьба юноши и царской дочери. По окончании пира царица получила от вельмож всевозможные подарки, вслед за чем они отбыли. Юноша оставался у императрицы целых три месяца.

Вскоре после его женитьбы царь с большой свитой направился в те края. Царица, услышав о его прибытии, говорит своему зятю: «Сын мой, садись на коня и поедем вместе со мной встречать владыку нашего государя». Юноша говорит: «Охотно, госпожа». Когда они встретили царя, он поцеловал царицу, увидев же рядом с нею юношу, взглянул на нее гневно, осердился и сказал: «Я покараю тебя смертью». Царица говорит: «Господин, смилуйся и скажи, чем я провинилась?». Царь говорит: «Под страхом смерти я наказал тебе в письме предать позорной казни этого юношу в течение трех дней, а он жив до сих пор. Почему ты ослуша-

лась меня?». Царица говорит: «Господин, выслушай меня! Твое письмо у меня сохранилось, а там ясно сказано, что в течение трех дней я под страхом смерти должна единственную нашу дочь отдать в жены этому юноше». Царь говорит: «И это уже сделано?». Царица: «Да, государь, уже давно, и они все ночи спят вместе». Царь в ответ: «Покажи мне письмо, которое я тебе послал». Увидев и прочитав письмо, царь сказал: «Сколько великое неразумие располагать иначе, чем угодно богу». Тут он поцеловал юношу, признав его своим зятем. После смерти царя юноша стал править вместо него.

3 * (211)

О врачах ослепленных и обретших зрение

Некий, весьма могущественный царь был украшен многими благими качествами, к которым можно причислить и то, что он старался искоренять в своей стране недоброжелательство, когда узнавал о его примерах. В царстве его жили два отличных врача, равно искусные в знании болезней и их лечении, так что все, что делал один, мог делать и другой. Всякий больной, приходивший к ним, каким бы родом недуга он ни страдал, становился здоров, если того можно было достичь медицинским искусством.

Случилось, что один из этих врачей стал завидовать другому, однако, не желая ссоры, чтобы не было между ними раздора или за-

висти, сказал своему товарищу: «Устроим пробу и решим, который из нас выше во врачебном искусстве! Кто уступит в мастерстве, пусть станет помощником более искусного». Второй говорит: «Я согласен, но скажи, как мы будем доказывать, кто из нас выше?». Тот: «А вот как: я выну из глазниц оба твоих глаза так, что ты не почувствуешь боли, и положу в присутствии многих на стол. Затем снова вставляю их, и после этого ты будешь видеть не хуже, чем я или чем видел прежде. Все это я сделаю безболезненно для твоих глаз и без вреда для них. Если ты сможешь то же самое проделать надо мной, никто из нас не сделается помощником другого, и мы будем жить, точно составляя одно сердце и одну душу. Но если кто-нибудь из нас уступит другому в мастерстве, пусть навсегда будет в подчинении у того, кто превзошел его в умении врачевать». Второй говорит: «Такого доказательства вполне достаточно, и я согласен. Созовем людей, чтобы все видели, кто из нас окажется менее искусен».

Так и было сделано. Тут же врач, который предложил это испытание, вынул из ларчика какой-то ножичек, надрезал вокруг глаз кожу, помазав ее прежде жидкой мазью, и таким образом безболезненно и без всякого труда вынул оба глаза своего соперника, в присутствии всех положил на стол и говорит: «Любезнейший, тебе было больно?». Тот в ответ: «Я знаю только, что у меня нет глаз, и потому я ничего не вижу. Но мне не было больно». Первый говорит: «Хорошо». Тут он разогретой мазью помазал глазницы, вставил глаза на прежнее ме-

сто и сказал: «Любезнейший, восславь бога! Что ты сейчас чувствуешь?». Тот говорит: «Сказать по правде, я ничего не заметил, ни когда ты вынул мои глаза, ни когда вставил их обратно. Вижу я так же хорошо, как прежде». Врач, показавший свое умение, говорит: «Любезнейший, теперь твоя очередь повторить то же самое, а иначе быть тебе моим помощником».

Второй врач с помощью ножичков и мази болезненно вынул у первого глаза, в присутствии всех положил на стол и говорит: «Любезнейший, ты почувствовал боль?». Тот в ответ: «Ни малейшей». Когда они так разговаривали друг с другом, в открытое окно влетел ворон, унес один глаз и склевал его. Врач, увидев это, пришел в великое смущение и сказал себе: «Если не вставлю ему глаза, как он вставил мне, навсегда стану ему слугой и помощником». Он поглядел вокруг и увидел козу. Тотчас догадливый врач вырезал у нее глаз и вставил вместо унесенного вороном. Когда таким образом он вставил оба глаза на свое место, сказал: «Любезнейший, восславь бога! Ну как?». Тот в ответ: «Аминь, говорю тебе, ты сделал все отлично; я не испытал боли, ни когда ты вынул мои глаза, ни когда вставил их обратно. Меня удивляет только, что один глаз у меня все норовит глядеть вверх, на макушки деревьев».

Люди, узнав о состязании этих врачей, равно одобрили обоих. А врачи с этого дня стали друзьями, поселились даже в одном доме и прожили вместе всю свою жизнь.

Петр Альфонса
«НАСТАВЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩЕМУСЯ»

I (III)

Сын говорит отцу: «Видел ли ты человека, имеющего бескорыстного друга?». Отец отвечает: «Не видел, но слышал о таком человеке». Сын: «Расскажи мне о нем на случай, если я заведу подобного друга».

Отец говорит: «Мне рассказывали о двух купцах; один жил в Египте, а другой в Балдахе.¹ Купцы знали один другого только понаслышке и через посредников, которых посылали по своим торговым надобностям. Однажды купец из Балдаха отправился по делам в Египет. Купец из Египта, услышав о приезде этого человека, встретил его, с радостью принял в своем доме и восемь дней, как это принято у друзей, всячески обхаживал и, между прочим, велел всем женщинам своего дома исполнять для него всевозможные песни.

По скончании восьми дней гость захворал, а сильно встревоженный этим хозяин призвал к своему другу всех египетских врачей, чтобы они осмотрели его. Врачи сосчитали пульс, несколько раз брали пробы мочи, но не нашли у гостя никакого недуга и сказали, что его стра-

дание любовного свойства. Услышав такое суждение, хозяин пошел к своему другу и спросил, нет ли в его доме женщины, в которую он был бы влюблен. На это больной ответил: «Покажи мне всех женщин своего дома и, если среди них увижу ее, я скажу тебе». Услышав это, хозяин привел гостя певиц и служанок, из которых ни одна не понравилась гостю. Потом хозяин привел ему всех своих дочерей. И их, как и прежде приведенных женщин, он решительно отверг и пренебрег ими. В доме жила еще одна благородная девушка, которую египетский купец уже давно взял на воспитание, чтобы впоследствии на ней жениться; ее он тоже привел своему другу. Больной, взглянув на девушку, сказал: „В ней моя смерть и в ней моя жизнь“.

Услышав эти слова, хозяин отдал в жены больному эту благородную девушку со всем добром, которое должен был за ней получить и что собирался ей дать, когда женится. Итак, получив жену вместе с приданым и закончив все дела, купец из Балдаха воротился на родину.

Вскоре египетский купец по разным причинам лишился своего достояния. Полностью обнищав, он решил, что пойдет в Балдах к своему другу, который там жил, чтобы искать у него поддержки. И вот, прикрытый лохмотьями и голодный, купец из Египта отправился в путь и пришел в Балдах глубокой ночью. Он не отважился сразу направиться в дом друга, чтобы, как незнакомого человека, его часом не отказались впустить в такую позднюю пору.

Поэтому египетский купец зашел переночевать в какую-то церковь. Когда в тревоге он обдумывал, как ему быть, увидел, что перед самым храмом один горожанин убил другого и скрылся. На шум сбежались люди, увидели убитого и в поисках преступника бросились в церковь, так как полагали, что он там. В церкви вошедшие обнаружили египетского купца и на свой вопрос, кто убил того человека, услышали от него: „Я убил его“. Ведь купец этот хотел ценою жизни избавиться от бедности. Тут его схватили и бросили в темницу.

Наутро египетского купца привели перед лицо судей, приговорили к смерти и повели на казнь. По обыкновению следом побежала толпа народу, а вместе с прочими и друг купца, ради встречи с которым он пришел в Балдах. Внимательно посмотрев на приговоренного к казни, он узнал своего друга, у которого остановился в Египте. Купец из Балдаха помнил гостеприимство, оказанное ему там, и понимал, что после смерти друга уже не сможет отплатить ему за добро, а потому решил принять вместо него смерть и громко закричал: „Зачем вы обвинили невинного? Куда вы его ведете? Он не заслуживает смерти, ибо убил того человека я“. Тогда стражники схватили купца из Балдаха и, связав, повели к кресту, а его друга освободили от смерти.

Между тем в толпе был настоящий убийца, который видел, что произошло. Он сказал себе: „Я убил того человека, а приговорен к смерти другой, и этого невинного ведут на муку, я же, хотя виновен, наслаждаюсь свободой. Как мо-

жет быть такая несправедливость, не ведаю. Разве что причина тому долготерпение божье. Бог — справедливый судья: он не оставляет безнаказанным ни одного преступления. Поэтому, чтобы бог потом не покарал меня тяжелее, я сознаюсь, что совершил это преступление, и так избавляю их обоих от смерти и сниму с себя грех за содеянное злодеяние“. Тут настоящий убийца отдал себя в руки судей, говоря: „Я, я повинен в убийстве, берите меня, а этого невиновного отпустите!“.

Немало дивясь, судьи связали его, а купца освободили. Но так как сомневались в правильности своего решения, отвели вместе с прочими, кто был ранее освобожден, к царю, рассказали ему все по порядку и самого царя привели этим в смущение. Однако, посоветовавшись с судьями, царь отверг вину, которую друзья на себя приняли, но при условии, что они назовут ему причину того, почему сознались в чужом преступлении. Друзья открыли ему правду. Тогда по единодушному решению все трое были отпущены, а египетского купца, который хотел добровольно принять смерть, судья привел к себе, принял его с подобающей честью и сказал: „Если тебе угодно остаться в моем доме, все у нас с тобой будет общим, а если захочешь вернуться на родину, мы поровну разделим все мое достояние“. Купец, привязанный к своей родной земле, взял половину имущества судьи и возвратился в Египет».

II (XI)

Передают, что один человек, отправляясь в чужие края, поручил свою жену теще. Жена полюбила другого и открылась в этом матери. Сочувствуя дочери, та решила помочь ее возлюбленному и пригласила его в дом. Когда все трое угощались, сидя за столом, вернулся муж и постучал в дверь. Вскочив, жена его спрятала возлюбленного и только тогда открыла хозяину. Он вошел и велел постелить себе постель, ибо устал и хотел лечь. Жена растерялась и не знала что делать. Видя это, мать ее говорит: «Не спеши, доченька, стелить постель, пока мы не показали твоему мужу простыню, которую выткали». Старуха вытащила простыню, подняла один ее край как могла выше, а второй дала держать дочери. И вот при помощи растянутой простыни они обманули мужа, ибо дружок его жены, который был спрятан, убежал. Тогда старуха сказала дочери: «Постели простыню, сделанную твоими и моими руками, на постель мужа». Зять говорит ей: «И ты, госпожа, умеешь делать такие вещи?». Она в ответ: «Множество раз, сын мой, я делала подобное».

На это ученик: «То, что я услышал, удивительно. Но мне бы хотелось, чтобы ты еще наставил меня, ибо чем более я узнаю о женском коварстве, тем вернее преуспею в том, чтобы уследить за своей женой». Наставник отвечает: «Расскажу тебе третью историю, и тогда довольно будет примеров тебе для поучения». Ученик: «Поступай как знаешь».

III (XII)

«Я слышал, — сказал учитель, — что один человек, прежде чем надолго отлучиться из дому, поручил свою жену заботам тещи. Жена же его тайно была влюблена в одного юношу, в чем сразу открылась своей матери. Та потворствовала этой любви, поставила угощение и приняла юношу. Когда все сидели за столом, вернулся хозяин и постучал в дверь. Жена вскочила, чтобы впустить мужа. Теща же оставалась сидеть с возлюбленным дочери, и так как в комнате некуда было его спрятать, сначала растерялась, не зная, как ей быть. Но пока дочь открывала мужу, старуха схватила обнаженный меч, подала его возлюбленному дочери и наказала ему стать с мечом в руках у входных дверей и, если зять что-нибудь ему скажет, ничего не отвечать. Он сделал, как она велела. Дверь была распахнута, и муж, увидев возлюбленного, оторопел и спросил: „Кто ты?“. Так как юноша молчал, муж еще больше оторопел. Тут старуха говорит из комнаты: „Милый мой зять, тише, молчи!“. Зять в крайнем удивлении спросил: „В чем дело, дорогая моя госпожа?“. Старуха говорит: „Милый сын мой, сюда пришло трое людей, которые преследовали этого человека, и мы позволили ему с обнаженным мечом вбежать в открытую дверь, переждать здесь, пока не уйдут люди, которые хотели его убить. Он же, подумав, что ты один из тех трех преследователей, со страху не мог ничего сказать“. Хозяин дома говорит: „Да воздастся тебе, госпожа, за то, что ты спасла от смерти этого человека“.

И, войдя в дом, позвал возлюбленного своей жены посидеть вместе с ним. Только к ночи, после приятной беседы, он отпустил наконец юношу домой».

Ученик: «Чудеса! Теперь я еще более дивлюсь женской самонадеянности и дерзости. Мне хочется, чтобы ты, если это тебя не очень обременит, еще порассказал о женском коварстве. Чем больше я услышу, тем большую благодарность ты заслужишь». На это наставник: «Неужели тебе мало трех историй, которые я тебе рассказал, и ты не даешь мне покоя?». Ученик: «Рассказав эти истории, ты указываешь, что их было три, но ведь все они короткие. Лучше поведай одну, но чтобы обилием слов она усладила мой слух, и тогда с меня будет довольно». Наставник: «Гляди, как бы с нами не случилось, как с царем и его рассказчиком». Ученик: «А что там было, дорогой наставник?».

IV (XIII)

Наставник: «У одного царя был человек, который всякий день рассказывал ему перед сном пять историй. Однажды, тревожимый какой-то заботой, царь не мог заснуть и потому пожелал на этот раз послушать не пять историй, как всегда, а более. Рассказчик сверх обычных пяти рассказал царю еще три коротенькие истории. Царь попросил его продолжать, а тот более не желал, ибо рассказал по просьбе царя и так уже

довольно. Тогда царь говорит: „Ты рассказал мне немало историй, но все коротенькие, а мне бы хотелось услышать от тебя что-нибудь подлиннее; тогда я отпущу тебя спать“. Рассказчик согласился и начал так: „У одного поселянина была тысяча солидов.¹ Он отправился на торг и купил две тысячи овец по шесть денариев² за голову. На обратном пути случилось сильное наводнение, поселянин не мог перебраться на тот берег ни вброд, ни по мосту и, озабоченный этим, бросился искать какую-нибудь лодку, на которой мог бы переправиться вместе с овцами. Наконец он нашел небольшую лодку, но был принужден перевозить зараз только двух овец“. На этих словах рассказчик заснул. Царь стал будить его, требуя, чтобы он закончил начатое повествование. Рассказчик на это: „Наводнение было большое, лодка маленькая, а овец тьма тьмущая. Поэтому, царь, сначала дозволь упомянутому поселянину переправить всех его овец, и тогда я закончу свою историю“. Таким образом рассказчик удовлетворил желание царя послушать длинную историю. Если ты будешь принуждать меня добавить к сказанному другие примеры, я попытаюсь освободиться, прибегнув к описанной выше уловке».

Ученик: «Древняя мудрость гласит: несравнима печаль наемного плакальщика и человека, отягченного собственным страданием. Тот рассказчик любил царя вовсе не так, как ты любишь меня. Порой он даже хотел лишить его своих историй, ты же меня, своего ученика, не хочешь. Поэтому, не гонясь за краткостью, подробно представь мне образчики женского коварства».

V (XIV)

Рассказывают, что у одного благородного человека была весьма целомудренная и красивая жена. Однажды, дабы усовершенствоваться в искусстве красноречия, он задумал отправиться в Рим. При своей жене человек этот не пожелал оставить иного сторожа, кроме нее самой, ибо полагался на нерушимую строгость ее нравов и твердые правила поведения. Когда все приготовления были закончены, муж уехал. Жена его не отступала от своей безукоризненной жизни и неизменного благоразумия.

Случилось однажды, что дама эта по какой-то необходимости зашла к соседке, а когда сделала, что ей было нужно, воротилась домой. Какой-то юноша, приметив ее на улице, вспыхнул к ней любовью и множество раз посылал к этой даме послов, домогаясь благосклонности той, которую так пламенно любил. Но она всех их гнала от себя и отвергала предложения юноши. Видя, что дама не обращает на него внимания, он до того печалился, что заболел тяжелым недугом. Часто юноша ходил к тому дому, из которого вышла его возлюбленная, когда он ее увидел, чтобы вновь ее встретить. Но этого ему ни разу не удалось.

Как-то раз, когда юноша шел, плача от горя, навстречу ему попалась набожного вида старуха, которая спросила о причине, заставившей его так убиваться. Но юноша, поглощенный раздумьями, не хотел открывать своей заботы. Старуха ему: «Чем долее больной будет таить свой недуг от врача, тем сильнее будет от него страдать». Услышав эти слова, юноша рассказал по

порядку, что с ним случилось, и открыл свою тайну. Старуха в ответ: «От того, о чем ты только что рассказал, я с божьей помощью найду лекарство», и, оставив молодого человека, пошла домой. Собачонку, которая у нее была, старуха два дня совсем не кормила, а на третий, когда та оголодала, дала ей хлеба с горчицей. Когда собачонка поела этого хлеба, глаза у нее от горечи стали слезиться.

Тут старуха поспешила к дому той целомудренной дамы, в которую был влюблен вышеупомянутый юноша. Из-за личины набожности, которую она всегда носила, старуха была с уважением принята. За ней следовала ее собачонка. Когда дама заметила, что собачонка эта плачет, спросила, что с ней приключилось и почему на глазах у нее слезы. Старуха на это: «Любезнейший друг мой, не спрашивай, ибо несчастье столь велико, что язык не поворачивается о нем говорить». Тогда дама стала еще сильнее настаивать, чтобы старуха рассказала ей все. Та говорит: «Собачонка, которую ты видишь перед собой, была некогда моей дочерью, очень целомудренной и строгих нравов. Ее полюбил один юноша, но дочь моя была столь неприступна, что совершенно презрела и отвергла его любовь. Юноша из-за этого так убивался, что опасно заболел. За такую ее вину перед юношей вышеупомянутая дочь моя жалким образом была претворена в эту вот собачонку». Поведав эту историю, старуха заплакала от горя.

Тогда дама говорит: «Что же мне, дорогая моя госпожа, что же мне, я спрашиваю, делать, коли и я повинна в таком же грехе? Ведь

и меня любит юноша, но я отвергла его из-за своей любви к чистоте; с ним же от этого приключилось то же самое». Старуха говорит ей: «Советую тебе, моя дорогая, как можно скорее над ним сжалиться и сделать то, о чем он просит, чтобы, подобно моей дочери, не оборотиться собачонкой. Знай я о любви упомянутого юноши к моей дочери, с ней бы никогда не случилось этой беды». Целомудренная дама говорит в ответ: «Заклинаю тебя дать мне добрый совет, чтобы мне сохранить свой нынешний облик и не превратиться в собачонку». Старуха в ответ: «Охотно ради любви моей к господу и ради успокоения души, а также потому, что жалею тебя, я буду искать упомянутого юношу и, если найду, представлю тебе». Дама ее поблагодарила. Так ловко старуха исполнила свое обещание и, как посулила, привела юношу и при помощи хитрости сумела свести молодых людей.

Ученик говорит наставнику: «Никогда мне не случалось слышать более чудесной истории. Я думаю, что все это козни дьявола». Наставник: «Разумеется». Ученик: «Я надеюсь, что если б кто-нибудь был весьма мудр и постоянно опасался женских хитростей, быть может, смог бы оберечься от них». Наставник: «Я слышал о человеке, который очень старался следить за своей женой, но не уследил». Ученик говорит наставнику: «Расскажи о нем, чтобы я мог вернее уберечь свою жену, если надумаю жениться».

VI (XV)

Один юноша все свое внимание, все свои помыслы и все свое время отдавал тому, чтобы изучить женский нрав и тогда только жениться. Прежде всего он решил пойти за советом к самому прославленному в тамошних местах мудрецу и спросить, как надлежит ему охранять свою будущую жену. Выслушав юношу, мудрый человек подал совет построить дом с высокими каменными стенами, заключить в нем жену, снабдив ее необходимыми припасами и не слишком большим количеством нарядов, сделать в доме одну дверь и одно окно, которое давало бы свет, но было бы столь высоко, чтобы через него нельзя было ни войти в дом, ни выйти из него. Получив совет мудреца, юноша поступил в согласии с ним. По утрам, выходя из дому, он замыкал дверь и таким же образом поступал, возвратившись, а перед сном клаал ключ от дома под подушку. Это продолжалось долгое время.

В один прекрасный день, когда юноша ушел из дому, жена его по своему обычаю подошла к окну и разглядывала идущих мимо прохожих. Стоя так у окна, она увидела какого-то молодого человека, отлично сложенного и красивого лицом. Едва женщина на него взглянула, как тотчас влюбилась. И хотя, как сказано выше, она жила под бдительной охраной, все же стала обдумывать, как и каким образом встретиться с полюбившимся молодым человеком. Смышленная и полная коварства, женщина эта решила выкрасть ключ из-под подушки спящего мужа. Так она и сделала. Всякую ночь теперь она уго-

щала мужа вином, чтобы беспрепятственно выходить на свидание к своему дружку и делать то, что она хотела.

Однако муж ее, наученный мудрецом видеть коварство в любом поступке женщины, стал раздумывать, чего добивается его жена, когда всякую ночь угощает его вином. Чтобы понять это, он притворился, будто захмелел. Не догадываясь о хитрости мужа, женщина встала ночью с постели, пошла к дверям и, открыв их, вышла к своему дружку. Между тем муж ее в ночной тишине осторожно встал, подошел к двери и, обнаружив, что она открыта, поспешно запер ее. Затем подошел к окну и простоял там, пока не увидел, как жена его в одной сорочке возвращается домой. Подойдя к дверям, она постучала. Муж, хотя прекрасно слышал стук и видел свою жену, словно ничего не зная, спросил, кто там. Жена просила прощения и пообещала никогда более не делать ничего подобного, но напрасно. Рассерженный муж сказал, что не впустит ее, но расскажет ее родителям, как ведет себя их дочь.

Женщина под дверями плакала все горше и горше, сказала, что, если он ей не отомкнет, бросится в колодец у дома и так окончит свою жизнь, а он ответит за ее смерть перед родичами и друзьями. Муж не придавал значения угрозам и не впустил жену домой. Она же, исполненная коварства и хитрости, схватила камень и бросила в колодец, чтобы муж ее, услышав всплеск воды, подумал, будто она привела свою угрозу в исполнение. После этого женщина спряталась за стенку колодца; муж ее, человек

простой и недалекий, услышав звук упавшего в воду камня и решив, что жена бросилась в колодезь, выскочил из дома и побежал к колодцу. Женщина увидела, что дверь отперта, по присущему ей коварству вошла в дом, замкнула за собой дверь и встала у окна. Муж понял, что обманут, и вскричал: «О, коварная женщина, исполненная дьявольского искуссгва,пусти меня и верь, что я прошу тебе все». Она же, словом и делом возбраняя ему войти, несмотря на все его обещания, говорит: «Обманщик! Я расскажу твоим родителям, какой ты верный и хороший муж, что еженощно оставляешь меня и тайком бегаешь к продажным женщинам». Так она и поступила. Родители его, узнав обо всем и всему поверив, напали на сына. И так эта женщина, оправдавшись благодаря своей хитрости, переложила позор, который заслужила, на голову своего мужа, а он не только ничего не добился, строго охраняя свою жену, а, напротив, проиграл на этом. Кончилась эта плачевная история всеобщей уверенностью в том, что муж наказан по заслугам. А он ведь потерял множество благ, лишился почестей, запятнал свое доброе имя и вдобавок из-за жениного злоречия понес наказание за супружескую измену.

Ученик: «Никому невозможно уберечься от женского коварства; разве только его оборонит господь. Эта история — предупреждение мне не вводить в свой дом жены». Учитель: «Не думай, что все женщины таковы. Бывают чистые и добродетельные. Знай, что в доброй женщине ты можешь найти добрую подругу. Добрая жен-

щина — надежный страж дома. Соломон в конце книги Притчей¹ двадцать два стиха посвящает хвале женскому добросравию». На это ученик: «Ты меня утешил. Но слышал ли ты когда-нибудь о женщине, которая обращала бы свой ум и сообразительность на благие дела?». Учитель: «Да, ученик». «Расскажи мне о такой женщине; ибо я не слышал подобного».

▼II (XVIII)

Передают, что у некоего богача, направлявшегося в город, был с собой мешочек с тысячей талантов, а поверх них лежала из чистого золота змея с глазами-аметистами. Все это богач потерял дорогой, а какой-то бедняк, проходивший вслед за ним, нашел и отдал своей жене, рассказав ей, как все к нему попало. Выслушав мужа, она сказала: «Будем беречь, что нам послал бог». На следующий день глашатай так объявлял на большой дороге: «Нашедший мешочек с деньгами пусть возвратит свою находку и тогда получит от того, кто его потерял, сто талантов». Услышав объявление, бедняк, нашедший деньги, сказал жене: «Давай вернем тот мешочек и, не беря греха на душу, получим сто талантов». Жена в ответ: «Если б богу было угодно, чтобы тот человек владел своими деньгами, он не потерял бы их. Давай беречь, что послал нам бог».

Но муж упорно добивался того, чтобы вер-

нуть деньги; жена же ни за что не соглашалась. Наконец муж — хотела того его жена или не хотела — возвратил находку и попросил обещанной глашатаем награды. Но богач, человек дурной, сказал: «В мешочке было две змеи». Богач это выдумал, чтобы не дать бедняку обещанные сто талантов. Бедняк утверждал, что ничего больше не было. Горожане, будучи на стороне богача, не верили бедняку и из зависти к его удаче потребовали его в суд. Бедняк же, как сказано выше, клялся, что ничего больше не нашел.

Пока бедный и богатый так между собой препирались, дело через его слуг дошло до ушей царя, и, услышав о споре, он велел привести к нему того и другого, а также представить и мешочек с деньгами. Когда приказание было исполнено, царь позвал к себе вместе с прочими мудрецами также мудреца по имени Помощник страждущих и велел им рассудить истца и ответчика. Мудрец из сострадания к бедняку сказал ему: «С божьей помощью я попробую добиться твоего оправдания». Бедняк в ответ: «Богу ведомо, я отдал все, что нашел». Тогда мудрец сказал царю: «Если вам угодно услышать нелюбезное решение, я скажу». Царь попросил его вынести решение. Тогда мудрец сказал: «Богач — человек вполне достойный, и невозможно поверить, чтобы он требовал то, чего не потерял. С другой стороны, мне кажется, что бедняк не нашел большего, чем возвратил. Будь он нечестным человеком, вовсе утаил бы свою находку». Тогда царь спросил: «Каков же будет твой приго-

вор?». Мудрец: «Царь, возьми этот мешочек и отсчитай бедняку сто талантов, а остальные сохрани, пока не объявится владелец, ибо здесь его нет. Богач же пусть пойдет к глашатаям и заявит о потере мешочка с двумя змеями». Такое решение понравилось царю и всем, кто его окружал. Богач же, который потерял свой мешочек, услышав решение, сказал: «Добрый царь, скажу тебе истинную правду — мешочек этот мой, но, так как я не хотел отдать бедняку объявленной глашатаем награды, я сказал, что не хватает одной змеи. Смиловись надо мною, царь, и я отдам бедняку обещанные глашатаем деньги». Царь тогда вернул богачу его мешочек, а тот отдал бедняку награду. Так благодаря мудрости и находчивости судьи бедняк был оправдан.

Ученик: «Всему причиной догадливость мудреца. Неудивительной теперь покажется история двух женщин, которых рассудил Соломон».² Мудрец говорит: «Не бери себе спутника, которого прежде не знал. Если какой-нибудь незнакомый человек присоединится к тебе на дороге и станет расспрашивать, куда ты держишь путь, скажи, что путь твой длиннее, чем каков он в действительности; если у незнакомца копье, иди с его правого бока, если меч — с левого».

Араб наставлял своего сына, говоря: «Иди по большой дороге, хотя так было бы дальше, чем тропкой. Бери в жены девушку, даже если она стара. И еще: носи свой товар в большие города, хотя и думая, что там продашь его дешевле». На это сын: «Справедливо то, что ты сказал про большие дороги».

VIII (XX)

Такая история рассказывается о двух горожанах и поселянине, отправившихся в Мекку: все трое, пока не подошли к Мекке, были добрыми товарищами и совместно ели. Там у них вышли все запасы, так что не осталось ничего, кроме горсти муки, из которой мог выйти только маленький хлебец. Горожане, увидев это, сказали один другому: «У нас один маленький хлебец, а наш спутник много ест. Поэтому надо решить, какую выделить ему долю; то же, что полагается нам, съедим сами». Затем они надумали замесить тесто и испечь хлеб, а пока он будет готов, лечь спать, и тот, кому приснится самый чудный сон, получит весь хлеб. Это горожане придумали нарочно, так как считали, что легко обманут деревенского простака, чтобы ему не досталось хлеба.

И вот они замесили хлеб и поставили его печься; затем легли спать. А поселянин, разгадав хитрость своих спутников, снял с огня, пока они спали, полусырой хлеб, съел его и опять лег. Один из горожан сделал вид, что проснулся, пораженный привидившимся ему сном, и окликнул своего товарища. Тогда тот говорит: «В чем дело?». Товарищ в ответ: «Я видел чудесный сон. Мне пригрезилось, будто два ангела открыли небесные врата и, взяв меня с собой, подвели к божьему престолу». Товарищ его говорит: «Воистину, дивный сон! А мне привиделось, что двое ангелов повели меня, земля перед нами расселась, и я очутился в преисподней». Поселянин все это слышал, но

притворился спящим. Обманутые же обманщики стали окликать своего спутника, как если бы он действительно спал. А он, точно в испуге, громко закричал: «Кто меня зовет?». Они говорят: «Твои спутники». Тогда поселянин сказал им: «Вы уже воротились?». Они спрашивают «Куда, интересно, мы ходили, что должны были воротиться?». На это поселянин: «Я видел, будто два ангела взяли одного из вас, открыли небесные врата и подвели его к божьему престолу. Затем два других ангела взяли второго — земля под их ногами расслась — и повели в преисподнюю. Увидев это, я подумал, что ни один из вас больше не вернется, встал и съел хлеб».

«О, сын! Так бывает с теми, кто пытается обмануть своего товарища, ибо становится жертвой собственной хитрости». На это сын: «Так случается согласно притче, где сказано: „Кто хочет всего, все теряет“. Такова природа собаки, которой уподобляют себя люди, когда один старается вырвать кусок у другого. Но если б они подражали верблюду, следовали бы животному более мягкого нрава, ибо природа верблюда такова: когда кормят одновременно нескольких верблюдов, ни один не принимается есть, пока не начнут есть все. Если верблюд так ослабнет, что не может есть, прочие тоже будут поститься, пока он не оправится. Поскольку уж эти горожане пожелали уподобиться животным, им следовало бы взять за образец более кротких. Горожане вполне заслуженно лишились хлеба. Я бы желал, чтобы с ними случилось то же, что, по словам моего учителя,

было с царским портным и его учеником Недуи, по вине которого его побили».

Отец на это: «Скажи мне, сын, что ты слышал? Что произошло с учеником? Такой рассказ возвеселит мне душу».

IX (XXI)

Мой наставник рассказал мне, что у одного царя был портной, кроивший ему платье для различных надобностей. С портным работали подмастерья, из которых каждый умел ловко сшивать то, что их мастер, царский портной, искусно раскроит. Среди подмастерьев один по имени Недуи превосходил своих товарищей в мастерстве.

При приближении какого-то праздника царь позвал своего портного и велел сделать для него, царицы и детей парадное платье. Чтобы оно было скоро и в срок готово, царь приставил к портным евнуха из своих слуг, который обычно занимался этим, надсматривать за ними, следить за их руками,¹ а также в досталь снабжать всем необходимым. Однажды слуги подали портному и подмастерьям, кроме иных кушаний, еще меду и теплого хлеба. Все, кто был на месте, принялись есть. Тут евнух сказал: «Почему вы едите, не дожидаясь Недуи?». Мастер ответил: «Потому, что он не стал бы есть меда, когда бы и был тут». И все продол-

жали есть. Затем пришел Недуи и говорит: «Почему вы не подождали меня и не оставили мне моей доли?». Евнух отвечает на это: «Твой мастер сказал, что будь ты тут, все равно не стал бы есть меда».

Подмастерье промолчал, но стал раздумывать, чем бы отплатить за это мастеру. И вот что он сделал. В отсутствие мастера Недуи тихонько сказал евноху: «Господин! Мой учитель страдает душевной болезнью, и, случается, теряет рассудок и тогда без разбора бьет и даже убивает всех, кто попадется ему под руку». Евнух ему: «Знай я, когда это на него накалывает, я бы связал его ремнями, чтобы он не наделал бед». На это Недуи: «Когда заметишь, что мастер озирается по сторонам, кулаками барабанит по земле, вскакивает с места и поднимает скамью, на которой сидит, знай, что он не в себе, и если не примешь мер, он дубинкой проломит голову тебе и твоим слугам». Евнух на это: «Будь благословен! Теперь я смогу оберечь себя и своих людей». На следующий день Недуи незаметно утащил ножницы мастера. Тот, ища и не находя их, стал барабанить кулаками по земле, озирался по сторонам, вскочил с места и поднял скамью, на которой сидел. Видя это, евнох сразу же кликнул своих слуг и велел связать портного, чтобы он никому не причинил вреда, и примерно его высечь. Портной же кричал: «Что худого я сделал? За что вы меня так жестоко бьете?». А слуги молчали, но били еще пуще. Портной не испустил духа только потому, что слуги устали его бить. Спустия много времени, придя

в себя, мастер спросил евнуха, в чем он провинился. Евнух ответил: «Твой подмастерье Недуи сказал мне, что ты подвержен припадкам безумия и успокаиваешься, только если тебя связать и побить. Потому я так и поступил». Услышав это, портной позвал своего подмастерья Недуи и говорит: «Друг мой, с чего ты взял, что я не в своем уме?». Подмастерье в ответ: «А ты с чего взял, что я не ем меду?». Слыша это, евнух и все остальные громко расхохотались и порешили, что оба наказаны по заслугам. Отец сказал на это: «Мастер получил свое по справедливости, ибо, если б следовал заповеди Моисея любить брата своего как самого себя, ничего бы с ним не случилось».²

Однажды отец наставлял сына своего так: «Смотри, не взваливай преступления на своего товарища, раба или свободного, дабы с тобой не было бы, как с двумя шутами, пришедшими к царю». На это сын: «Прошу тебя, отец, расскажи про это». Отец: «Хорошо».

X (XXX)

Рассказывают, что господин в отличном расположении духа, возвращаясь домой из чужих краев, так как дела его сложились удачно и он получил немалые барыши, повстречал слугу своего Маймунда. Только завидев его, госпо-

дин испугался, как бы Маймунд не сообщил ему, по своему обыкновению, неприятных новостей, и говорит: «Смотри, не рассказывай мне ничего неприятного». Слуга: «Я и не собираюсь, господин. Только вот сдохла наша маленькая собачка Пипелла». Господин ему: «Отчего?». Слуга в ответ: «Наш мул испугался, порвал свою привязь и, бросившись бежать, раздавил ее». Господин: «А что случилось с мулом?». Слуга: «Он провалился в яму и сломал себе шею». Господин: «Что же так напугало мула?». Слуга: «Наш молодой хозяин упал с крыши и разбился насмерть; это напугало мула». Хозяин: «А как его мать?». Слуга: «Она с горя по сыну умерла». Господин: «Кто же приглядывает за домом?». Слуга: «Никто, ибо дом со всем, что там было, сгорел дотла». Господин: «Как это случилось?». Слуга: «В ту ночь, когда скончалась госпожа, служанка, которая сидела в ее спальне, забыла там свечу, и от этого случился пожар». Господин: «А где служанка?». Слуга: «Когда она пыталась потушить пожар, на голову ей рухнуло бревно и убило ее». Господин: «Как же тебе, такому медлительному, удалось спастись?». Слуга: «Когда я увидел, что служанка умерла, я сразу убежал».

Господин в великой печали пошел к соседям, чтобы кто-нибудь приютил его у себя. Тут навстречу ему попался друг, который, видя его в такой горе, спросил, что случилось. Господин повторил все, что услышал от слуги. В утешенье пострадавшему друг сказал: «Не горюй—на людей постоянно обрушиваются такие ужасные беды, что они готовы, лишь бы из-

быть их, пойти даже, что недостойно христианина, на самоубийство». Слова эти оказались столь целительными, что несчастному было даже приятно вспоминать о перенесенных потерях. При великом разнообразии наших провинностей такая непрочность судьбы человеческой зависит от воли всевышнего, и это подтверждает пример пророка Иова,¹ чей дух не сломила потеря всего, чем он владел. Ты же слышал, что сказал мудрец: «Кто владеет в веке сем, где все непрочно, чем-нибудь прочным?».

«РИМСКИЕ ДЕЯНИЯ»
В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ XVII в.

I (2)

**Приклад сиречь бытия о хитрости
диавольстей, яко судьбы божия
неиспытаны и скрыты суть**

Бе некий пустынный живяше в пещере, а во дни и в нощи моляшеся господу богу; и пред тоу пещерою некоторый пастырь пасоша овцы, и прилучися в некоторый день, что пастырь той уснул и в то время прииде некто тать и покрадша у него овцы все.

Тогда господин овец тех прииде и вопрошиша того пастыря о своих овцах, где их погубиша. Пастырь же той поведаша ему: «Яко погубиша, а не вем, каким обычаем».

Слышавше же то господин разгневался на него и убиша его. Видевше же то пустынный помышляше в сердцы своем, глаголя: «Боже милостив, той человек дал вину пастырю невинному и убиша его, а коли уже допускаеши гакový суд на неповиннаго, то и аз пойду из пустыни сея и буду жить как и протчие люди», и изшед из пустыни.

Всемогущий господь бог, хотя ему показати, дивность судеб своих объявити, посла к нему ангела своего во образе человеке. Тогда ангел прилучися ему на пути и рече ему: «Наимилейший, до коих мест идеши?». Отповев ему пустынный: «До того града, которой есть пред нами». И рече ему ангел: «Аз хошу тебе спутник быти, яко ангел божий есть приидох к тебе, да провожю тя тамо».

И тако пойдоша до места. И приидоша в дом некоего рыцаря; рыцарь же у той прияша их честно и даша им ясти и пити. А тот рыцарь имел у себя единого сына еще в пеленах и велми любляше его. Егда же было по вечери, даде им комору ко опочиванию. Тогда ангел, в полночь воставше, и удавил дитя оного господина.

Видев же то пустынный мыслил сам себе: «Есть ли бы то был ангел божий, не бы тако сотворил — тот добрый рыцарь даша ему вся потребная; а не имеша у себя детей, кроме того единого дитяти, а он удавил». А всяко тои пустынный мыслил сам в себе, а не смел ему ничего рещи и рано вставше ударивше челом, и пойдоша до иного места и внидоша в дом некоего мещанина, которой их так же приял честно, въдячне и вся потребная даша им.

Той мещанин имел у себя кубок злат, из него же пил. Ангел воста в полночь и украл он кубок. Видев же то, пустынный оно мыслил себе: «Воистину то злой дух имать быти — сей мещанин все нам добре учинил, а он у него кубок украл». А всяко не смел ему рещи. И воставше рано и идоша в путь и пришедше до некоей реки, чрез нея же мост бяше.

И как взошли на мост, и ту сретоша их некто убогий человек; ему же ангел рекл: «Брате милый, укажи нам путь онаго града». И как той убогии, стоя на мосту, дорогу им указывал, тогда ангел, ухвативше его, врютил под мост и утопиша. Видевше то пустынник мыслиа в сердцы своем: «Ныне разех разумех, яко той есть злый дух, не добрый ангел божий; и что ему учинил сей убогий человек и что и за что его утопил!».

И от того времени нача пустынник мыслити, как бы от него отлучитися, а всяко ему не смел ничесо же рещи. Потом тако же в вечер пришли до места, в дом некоторого богатаго приишши, и просиша у него наслегу дать, и он избрани их и не восхотеша им наслегу дать.

И рече ему ангел: «Просим у тебя для бога даси нам во своем дому и где будет пригоже перночевать». Рече же им богатый: «Во хлев имам, есть ли хочете и вы начуйте в нем, а будет не восхоцете в хлеве спати, и вы идите прочь; иного места вам не дам». Они же шедше во оный хлев и сташа ту и спаша; а на утрии возва ангел господина дому и добрый и добыл оный кубок, которой украл. Рече ему: «Милый господине, за то добродейство твое, которое учинил еси нам, даю тебе сей кубок».^а Видев же то, пустынник мыслиа в себе: «Ныне право вем, что то злый есть дух, зане у человека добраго украл кубок сей и отдал его сему злому человеку ни за что, которой нас и в дом свой

---

^а В тексте ошибочно «клобук».

не хотел пустить». И рече пустынный ангелови: «Не хошу дале сего ходити с тобою; ведай се бе подлинно, имей се добре». Рече ему ангел: «Послушай мя — нечто ти повем и потом отлучися от мене».

И начат ему ангел поведати приличных оных учинков его, глаголя: «Как ты был в пустыни, оный господин овец оных убиша неповиннаго онаго пастыря, понеже той пастырь некогда смерть было заслужил и всегда без греха не был яж до того времени, до своей смерти; и того ради посла господь бог на него некого таковую смерть, чтобы он для своего согрешения по смерти убежал муки вечныя, котораго греха себя допустил и о том своем прегрешении никогда покаяния не принес. А оный злодей, которой у него овцы покрал, за то будет потоплен, а господин тех овец, которой пастыря убил, полепши своего живота чрез милосердия учинки, что учинил недоведовшися первое.

Потом аз убил сына у котораго онаго рыцаря, которой нас принял честно, сего ради как то дитя у него не родилося и тот рыцарь великую милостину творил, а как ему то дитя родилося, и он стал велми скуп велможею и паном, чтоб сына своего обогатил; и тогда бы он погибоша в муку вечную, и для того аз у онаго рыцаря сына удавил, да на прежние добродетели возвратится.

Потом украл есми кубок у онаго мещанина, которой нас принял честно, сего ради, покамест у него того кубка не было, и он был во всем трезв человек таков, что во всем граде трезвее

его не было, а как тот кубок зделал, и он так того кубка любил, что на всяк день из него напивался допьяна И как я у него тот кубок украл, и он паки начат быть трезв, как и прежде был.

Потом утопил есми оного убогаго для того, что тот убогий человек был добрый христианин, а как бы он отшел от того мосту по третьей версты с полмили, и он бы убил друзей греху смертному и как бы они оба погибли. А ныне он от сего спасен есть.

Потом он кубок, которой украл есми у онаго мещанина, отдал есми тому злому богатому, которой нам наслегу дать не хотел, для того всякое доброе дело без заплаты не бывает или тамо на оном веце или zde. И я за то его доброе дело дал ему кубок тот, хотя он нас и нечестием принял, чтобы он на оном веце заплаты не принял вечно. Сего дея глаголю ти: „Постав стража устом твоим, а против господа бога не глаголи, не шермай: он бо вся испытует, и судьбы его вся скрыты, и тайны его не явимы“».

Слышав же сия пустынный он, падше под ногами ангела и нача поведати своя согрешения и потом паки возвратился в пустыню и служил господу богу без престани и от сего мира преиде в вечную жизнь.

II(32)

**Приклад, чтобы пометствовали добродетельства,
нам учиненыи**

Бе некий славный рыцарь, которой охочь был на лов ездить. И в некоторой день выехал на лов, и тамо ему забежав лев, припадая, хромлет ногою и показуя ему ногу свою. Тогда он рыцарь, сседши с коня, и вынял ему тернь из ноги его и мастию приложил. И тако лев был здрав.

Потом же король был на лове в том же лесу и уловил онаго лва и ховал его многия лета [берег или соблюдал].⁶ Оный рыцарь приступил пред королем тем. Тогда король разгневался и повеле его поймать и дал на него сказание, сиречь вину, чтобы он бы отдан лву на снедение. И велел, чтобы тому лву ничего есть не давали, дабы от того рыцаря, немилостивно разорвавши, пожерл.

Тогда тот рыцарь, так будет пуцон ко лву, вельми убоялся, ждучи години, будет разорван ото лва. Лев же, хотя и гладен, смотрил прилежно на него и как его познал, тогда нача, около его ходя, радоватися и лобызати. И был там без яди сем дней. Услышавше то, король дивился тому и велел того рыцаря, выняв из рова, и спросил его: «Повеждь ми, для чего тебя лев не мог повредить?». Отповедал ему рыцарь: «Ездил есмь в некоторое время на лов и по прилучаю встретил есми сего лва хрома и аз,

---

⁶ Видимо, попавшее в текст пояснение.

Дополнения

сшедши с коня, выняв ему тернь из ноги его и рану ему уздоровив, и мню, что для того не повредил мене лев помнячи добродейство мое».

Река ему король: «Коли уже тебя лев не повредил, и аз тебе оставляю хрех твой, а отныне буди добр».

Тогда он рыцарь, ударя челом королю, полепшил живота своего получит и смиритца, и жил хвалебно, славно и милостивно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. В. Полякова

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛАТИНСКОЙ НОВЕЛЛЫ XIII в.

Среди латинских памятников повествовательной прозы XIII в. сборник новелл «Римские деяния», составляющий основу этой книги, занимает центральное место, по существу покрывая для нас понятие беллетристической прозы этой эпохи. Литературная слава «Римских деяний» шагнула далеко за границы породившего их времени, и они прочно вошли в культурный обиход позднейшего. Можно смело сказать, что эта книга, впервые появляющаяся в переводе на современный русский язык, стала одной из самых любимых и многочитаемых книг человечества. В смысле популярности с ней могут поспорить лишь Библия, «Физиолог» или «1001 ночь». Трудно переоценить и влияние «Римских деяний» на средневековую и ренессансную литературу Западной и Восточной Европы. Достаточно напомнить, что такие писатели, как Боккаччо, Чосер, Шекспир, Шиллер, заимствовали сюжеты из «Римских деяний», а переписывание этого сборника — знаменательный факт — не прекратилось даже после распространения книгопечатания. Успех, выпавший на долю этой книги, был действительно редким.

«Римские деяния» были в такой мере любимы, что даже сейчас, после всех войн и стихийных бедствий, ко-

Приложения

торже не миновали и книгохранилища, известно до 150 списков. По догутенберговским масштабам это огромный «тираж»! Несомненно, что выявлены еще далеко не все рукописи и число их будет расти. Все списки сборника отличаются друг от друга не только отбором историй, их количеством и порядком следования, но и редакцией. Двух в точности совпадающих рецензий среди 150 не существует, и варианты одинаковых по сюжету историй подчас сильно уклоняются один от другого, как в этом можно убедиться, сравнив совпадающие по сюжету новеллы в старейшей инсбрукской рукописи (1342 г.) и старопечатном немецком издании «Римских деяний», с которого сделан настоящий перевод. В «Дополнении» с этой целью приведены новеллы 1*, 2* и 3* из инсбрукской рукописи, являющиеся параллелями к новеллам 58, 9 и 34 старопечатного текста.

Печатание «Римских деяний» началось с 70-х годов XV в. и продолжалось вплоть до XVIII столетия. Постепенно книга разрасталась, и если в старейшем утрехтском издании (около 1472 г.) насчитывалась 151 история, то уже в самое ближайшее время число их дошло до 181. В таком объеме «Римские деяния» печатались в разных странах бесчисленное количество раз.

Наиболее полная рецензия этого сборника появилась в конце XIX в. Немецкий медиевист Остерлей опубликовал старопечатный текст по утрехтскому и расширенному кельнскому изданиям с прибавлением частью печатных, частью сохранившихся в рукописной форме историй, увеличив их количество до 283 номеров. Вскоре за книгой Остерлея последовала публикация Дяком старейшей инсбрукской рукописи «Римских деяний», включающей 220 номеров.

За первыми печатными публикациями оригинального текста в Западной Европе появились переводы «Римских деяний» на национальные языки. Несколько позднее сборник распространился и в странах Восточной Европы, в Чехии и в Польше. Русские читатели впервые познакомились с «Римскими деяниями» при посредстве печатного польского перевода сборника «*Historye Rzyskie*», представлявшего собою извлечение из латинского оригинала.

Однако отдельные вещи, входившие в «Римские деяния», были известны на Руси до проникновения на русскую почву упомянутого польского перевода, например «История Аполлония Тирского», повествования об Алексии, человеке божьем, об Евстафии Плакиде, папе Григории и некоторые другие. В XVII в. «з друкованой новой польской книжицы», как сказано в одном из русских списков «Римских деяний», был сделан старорусский перевод. Этот перевод оказался весьма продуктивным и воздействовал на многие памятники русской письменности.

Первоначальное ядро «Римских деяний» — отсюда и заглавие сборника — составлял по преимуществу анекдотический материал, заимствованный из позднеримских писателей. В дальнейшем, когда «Римские деяния» стали обогащаться за счет других источников, далеких от римского культурного круга, истории иной генеалогии тем не менее — из потребности к унификации и целостности — прикреплялись к римскому времени. Для этого компилятор представлял события случившимися в правление римских или считаемых им римскими императоров. Истории в «Римских деяниях» было вследствие этого гораздо меньше, чем можно заключить из их наименования. Процесс оттеснения римского материала начался очень скоро после возникновения сборника и

шел за счет введения парабол, восточных сказок, средневековых легенд и рассказов. Восточный материал компилятор брал в значительной мере из знаменитого сборника XII в. «Наставление учащемуся» («Disciplina clericalis») Петра Альфонса (1062—1110 гг.), из которого заимствовано около 15 номеров, и в их числе такие блистательные, как история о хитрой старухе и плачущей собачке (новелла 13), о магическом зеркале (45), о клирике, попавшем в подземный дворец (50), или о жене, ловко обманувшей доверчивого мужа (61).

Автор «Наставления» Моисей Сефарди, испанский еврей и известный врач, по принятии крещения пожелавший назвать себя Петром (он крестился в день св. Петра), а в честь своего покровителя и восприемника от купели испанского короля Альфонса VI присоединивший его имя к своему. Это второе имя — нечто вроде патронимика, родительный падеж которого признательно указывает на то, что Петр-Моисей — духовный сын короля Альфонса. Итак, Петр Альфонса поставил себе целью познакомить Запад с индийско-арабской дидактической и повествовательной прозой. Новеллы сборника на восточный лад вправлены в такую сюжетную рамку: отец наставляет своего сына, собирающегося начать самостоятельную жизнь; нравственные и религиозные правила, которые он внушает сыну, иллюстрируются притчами, новеллами, баснями и т. д.

Компилятор «Римских деяний» подчас очень близко следует «Наставлению» Петра Альфонса. Посмотрим, например, на следующие случаи:

«Римские деяния»

Новелла 76

Дражайший друг, в этой девушке для меня смерть и жизнь.

Среди прочих любопытных, бежавших следом, оказался и его друг, к которому рыцарь пришел <...> Истинный <убийца> подумал: «Если я, виновник убийства, допущу, чтобы невинные эти люди были казнены, бог, конечно, когда-нибудь покарает меня; лучше на земле принять скоротечное страдание, чем во веки веков терпеть муки в аду».

«Наставление»

Петра Альфонса

Наставление I

Больной, взглянув на девушку, сказал: «В ней моя смерть и в ней моя жизнь».

Между тем в толпе был и настоящий убийца, который видел, что произошло. Он сказал себе: «Я убил того человека, а приговорен к смерти другой, и этого невинного ведут на муку, я же, хотя виновен, наслаждаюсь свободой. Как может быть такая несправедливость, не ведаю. Разве что причиной тому долготерпение божье. Бог — справедливый судья: он не оставляет безнаказанным ни одного преступления. Поэтому, чтобы бог потом не покарал меня тяжелее, я сознаюсь, что совершил это преступление, и так избавлю их обоих от смерти и сниму с себя грех за содеянное злодеяние».

Новелла 13

...он сказал жене: «Я никому не поручаю надзирать за тобой, ибо уверен, что ты в этом не нуждаешься».

Но ее успел заметить некий юноша, который в нее страстно влюбился и без конца засылал к ней послов, прося, чтобы дама ответила на его горячую любовь».

Несмотря на эту близость, «Поучения» и «Римские деяния» отличаются друг от друга своим стилистическим обликом. Преодоление манеры, в которой выдержан оригинал, вызвано вероятнее всего даже не волей компилятора, а бытованием историй в народной среде, т. е. усилиями многих редакторов: заимствованный у Петра Альфонса материал впитал в себя особенности протонародного искусства, чуждые «Поучению», и, что еще важнее, протонародного миросозерцания. Но оба памятника по своим тенденциям все же родственны друг другу: Петр Альфонса, ученый эрудит, в известной мере стилизовал свою книгу под общедоступность, а «Римские деяния» — по крайней мере в том виде, в каком они до нас дошли, — были общедоступны, являясь подлинно народной книгой.

Так как компилятор «Римских деяний» пользовался

Наставление V

При своей жене этот человек не пожелал оставить иного стража, кроме нее самой, ибо полагался на нерушимую строгость ее нравов и твердые правила поведения.

Какой-то юноша, приметив ее на улице, воспылил к ней любовью и множество раз посылал к этой даме послов, домогаясь благосклонности той, кого так пламенно любил.

самыми разнообразными источниками, начиная от жития и нравоучительной притчи и кончая фривольным рассказом или исторической хроникой, вполне естественно, что он не был в состоянии так стилистически унифицировать свой сборник (хотя ему и удалось создать особый стиль памятника, отличающий «Римские деяния» не только от «Наставления» Петра Альфонса, но и от многих других сборников такого рода), чтобы в нем совсем не осталось следов происхождения отдельных рассказов. Все же нередко голос компилятора перебивается чуждыми ему голосами, которые он так и не смог заглушить. Пример этого дает новелла 71, где нетрудно узнать греческий роман, стилистически такой далекий от дикции «Римских деяний», но тем не менее не утраченный под пером средневекового компилятора присущие ему черты.

«С великим почетом Аполлония провожают к морю, и, попрощавшись со всеми, он вступает на корабль и три дня и столько же ночей плывет при попутном ветре. Когда же побережье Тарса пропадает из виду, погода внезапно меняется. За несколько часов собралась буря, Аквилон и Евр напали на корабль, пошел сильный дождь, тирийцы были близки к гибели, корабль едва держался на волнах, зефиры волновали море, пошел град и надвинулись мрачные тучи; налетел такой свирепый ветер, что смерть грозила всем. Тут каждый пытается для своего спасения добыть доску, однако все в этой буре гибнут. Одного только Аполлония на его доске прибывает к берегу Пентаполя. Оказавшись на твердой земле и видя перед собою морскую гладь, он говорит так: „О, вероломное море, лучше бы я предал себя в руки беспощадного царя, от которого спасаюсь бегством, нежели искал себе пристанища! Кто из людей славных мне, бесславному, подаст помощь?“».

Остался след воздействия и такого, тоже неорганичного для стиля «Римских деяний» жанра, как житие, и в новелле 77 слышны отголоски легенды об Алексии и ряда других. Но, повторяю, хор чужих голосов все же всегда перекрыт голосом компилятора.

Состав сборника пополнялся не только единичными заимствованиями из разных источников, но уже очень скоро «Римские деяния» испытали на себе «массированное» влияние аналогичных и сверстных им сводов морализированных историй, откуда компиляторы черпали уже не единичные рассказы, а целые группы рассказов. Важнейшие из таких родственных собраний — книга англичанина Роберта Холькота (ум. 1349) «Liber de moralizationibus», морализация «Декламаций» Сенеки Старшего, морализированные «Enigmata Aristotelis» и др.

Истории «Римских деяний» обычно снабжались морализациями, т. е. нравственно-аллегорическими пояснениями. Трудно сказать, были ли они искони присущи «Римским деяниям» и только постепенно число их и объем шли на убыль и они отступали на второй план, или, наоборот, первоначально им было отведено более значительное место. Во всяком случае в старейшей рукописи «Римских деяний» морализации отсутствуют совсем и надписания историй в отличие от старопечатных изданий не имеют символично-дидактического характера. Но как бы то ни было с точки зрения истории средневековой повествовательной литературы, — а «Римские деяния» рассматриваются здесь именно так, — морализации представляют не больше интереса, чем дидактические выводы из басен Эзопа, и потому они опущены в переводе, хотя и присутствуют в тексте Остерлея, положенном в его основу. С точки зрения культурно-исторической морализации представляют бóльший интерес: средневековый человек в отличие от нас в каждом

явлении жизни, в частности в литературном сюжете, видел помимо буквального смысла один или несколько более важных и глубоких и путем морализирующих толкований пытался их открыть. Этот обнаруживаемый средневековым читателем сокровенный смысл хотя и очень показателен для его сознания, однако не имеет прямого отношения к буквальному смыслу историй «Римских деяний». Ниже мы дадим два образчика этих морализирующих привесков: чтобы почувствовать вкус дегтя, не надо съесть целую бочку.

Судя по инсбрукской рецензии «Римских деяний» (1342 г.), сборник возник, очевидно, в конце XIII в., самое позднее — в начале XIV в. Текст ее указывает на то, что формирование сборника находилось уже в стадии, близкой к завершению. «Римские деяния» дошли до нас без имени автора. В различное время выставляли различных кандидатов на роль составителя и редактора, однако оказалось, что ни Петр Берхорий (Пьер Бершер, Pierre Bercheur), умерший в 1362 г. настоятель бенедиктинского монастыря в Париже, ни живший ранее (ум. в 1220 г.) автор сочинений на латинском языке Гелинанд (Helinandus) не причастны к созданию «Римских деяний». Можно только сказать, что если, подобно «Наставлению» Петра Альфонса, книга в своем первоначальном виде и была создана ученым автором, вернее компилятором, то затем она побывала в руках низовых редакторов. Свидетельствами этого являются и простонародный стиль сборника с его наивным синтаксисом, и фольклорный принцип ведения рассказа, когда сюжет строится по преимуществу на использовании прямой речи, так как рассказчик не способен еще к окончательной объективации повествования и вместо рассказа от стороннего лица, стоящего над событиями и персонажами, заставляет говорить самих

действующих лиц, которым отдает свою роль повествователя. Поэтому собственно рассказ заменяется драматическими сценками, где все уясняется из разговоров между собой героев, как это можно видеть из следующего отрывка: «Один рыцарь <...> подскочил к девушке и спросил, почему она зовет на помощь. Она в ответ: „О, господин мой, ради бога помогите мне! Этот злодей похитил меня, обесчестил и теперь пригрозился убить“. Похититель говорит: „Господин, эта женщина — моя жена, и я узнал, что она совершила прелюбодеяние, поэтому решил ее убить“. Девушка говорит: „Это ложь. Господин, я никогда не была чьей бы то ни было женой, и до сего дня никто, кроме этого человека, ко мне не прикасался. Поэтому помогите мне! У меня есть доказательство, что я сказала истинную правду“. Рыцарь говорит злодею: „Я вижу эти доказательства в том, что против ее воли ты похитил эту девушку и обесчестил, но я освобожу ее из твоих рук“. Злодей отвечает: „Если хочешь освободить, тебе придется за нее сразиться со мной“» (новелла 55).

О народном происхождении того или иного рассказа может свидетельствовать также весьма примитивная композиция, когда события нанизываются на общий стержень (например, решение героем трудных задач) в произвольном порядке и количестве и сюжет предстает не как причинно-следственный событийный ряд, а представляет собою механическое сочетание независимых друг от друга ситуаций (так называемая кумулятивная композиция). Правда, все эти народные, еще полуфольклорные приемы часто имитировались авторами-эрудитами, обращавшимися к низовому читателю. Совершенно бесспорной приметой народного характера «Римских деяний» являются поэтому не перечисленные народно-фольклорные элементы, а произвольно обна-

руживающиеся в мелочах черты, которые отражают подлинно народное мироощущение и не могли возникнуть в результате самой искусной стилизации. Действительно, только человек, бесконечно далекий от обихода не то что императорского дворца, но высших кругов вообще, мог нарисовать картину, которую мы находим в новелле 24, где римский император рассуждает о браке **своей** дочери как среднего достатка горожанин: «Если я отдам ее за богатого, но неразумного человека, она **препадет**, а если за бедного, но мудрого, он с помощью **своей** мудрости сможет доставить ей все необходимое». Эти мысли склоняют императора предложить руку дочери Сократу: «Вот он позвал его и говорит: „Любезнейший, хочешь взять в жены мою дочь?“. А Сократ: „Хочу, добрый государь“».

Мировоззрение народного автора изобличает и подобная странная ситуация: в истории 82 царица за большие деньги согласна провести ночь с первым встречным, который в состоянии заплатить за это тысячу флоринов.

Безнадежная путаница географических и исторических представлений тоже особенность, которая могла возникнуть только «естественным» путем, а не в результате желания эрудита подделаться под низовой текст. «Римские деяния» же прямо кишат утверждениями вроде, например, того, что Вергилий — современник императора Тита (новелла 20), Сократ живет в Риме и женат на дочери императора Клавдия и при этом современник Александра Македонского (новелла 24); на римском престоле сидят императоры Корнилий, Луций, Октавиан, который к тому же оказывается праведным христианином и совершает паломничество в святую землю, Дорофей и многие другие, никогда не бывшие римскими императорами.

К такого же рода приметам подлинно народного генезиса «Римских деяний» относится и то, что постоянно путаются местоимения «ты» и «вы», что типично для народной речи вплоть до наших дней. «Какого ты рода? скажите мне?», — читаем мы в рассказе о папе Григории; или в «Истории об Аполлонии Тирском»: «О, владыка, сколь дочь твоя лицом сходствует с вами».

Многократно заявляющее о себе стремление разжевать читающему материал, напомнить ему то, о чем уже говорилось, чтобы от него не ускользнула важная для понимания происходящего подробность, иначе сказать, недоверие к умственным силам того, кто возьмет в руки «Римские деяния», связано, вероятно, не только с реально невысоким уровнем возможностей адресата, на которого сборник рассчитан, но отражает и уровень самого составителя, которому в простом видится сложность. Я имею в виду такие разъяснения, как в новелле 37, где царица обнаруживает некогда ею самой заполненные и уже не раз фигурировавшие в рассказе таблички: «Это были те самые таблички, которые нашли в его колыбели».

О месте возникновения «Римских деяний» мы знаем не больше, чем об их авторе. Есть некоторые данные, говорящие за то, что их родина Англия — в новелле 28 первоначально звучали английские слова (в последующих редакциях они за непонятностью были опущены), а в новелле 68 встречаются английские собачьи клички. Но так как английские вкрапления очень немногочисленные, полностью исключить германскую родословную «Римских деяний» все же нельзя.

Знакомясь с «Римскими деяниями», внимательный читатель заметит в них некоторые странности, причем не формального, а смыслового свойства. Наша задача

соблюсти историческую перспективу и потому подчеркнуть все то, что сейчас кажется странным, а подчас — не побоимся этого слова — и нелепым, ибо оно как раз и является выражением медиевальности. Этот дух средневековой культуры проявляет себя в симпатиях, манере чувствовать и думать, в предметах восхищения или порицания и многообразных других реакциях средневекового человека.

Мир, который раскрывается перед нами на страницах «Римских деяний», резко поражает нас. Едва открыв книгу, мы сталкиваемся с чертами, из которых одни кажутся наивными и смешными, другие грубыми и оттапливающими, третьи непонятными, но все они в своей совокупности вызывают ощущение странности, непривычности, удивительности: мы наглядно убеждаемся в том, что средневековый человек «сделан из другого теста». В новелле 91 рыцарь убивает богато старика, чтобы завладеть его деньгами и с их помощью жениться. Удивительно даже не самое преступление, а эпически-спокойное, будто речь идет о том, что герой выпил стакан воды, признание в нем даме сердца, которая принимает слова рыцаря так же эпически-спокойно: мы сразу понимаем, что на этой почве никогда не могло бы появиться не только «Преступление и наказание», но и сколько-нибудь сложное психологическое осмысление случившегося. Другой образчик — история двух врачей, которые решили путем состязания установить, кто искуснее в своем деле (новелла 34). Условие же состязания таково: каждому надлежит вынуть у своего коллеги глаза, а затем вставить их назад, не повредив зрения и не причинив боли. Победенный становится слугой победителя. Во время этой операции ворон похищает удаленный глаз одного из врачей, а тот, кто ее делал, «глубоко опечалился, заметив это, и ска-

зал себе: „Если не верну своему другу глаз, сделаюсь его слугой“». К нашему удивлению, он не испытывает ни угрызений совести, ни жалости, ни недовольства собой. Врача «глубоко печалит» только перспектива стать слугой, и больше ничего. Странности рассказа этим не исчерпываются: он своим «дикарством» еще послужит нам в иной связи. Не менее, на наш вкус, удивительно, что завзятый игрок обращается к религии и становится даже учеником святого Бернарда, после того как бросившему кости праведнику выпадает — действительно не частый случай! — максимальное из возможных количество очков.

А разве не поражает, что прелестная дама самолично сворачивает голову ловчому соколу (новелла 39), а другой не менее прелестной и знатной даме по приказанию мужа еду подают в черепае ее возлюбленного, и дама ее ест (19); что мытье царю ног раз в седмицу служит среди прочего показателем отличной службы царского слуги (8)? Столь же чужды для эмоционально резервированного современного человека крайняя острота и открытость переживаний действующих лиц «Римских деяний»: рыцари там плачут, потеряв деньги (57), разлучаясь с друзьями (77), или падают на землю от радости (77). В новелле 24 о папе Григории весть о смерти царя, точно электрический ток в живой людской цепи, валит в слезах наземь сестру царя, рыцаря, который ее опекал, жену рыцаря и, наконец, самого гонца, принесшего весть.

В мире «Римских деяний» все далеко от нас привычного. Человек, например, выказывает мало чувствительности к утеканию времени, и потому рыцарь спокойно расстается с любимой им молодой женой на неопределенный срок (новелла 77), а другой рыцарь на семь лет откладывает желанный брак (80). Столь близ-

кое нам ощущение «бездны двух или трех дней» в средние века еще не успело родиться, и по шкале относительного переживания времени семь средневековых лет соответствуют приблизительно семи нашим дням. Такова разница в восприятии продолжительности сроков между замедленной средневековой и стремительной культурой нового и особенно новейшего времени.

Нас озадачивает и средневековая казуистика, с помощью которой героиня 82-й истории ловко спасает в суде своего возлюбленного, из чьего тела предок шекспировского Шейлока должен вырезать оговоренную условием долю: «Царь ведь постановил, — говорит она судье, — что всякий, кто прольет чужую кровь, должен за это пролить свою. Рыцарь же дал согласие на то, чтобы из тела его было вырезано мясо, а не пролита кровь. Поэтому ты, купец, получай свое — вырежь мясо из любой части его тела, откуда тебе угодно, но, смотри, не пролей его крови, и закон будет на твоей стороне». Пример казуистического рассуждения встречаем и в речи дочери тюремщика, освободившей юношу из темницы и обвиненной его отцом в том, что она тем самым предала своего собственного: «...ведь получи мой отец за него выкуп, нисколько не обогатился бы от этого, а ты, если б выкупил сына, обеднел. Следовательно, я помогла тебе, так как ты не дал за сына выкупа, но не нанесла этим ущерба моему отцу» (новелла 2).

Еще один пример странной с современной точки зрения реакции средневекового человека: один рыцарь видит, как у спящего паломника изо рта выскакивает ласка и убегает на соседнюю гору, а потом вновь прыгает к нему в рот. В этом эпизоде внимание рыцаря странным образом занимает только одно: «Что все-таки ласке понадобилось на этой горе?», будто каждый день

ему приходится видеть, как ласки выскакивают изо рта людей и возвращаются туда вновь (новелла 77).

Большинство упомянутых здесь особенностей средневекового умственного и жизненного обихода в конечном счете восходит к различию современного и средневекового сознания. Совместными трудами многих ученых было доказано, что средневековое мышление отличалось от современного как особенностями своей техники, так и тенденцией подходить к явлениям окружающего мира символически и аллегорически, т. е. усматривать за видимым невидимое, за буквальным смыслом более глубокие его, вторые и третьи пласты.¹ Важнейшая особенность этого мышления, отчетливо проявившаяся в «Римских деяниях», это, по остроумному определению Ферреро, *arrêt mental* — остановка мысли, недодумывание до конца, поражающее нас отсутствие логики. Дело здесь не всегда в неумении дискурсивно мыслить, хотя в обыденном средневековом мышлении эта способность ослаблена, и не даром, как показал Ферреро, средневековый человек, сталкиваясь с необходимостью построить причинно-следственные ряды, обычно путается уже в трех соснах. Часто лень мысли, т. е. примирение с логическим нонсенсом, связана с тем, что логика средневековому человеку не нужна и вытесняется более насыщенной для его мировоззрения дидактикой. Так, для автора истории о Фоке (новелла 20), например, главное и единственно важное дать нравственную парадигму, образ праведного человека и справедливого царя. Перед этой задачей логическое правдоподобие теряет свою цену,

---

¹ Здесь следует упомянуть имена исследователей, впервые поставивших проблему средневекового сознания Ферреро, Карсавина, Биццалли, Шпенглера, Хойзинги. Литература, конкретизирующая особенности этого мышления, стала уже необозримой.

и автора не заботит, что доводы Фоки, которыми он пытается себя оправдать, не имеют под собой почвы. Присмотримся к этому рассказу. Художник Фока нарушил закон, изданный императором Титом, под страхом смерти запрещающий работать в день рождения его сына. Доставленный к разгневанному Титу, Фока убеждает его в том, что не мог поступить иначе. Фоке, по его словам, нужно ежедневно зарабатывать восемь денариев, так как два денария он должен давать отцу, два откладывать для сына, два давать жене, два тратить на себя.

Если Тита удовлетворили доводы Фоки, то нам они представляются логически неубедительными. В самом деле, стоит ли, чтобы не пропустить рабочего дня, рисковать жизнью, поскольку рождение императорского сына бывает раз в году, следовательно, дефицит в восемь денариев должен быть разложен на 365 дней, иначе сказать, этот дефицит не может оказать влияния на бюджет Фоки, кроме того, Титу следовало бы возмутиться тем, что Фока вместо того, чтобы всего на два денария в году сократить расходы на себя (праведному царю приличествует не покушаться на те статьи бюджета Фоки, которые связаны с долгом доброго семьянина, т. е. на его траты на отца, сына и жену), предпочел нарушить положенный им закон.

В 59-й истории дидактика тоже властно прогоняет логику: чтобы баланс добра и зла был соблюден, автору нужно наказать недостойную возлюбленную героя, и он, не страшась очевидной несообразности своего рассказа, заставляет ее умереть от мучительного недуга, хотя в ларце коварной женщины лежит ожерелье, обладающее волшебной силой давать надевшему его на шею «все, что было угодно душе», и ей стоит только протянуть за ним руку, чтобы избежать смерти.

Но все же леность мысли не всегда оправдана назидательными задачами и проявляется в чистом виде как ментальная особенность, присущая средневековому человеку. Вот пример такой непродуманности: в новелле 34, о которой выше шла речь (состязание двух врачей в хирургическом искусстве), только ослабленностью логической мысли можно объяснить, что врач, уверенный в своем профессиональном превосходстве над соперником, тем не менее соглашается доверить ему операцию, в результате которой рискует лишиться зрения.

Такого же типа логика и в новелле 87: ученик волхва похитил его книгу и убежал из города; обнаружив пропажу, маг с помощью своего искусства узнает, какой дорогой пошел ученик, пускается в погоню, и, когда уже вот-вот настигает беглеца, ученик прячется под мостом, а маг ничего при всем своем искусстве не подозревая, пробегает мимо и дает школяру провести себя.

Не следует думать, что рассказчик хотел посмеяться над магом или разоблачить его как шарлатана — против этого, между прочим, говорит и старонемецкий перевод истории, где маг неизменно называется умным, мудрым («kluger Meister der schwarzen Kunst»);² ему нужно было лишь проиллюстрировать мысль, что простое иной раз оказывается мудренее сложного. Но автор не замечает того, что история, в том виде, как он ее передал, нелогична: опытный маг непременно должен был изобличить хитрость, как перед этим сумел определить, какую дорогу избрал похититель его книги.

---

² Grässe J. Th. Gesta Romanorum das älteste Märchen-u. Legendenbuch des Mittelalters, Bd II, Berlin, 1909, I Anhang, N 12.

Знаменитое средневековое легковерие и равнодушие к явным несообразностям — тоже проявление умственной лени. Поэтому в истории об Аполлонии Тирском (новелла 71) сознание автора спокойно мирится с тем, что его герой, добрый христианин, которого по ночам посещает ангел и дарит своим советом, войдя в эфесский храм, падает к ногам жрицы, принимая ее за владычицу этого храма богиню Диану. Не менее причудлив логически и эпизод из новеллы 77, где заговорщики, задумав убить спящего в замке рыцаря, говорят друг другу: «Если мы убьем паломника в постели, мы сами будем преданы смерти. Лучше сбросим его в море вместе с постелью, и тогда люди будут говорить, что он бежал» (?).

К этой же категории странностей относятся и противоречия, встречающиеся в «Римских деяниях». Взглянем на заглавие 35-го рассказа — «О том, что не следует зариться на богатство», противоречащее тому, о чем там повествуется. В самом деле: за красивой своей дочерью царь не дает приданого, некрасивая же получает все богатства и обещание, что после смерти царя тот, кто возьмет ее в жены, наследует царство. Такой человек в конце концов находится, женится на дурнушке и после смерти царя садится на престол. Всякому очевидно, что мораль истории выведена вопреки логике: бедный граф, взявший в жены царскую дочь, получает богатство и трон, т. е. добивается того, к чему стремился, но при этом ничем не наказан за свой выбор, так как жена его, кроме известного ему наперед внешнего недостатка, не обнаруживает в дальнейшем никаких других, и ему нет оснований расклевываться в своем поступке.

Если непоследовательности иного характера, т. е. не логические недосмотры, а противоречия, связанные

с ошибками памяти, вроде разного наименования одного и того же героя или появления в каком-нибудь третьем томе персонажа, убитого автором в первом, объяснимы в пространных сочинениях, писавшихся длительное время, то аналогичные непоследовательности в пределах очень небольших по объему новелл «Римских деяний», в подавляющем большинстве созданных, конечно, в один присест, не могут быть следствием капризов памяти. Их причина — все та же леность ума, не дающего себе труда додумывать до конца, а потому не страшящегося противоречий. В истории папы Григория (новелла 37) мы сначала читаем о том, что будущий князь церкви воспитывается в семье рыбака, не подозревая о том, что он найденыш, и случайно обнаружившаяся истина заставляет его в горе покинуть людей, которые его приютили. Однако в развязке, рассказывая о себе царице, Григорий, к нашему удивлению, упоминает (отнюдь не стремясь ее обмануть), что настоятель монастыря неоднократно говорил о его странном появлении в этих местах: Григорий, как мы помним, в бочке был прибит к берегу и подобран монахами. В другой истории невнимательность автора оборачивается прямым комизмом: приговоренный к казни обещает своему другу быть ему вечно благодарным, если тот окажет ему услугу, забывая, что для этого уже нет времени (новелла 51).

Существенную роль для понимания «Римских деяний» играет то обстоятельство, что в средние века писатель или художник пользовался, как мы бы сейчас сказали, кодовым языком, а читатель и зритель не просто читал и смотрел, а переводил с языка тайнописи на свой язык. Ум тех, для кого предназначались эти произведения средневекового искусства, был ориентирован символически, и перевод осуществлялся «с листа»,

почти произвольно. Неприязательные, а подчас даже малопривлекательные бытовые сценки не воспринимались при этом непосредственно — читатели и зрители тоже находили в них дидактический и генерализованный высокий смысл. Рефлекс сознания — искать под одним смыслом другой был настолько силен, что делал возможным такие адаптации, как создание монашеского Овидия, т. е. приспособление для дидактических целей даже его фривольной «*Ars amandi*». Если современный зритель, не обученный языку средневекового искусства, увидит на капители романского собора в Отене (XIII в.), как аббат и аббатисса дерутся за пастырский посох, он скорее всего расценит сценку как гротескную и даже аятиклерикальную. Как далек, однако, подлинный смысл отенского изображения от этих само собой — с нашей точки зрения — напрашивающихся объяснений! Художник изобразил здесь символически раздор и беспорядок в церкви, коснувшийся в равной мере мужских и женских монастырей. Высокие истины постоянно облакались в формы скуррильные и гротескные, что никого не удивляло.

Чтобы облегчить постижение этого небуквального смысла, в иных случаях средневековые авторы и художники снабжали свои произведения толкованиями. То могла быть краткая пояснительная надпись, расшифровывающая заглавие, или сравнительно подробное толкование. «Римские деяния» пользуются как надписью-заглавием, так и морализациями, т. е. толкованиями. Наличие во многих рукописях «Римских деяний» заголовков и заключительных пояснений свидетельствует о том, что средневековые читатели понимали историю «Римских деяний» не так, как мы сейчас. Очень важен для них был помимо первого смысла таящийся за ним моральный вывод или религиозная аллегория.

Ум средневекового человека делает из рассказов абстрактные выводы, которые никогда бы не пришлось в голову сделать читателю, принадлежащему к другой, более поздней или более ранней культурной эпохе. Так, история о женщине, изменявшей мужу и приказавшей убить петухов за то, что они осуждают ее за неверность, получает заглавие «О правде, которая не страшится даже смерти», хотя петухи, говоря между собой по-птичьи, никак не могли подозревать, что слушанка понимает их язык, и, следовательно, в своем правдолюбии не были героичны (новеллы 28).

Новелла о воре, остроумно обманутом хозяином дома, в который он залез (новелла 66), надписывается «О том, что пастырю душ надлежит быть бдительным».

Подчас даже бывает трудно уловить, что послужило поводом к тому или иному толкованию. Например, повествование о том, как молодой рыцарь, влюбленный в жену старого рыцаря, убивает его за то, что тот застрелил соловья, пением которого наслаждалась его жена (новелла 60), рассматривается, согласно надписанию, как иллюстрация мысли «слава мира сего и роскошь многих прельщает и приводит к гибели». Встречаются и религиозно-аллегорические надписания. Посредневековому мрачно-скурильная история горбуна, отказавшегося уплатить денарий за вход в город (так в этом городе облагались люди с каким-нибудь телесным недостатком) и затем принужденного уплатить целых пять, так как в пылу препирательства его со стражником обнаружилось, что вдобавок он наделен еще другими физическими пороками (новелла 72), озаглавлена «О наказании грешников, вовремя не понесших кару за содеянное».

Рассказ о двух братьях, возвратившихся с чужбины по велению отца, из которых одного (он охотно вер-

нулся) встречаются в родном доме очень приветливо и делают наследником, а у другого (ему не хотелось возвращаться) мать при встрече откусывает губы, сестра — нос, брат вырывает глаза, а отец снимает скальп (новелла 40), понимается как повествование «о наследстве и ликовании верной души», история же о рыцаре, который, увидев бой змеи и жабы, помог змее, за что она исцелила его от смертельной болезни (новелла 42), как «доблестная битва Христа и его победа»; рассказ о слепом, несущем хромого на богатый царский пир (новелла 30), трактуется как повествование об обретении вечной жизни. Под шапкой «Христос не сразу требует грешника к ответу, а по милосердию своему ждет его раскаяния» помещена 43-я история: рыцарь вернулся домой и узнал о неверности своей жены. По существующему закону это каралось смертью. Так как рыцарь потерял в сражении правую руку, он решает поручить осуществление возмездия сыну; тот же, ссылаясь на закон о необходимости почитать родителей, отказывается исполнить волю отца.

Помимо символично-аллегорического понимания сюжета, приведенное надписание отражает и хорошо уже нам знакомую леность мысли. Автор не замечает, что, ссылаясь на необходимость почитать родителей, юноша выказывает сыновнее непочтение; отец же мог бы обойтись без помощи сына и убить свою неверную жену каким-нибудь способом, при котором отсутствие правой руки не служило помехой, или поручить возмездие стороннему лицу.

Морализации отличаются от заголовков только своим объемом, который сравнительно с объемом самого рассказа бывает велик; принцип же толкования у них общий — поиски за первым смысловым слоем более

значительного второго Понятие о морализациях «Римских деяний» можно себе составить по нескольким примерам Вот анекдот о находчивой прелюбодейке, посрамляющей судью Ее согласно положенному императором закону, сбрасывают с вершины горы, но женщина оказывается невредимой Тогда ее вторично приговаривают к казни, но отпускают с миром, так как прелюбодейка ссылается на другой закон, запрещающий дважды карать за одно преступление Морализация, сопровождающая анекдот, такова «Любезнейшие, император — это наш господь, он установил закон если какойнибудь человек осквернится душой, исповедуя Христа, жениха ее, за свершенный им смертный грех должен быть свергнут с высокой скалы, т е изгнан из царствия небесного, как это впервые было с праотцем Адамом Но господь искупил его страданием своего сына Когда человек творит грех, господь в великом своем милосердии не тотчас наказывает его, но по безмерной доброте спасает, дабы не был ввергнут в преисподнюю» (№ 3 по Остерлею) Еще одна морализация, сопровождающая только что упомянутый рассказ про двух сыновей, которых отец письмом призвал с чужбины «Любезнейшие, богатый человек, который послал двух сыновей, т е тело и душу, постичь науки, дабы учились в школах мира сего, усовершенвались в благих трудах и так обрели жизнь вечную, — это бог Письмо — смерть, его посылают, когда человек умирает Душа радостно возвращается к богу, ее принимают на небеса с ликованием, и она наследует их Другой брат, приходящий к отцу неохотно, — тело, он недоволен возвращением, и это неудивительно, ибо ему приходится плохо. Сестра и братья — это жабы и змеи, выгрызающие нос и глаза. Отец — гниение земли, обращающее в прах волосы, кожу и мясо».

К своеобразным чертам средневекового сознания, общим, впрочем, с сознанием, характерным для некоторых других культур (античной и частично возрожденческой и поствозрожденческой), относится и наивный антиисторизм. Он позволяет авторам выводить события древней истории в декорациях своего времени, а потому Помпей рисуется в «Римских деяниях» типичным средневековым королем, в других историях, приуроченных к римской жизни, действуют рыцари, персонажи римской и греческой древности живут в замках, сражаются на турнирах и т. п. Средневековый человек не научился еще различать «цвет» времени — для всех эпох и культурных ареалов цвет всегда один, тот, что присущ периоду, когда этот человек живет.

Мир эстетических вкусов и художественных навыков, раскрывающийся в «Римских деяниях», тоже значительно уклоняется от привычного нам.

Все, о чем в «Римских деяниях» говорится, включая самые непритязательные и забавные рассказы, рассматривается не как случаи, сами по себе интересные и достойные внимания, в них видят проявление добродетелей и пороков, сборник примеров, как должно и как не следует поступать. Иногда даже встречаются рассказы-двойники (например, новеллы 26 и 11), из которых один утверждает дециденту поведения, а другой, наоборот, показывает отрицательный нравственный образец. В новелле 26 дама отказывается от почетного и выгодного брака в память павшего за нее рыцаря и всю жизнь хранит его доспехи, в 11-й же истории дама в аналогичном случае соглашается выйти замуж и прячет посох и суму своего избавителя, которые поклялась ему вечно держать перед глазами. Автор щедро рассылает примеры хитрости и простоты, верности и неверности, самопожертвования и себялюбия; одним надлежит

следовать, других избегать. Особенно много места отведено такой важной феодальной добродетели, как верность друга другу, вассала сюзерену, мужа жене. Это идеальное качество доводится подчас до абсурда, как в новелле 27, где клятва верности заставляет умного рыцаря при выборе дороги, по которой им идти, последовать за бестолковым, хотя он и знает, что здесь его ждет верная смерть.

Дидактика в «Римских деяниях» оттесняет не только логику, как было показано выше, но и повествовательность, собственно беллетристичность, сюжетность. Древность и средние века отмечены известным равнодушием к сюжету, который был обычно либо заранее известен, либо различными способами предвосхищался, так что читающего не ожидали фабульные сюрпризы, и заранее было известно, как развернется действие, кто будет наказан и кто восторжествует. Тем более не требовал средневековый читатель того, что теперь принято называть острсюжетным повествованием.

Особенно часто беллетристичность отступает, чтобы очистить дорогу назиданию. В истории, открывающей «Римские деяния», нравоучительные надписи на свадебных подарках своей обстоятельностью и количеством подавляют полную приключений историю царевны, которая бежит с возлюбленным от строгого отцовского надзора. Резкие сюжетные повороты, так ценимые в культуре нового времени, амортизируются, сюжетный пуант нарочито сглаживается; примером этого может послужить хотя бы рассказ 82, где нечаянное спасение героя обставляется так, что элемент внезапности сколько можно ослаблен.

С этим равнодушием к беллетристичности связана и такая особенность стиля «Римских деяний», как прием повторения уже известных читателю событий и ситуа-

ций, что снижает их занимательность и внезапность, создавая ощущение однообразия (прием, не соответствующий нашим эстетическим вкусам).

Нашему стремлению к смене и разнообразию предшествовала средневековая привязанность к однообразию и повторению: рассказы «Римских деяний» движутся в кругу вечных повторений. Достаточно взглянуть хотя бы на новеллу 47, где автор возвращается к ранее рассказанным событиям, излагая их почти в тех же самых выражениях. Прием этот выступает тем обнаженнее, что рассказ этот очень невелик по объему даже среди обычно кратких новелл «Римских деяний» и по существу состоит на три четверти из повторений.

На фоне этих постоянных повторений следует рассматривать и типичные для языка «Римских деяний» формулы. Желая сказать, что человек пришел в крайнее волнение, автор говорит, что у него перевернулись все внутренности; чтобы сообщить о грозящей смертельной опасности, употребляет формулу «стать сыном смерти». Истории часто начинаются с варианта сказочной формулы «жили-были», «правил такой-то» и завершаются сообщением, что герои прожили счастливо и кончили дни в мире. Часто встречаются и такие формулы: при описании кончины — «Поворотился лицом к стене и умер», в приступе к повествованию — «случилось, что», при рассказе о благосклонности императора к кому-нибудь — «император осыпал его богатствами и почестями», и т. д.

Сюжет как целое не интересует автора, так как ему важна только та его сторона, в которой воплощена дидактика; то же, что к ней прямым образом не относится, не разрабатывается и остается в тени. Потому в истории о Гвидоне и Тирни (новелла 77) оставлена линия Гвидон—королевна (видимо, не выкристаллизовавшаяся лю-

бовная история), а очень важная линия Тирий—Гвидон обрывается, как только она исчерпывает свое дидактическое назначение (прославление дружеской верности).

В отличие от нашей эстетики все конкретное, особенное, единичное, т. е. индивидуализованные герои, подробности обстановки и т. п., не привлекает внимания. Обычно действующие лица «Римских деяний» характеризуются только своим общественным статусом — рыцарь, знатная дама, король, клирик, а также качествами, его типизирующими, и лишены как индивидуальности, так и внутренней жизни. Кроме суммы качеств своего статуса, персонажи снабжаются лишь положительной или отрицательной нравственной отметкой: они могут быть либо хорошими (добрый рыцарь, добрая дама), либо плохими (злой царь, коварный рыцарь, недостойный клирик и т. п.). Склонность к генерализации сказывается и в отсутствии интереса к особенностям времени и места. Вот характерный с точки зрения средневековой эстетики рассказ (новелла 11), где действуют «одна благородная дама», злодей, странник и три царя. О героине ничего не известно, а о том, где она живет, сказано очень неопределенно и суммарно — «место, где она жила». Такую же незаинтересованность автор проявляет к обстановке действия и в истории 12: некий «могущественный император» оставил свою «красивую и всем людям милую дочь» на попечение сенешаля, а сам отправился в святую землю. Сенешаль нарушил все приказание царя, в результате чего царевна умерла и случилось еще множество печальных происшествий. Когда автору надо далее рассказать, что все стало известно царю, он делает это следующим образом: «Когда царь услышал о смерти дочери, призвал к себе сенешаля». Его равным образом не занимает, где все это происходило — в Палестине или в землях царя, и

куда царь пригласил сенешаля явиться: такого рода подробностям нет места в обобщенном, абстрактном рассказе.

Таковы некоторые наиболее примечательные особенности этого новеллистического сборника, обошедшего и покорившего всю Европу.

* * *

Переводы сделаны по следующим изданиям. Основной текст «Римских деяний» по публикации: *Gesta Romanorum* H. Oesterley. Berlin, 1872; древнейшая рукописная версия по изданию: *Die Gesta Romanorum nach der Innsbrusker Hadschrift vom Jahre 1342*, herausgegeben von W. Dick. Erlangen, 1890; книга Петра Альфонса по: *Petri Alfonsi Disciplina clericalis*, herausgegeben von Fr. Wilh. Schmidt. Berlin, 1827; старорусский перевод по единственной публикации «Общества любителей древней письменности» (СПб., 1877—1878).

ПРИМЕЧАНИЯ¹

«РИМСКИЕ ДЕЯНИЯ»

1

¹ *Помпей*. — Род Помпеев — знаменитый в истории Рима плебейский род, ни один из представителей которого, однако, не был императором. Видимо, народный автор ошибочно счел царем самого примечательного представителя этого рода — Гнея Помпея Великого (106—48 гг. до н. э.), полководца и политического деятеля.

3

¹ *Александр* — речь идет об Александре Македонском (356—323 гг. до н. э.); имя его в средние века было окутано самыми фантастическими легендами. Такого же легендарного характера и приведенный здесь рассказ.

---

¹ В примечаниях указывается только порядковый номер рассказа в настоящем переводе. В публикации цифра, следующая за порядковым номером и заключенная в скобки, означает номер истории в издании Остерлея для основного текста «Римских деяний», Дика для древнейшей рукописи «Римских деяний» и Шмидта для «Наставления обучающемуся» Петра Альфонса. Ссылки на тексты, переведенные в данной книге, даются в нумерации перевода, остальные по соответствующим изданиям. Некоторые новеллы не имеют названий и поэтому снабжены только порядковым номером.

4

¹ См. примеч. 1 к новелле 3.

² Древнегреческий философ Аристотель (384—322 гг. до н. э.) действительно краткое время был наставником юного Александра.

5

¹ *Кастелян* — лицо, которому его феодальный господин поручал охранять свой замок.

² В оригинале ошибка: вместо «жена Юлиана» значит «Юлиан».

6

¹ «*Ave Maria*» — начало богородичной католической молитвы.

7

¹ *Царь Дороей* — вымышленная фигура.

8

¹ *Сенешаль* — управляющий дворцовым хозяйством; постепенно сенешаль превратился в одно из самых значительных должностных лиц государства.

9

¹ *Император Конрад* — это имя носили несколько римско-германских императоров и один король, так что затруднительно решить, кто здесь подразумевается.

² *Генрих* — то же можно сказать и о Генрихе, имени многочисленных императоров и других примечательных в истории лиц, которых автор мог здесь подразумевать.

³ *Аквисграния* — средневековое название города Аахена.

14

¹ *Валерий* — речь идет о римском писателе Валерии Максиме (I в. н. э.), авторе книги анекдотов «Знаменитые деяния и речения».

15

¹ *Макробий* — римский грамматик первой половины V в., автор нескольких сочинений. Здесь подразумевается его компиляция «Сатурналии», диалог, содержащий богатый культурно-исторический материал (история, мифология).

17

¹ *Три царя* (или три мага) — подразумевается легенда о том, как три восточных царя Гаспар, Мельхиор и Балтазар, путеводимые звездой, пришли с дарами к новорожденному Христу.

² *Колония* — средневековое название г. Кельна.

18

¹ *Валерий* — см. примеч. 1 к новелле 14.

² У Валерия Максима (VI, 5, 3) говорится о царе Залевке.

20

¹ История об императоре Тите (79—81 гг.) не имеет под собой реальной почвы. Сюжет ее (с различными вариантами) встречается в греко-латинской средневековой литературе.

² Римский поэт Вергилий (70—19 гг. до н. э.) в средние века слыл магом и чудодеем.

³ *Денарий* — римская серебряная монета.

21

¹ *Асмодем* — фантастическая личность.

22

¹ С именем римского императора Иовиана (363—364 гг.) связывается здесь распространенный сюжет о возгордившемся и за это наказанном царе.

23

¹ Сюжет этой новеллы — средневековый вариант греческого мифа об Аталанте.

24

¹ Рассказ этот, хотя в нем действуют исторические персонажи, полностью недостоверен. Достаточно указать на то, что автор сталкивает в Риме эпохи императора Клавдия I (41—54 гг.), а может быть и Клавдия II Готского (268—270 гг.), Сократа и Александра Македонского, которые жили задолго до обоих названных императоров.

² Анекдот этот распространен в литературе об Александре.

25

¹ Здесь, как это обычно для «Римских деяний», историзм сводится к названию имени царя, императора или правителя; обстоятельства же его жизни и сюжет рассказа не имеют к нему ни малейшего отношения. Упоминание об императоре Веспасиане (69—79 гг.) также служит только для создания видимости историзма и является типичным зачином.

27

¹ Мудрый Максимиан — император Максимиан (286—305 гг.) получил свой эпитет «мудрый», вероятно, вследствие потребности украшать действительность, чтобы создать сказочную атмосферу.

28

¹ Существовали три римских императора с этим именем — Гордиан I (238 г.), Гордиан II (238 г.) и Гордиан III (238—244 гг.); который из них имеется в виду, неизвестно.

29

¹ *Галл* — возможно, что подразумевается император Тробианн Галл (251—253 гг.).

30

¹ История о хромом и слепом, попадающих на царский пир, религиозно-аллегорически осмысливается в морализации как обретение вечной жизни, ибо царь, согласно такому пониманию, это бог, уготовивший людям блаженство вечной жизни (пир), причем, чтобы вкусить радостей этого пира, богатому мирскому человеку (слепой) нужно взять себе на спину бедного и благочестивого (хромой).

32

¹ *Солид* — римская золотая монета, бывшая в ходу и в средние века.

² *Асс* — римская медная монета и весовая единица.

³ *Обол* — римская весовая единица.

37

¹ *Марк* — римский император Марк Аврелий (161—180 гг.).

² *Таблички* — на покрытых слоем воска деревянных табличках в древности и раннем средневековье писали металлической палочкой, стилем.

³ История папы Григория — распространенный легендарный сюжет.

39

¹ *Помпей* — см. примеч. 1 к новелле 1.

42

¹ *Цезарь* — Как Юлий Цезарь (100—15 гг. до н. в.), выдающийся государственный деятель и полководец республиканского Рима.

43

¹ *Диоклетиан* — римский император (284—305 гг.).

45

¹ *Император Тит* правил с 79 г. по 81 г.

46

¹ *Домициан* — римский император (81—96 гг.). Сообщаемая автором новелла связана с его именем произвольно.

² *Флорин* — средневековая золотая монета, имевшая хождение в странах Западной Европы; еще не существовала во время Доминиана.

48

¹ *Феодосий* — в этой легендарной истории речь может идти либо о римском императоре Феодосии I (379—395 гг.), либо о Феодосии II (408—450 гг.), императоре Восточной Римской империи.

49

¹ ...и вкусил такого блаженства... — автор намекает на слова апостола Павла: «не видел чего глаз, не слышало ухо» (1 Коринф., 2, 9).

53

¹ *Горгоний* — вымышленный римский царь.

55

¹ *Пипин* — известно несколько лиц, носящих это имя: франкские майордомы VII и VIII вв. Пипин и Пипин Геристальский, а также Пипин Короткий (714—768 гг.) — первый король из династии Каролингов. О ком идет речь, неясно.

56

¹ *Император Фридрих* — может иметься в виду либо Фридрих Барбаросса (1152—1190 гг.), либо Фридрих II Гогенштауфен (1219—1250 гг.), императоры так называемой Священной Римской империи.

57

¹ *Талант* — греческая серебряная монета и соответственно весовая мера.

59

¹ *Дарий* — имя Дарий носило несколько персидских царей; кто упомянут в этой фантастической истории, установить нельзя.

61

¹ Судя по заглавию, рассказ мыслился как пример легковерия церковнослужителей, для иллюстрации чего и использовался проповедниками.

63

¹ Из морализации, сопровождающей эту историю, мы узнаем, что черные буквы — воспоминание о совершенных грехах, красные — о крови Христовой, а белые — жажда небесного блаженства. Параллель к этому странному представлению содержится в приложении к переводу «Римских деяний» Грессе; в разделе «Старо-

немецкие переводы и переработки „Римских деяний“, в новелле 3, мы читаем о том, как два брата, один мирянин, другой клирик, живут в одном монастыре. Ученый клирик спрашивает однажды своего неученого брата, как он проводит время, не умея даже толком читать, и получает такой ответ: «Я уже выучил три буквы, одну черную, другую красную, третью белую. Первая — это воспоминание о содеянных мною грехах, вторая — воспоминание о Христовой крови, третья — жажда небесного блаженства».

64

¹ *Максимиан* — см. примеч. 1 к новелле 27.

² Автор смешал императора и судью, расследовавшего дело.

65

¹ *Мера ткани* — в тексте ульна, примерно соответствующая локтю, т. е. около 46 см.

66

¹ Снова заглавие, обнаруживающее, что смешная история понималась морально-дидактически и служила образчиком поведения священнослужителей.

67

¹ *Фульгенций* — вымышленная личность.

² *Валамова ослица* — согласно библейскому рассказу, ослица, принадлежащая прорицателю Валааму, почувяв приближение ангела, заговорила человеческим голосом.

71

¹ *Антиохия* — город в Сирии.

² *Тир* — город в Финикии.

³ *Модий* — римская мера сыпучих тел.

⁴ *Тарс* — город в Киликии.

⁵ *Пентаполь* — образчик фантастической географии, нередкий для «Римских деяний»: города Пентаполя, рас-

положенного в Италии (тирренцами назывались этрусски); не существовало.

⁶ *Гимнасий* — место для гимнастических упражнений, составлявших характерную особенность греческого быта; история об Аполлонии Тирском греко-римского происхождения, и здесь сохранилось множество следов этого.

⁷ *Триклиний* — столовая в римском доме.

⁸ Греки и римляне за трапезой не сидели, а лежали.

⁹ *Ливра* — фунт, римская мера веса.

¹⁰ *Эфесская Диана* — азиатская богиня природы; поэтому была отождествлена с греческой Артемидой. Святилище ее в Эфесе было очень знаменито.

¹¹ *Свободные искусства* — грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, теория музыки; названы так потому, что, по мнению древних, занятия ими подобают свободным, т. е. не требуют тяжелого физического труда. Понятие о свободных искусствах перешло затем в культуру средних веков.

¹² *Сестерций* — римская серебряная монета.

¹³ *Махилента* — тоже город фантастической географии; вероятно, испорченное Митилена (город на Лесбосе).

¹⁴ *Лупанар* — публичный дом.

¹⁵ *Приап* — фаллическое божество плодородия. Культ его был особенно распространен в мисийском городе Лампсаке, и это заставляет наивную Тарсию предположить, что сводник — житель Лампсака и отвержен культу своего местного бога.

¹ *Гервазий Тильберийский* — англо-латинский писатель (XII—XIII вв.), автор географического и исторического компендиума «*Otia imperialia*» и ряда других сочинений.

² *Оттон* — имеется в виду Оттон IV (1209—1218 гг.), император так называемой Священной Римской империи.

³ *Епископство херонское* — от названия испанского города Херона.

⁴ ...золото, которое в народе зовется паллиум — очевидно, этимология этого слова восходит не к pallium — «плащ», а связана со старофранцузским paile, pali — «золототканая парча».

75

¹ *Бернард* — популярный католический святой, настоятель монашеской обители в Клерви (Франция), отличавшейся строгостью правила.

76

¹ *Петр Альфонса* (1062—1110) — врач и писатель испано-иудейского происхождения, автор сочинений «Диалог против иудеев» и «Наставление обучающемуся».

² *Балдах* — Багдад.

77

¹ ...царство *Дация* было сокрушено неверными сарацинами — очевидно, имеется в виду вторжение половцев (XI в.) в Дакию.

78

¹ *Луций* — может быть, автор имел в виду римского императора Луция Вера (161—169 гг.).

79

¹ *Симах* — имя вымышленного царя.

80

¹ *Ирод* — автор, возможно, говорит об одном из многочисленных иудейских царей римского времени.

81

¹ *Галлик* — такого римского императора не существовало.

82

¹ *Луций* — см. примеч. 1 к новелле 78.

² *Марки флорины* — денежная единица. Марка — определенный монетный вес, распространенный в средние века в ряде стран. Флорин — см. примеч. 2 к новелле 46.

³ Римские денарии были в ходу и в средние века. См. примеч. 3 к новелле 20.

83

¹ *Валерий* — такого римского императора не существовало. Возможно, автор имеет в виду императора Валериана (253—260 гг.).

² *Квадрант* — мелкая монета, соответствующая, по нашим понятиям, грошу; равна $\frac{1}{4}$ асса.

84

¹ *Октавиан* — римский государственный деятель и полководец, по римской терминологии не император, а принцепс (27—14 гг. до н. э.).

85

¹ *Генрих* — существовало несколько английских королей, носивших это имя, которые могли бы хронологически «подойти» к этому рассказу: Генрих I (1100—1135 гг.), Генрих II Плантагенет (1154—1189 гг.) и Генрих III (1207—1272 гг.).

86

¹ *Гонорий* — император Западной Римской империи (395—423 гг.). Сообщенная о нем история откровенно сказочна.

88

¹ *Феодосий* — см. примеч. 1 к новелле 48. История носит, конечно, легендарный характер.

89

¹ *Антоний* — видимо, речь идет о триумвире Марке Антонии (83—30 гг. до н. э.).

90

¹ *Андроник* — такого римского императора не существовало.

² *Идроник* — имя связано с греческим корнем, обозначающим «вода», «водяной»

³ *Нашего прихода* — фраза, очевидно, представляющая остаток такой версии рассказа, где он велся от лица одного из участников охоты

91

¹ *Теобальд* — если имя не вымышлено, то здесь, возможно, подразумевается Теобальд, герцог Баварский (VIII в.).

92

¹ *Мирелис* — вымышленный царь

² До этого места рассказа женщина называлась невестой, здесь же и ниже автор именует ее женой. В данной новелле есть и другие сюжетные шероховатости.

93

¹ *Олимпий* — такого императора в Риме не было.

² Речь идет об очищении после родов — обряде, при котором женщина, недавно разрешившаяся от бремени, получала в церкви благословение.

94

¹ *Короний* — вымышленный царь.

95

¹ *Мамертин* — вымышленный царь.

ИСТОРИИ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ
ИЗ СТАРЕЙШЕЙ РУКОПИСИ «РИМСКИХ ДЕЯНИЙ»

1 *

¹ *Леунций* — вымышленный царь.

² *Сеншаль* — см. примеч. 1 к новелле 8.

³ *Флорин* — см. примеч. 2 к новелле 46.

⁴ *Имя Инград*, по-латыни *ingratus*, значит «неблагодарный».

2 *

¹ *Ганнибал* — это имя носило несколько карфагенских царей; для идентификации в рассказе нет материала.

Петр Альфонса

«НАСТАВЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩЕМУСЯ»

I

¹ *Балдах* — см. примеч. 2 к новелле 76 (основной текст «Римских деяний»).

IV

¹ *Солид* — см. примеч. 1 к новелле 32 (основной текст «Римских деяний»).

² *Денарий* — см. примеч. 3 к новелле 20 (основной текст «Римских деяний»).

VI

¹ Книга притчей Соломона, XXXI, 10 сл.

VII

¹ *Талант* — см. примеч. 1 к новелле 57 (основной текст «Римских деяний»).

² Речь идет о знаменитом соломоновом решении: мудрый царь предложил двум блудницам, которые заспорили, чей сын остался в живых, а чей умер, разрубить живого напополам. Протест одной из женщин против этого доказал, что она мать ребенка (III кн. Царств, 3, 16 сл.).

IX

¹ В тексте «следить за кривыми, изогнутыми ногтями».

² Автор цитирует Левит 19, 18 не по вульгате (канонизированный перевод Библии, сделанный Иеронимом), как это было обычно принято

X

¹ *Пророк Иов* — величайший библейский праведник не был пророком, и неясно, почему Петр Альфонса его так называет. История Иова такова: сатана сказал богу, что Иов праведен, пока счастлив, но стоит ему лишиться счастья, как исчезнет все его благочестие. Желая посрамить сатану, бог насылет на Иова одну за другой страшные напасти, но благочестие праведника остается непоколебимым. После этого искушения бог снова вернул Иову все, что тот потерял.

†

СОДЕРЖАНИЕ

«Римские деяния»	5
ДОПОЛНЕНИЯ	
Истории, заимствованные из старейшей рукописи «Римских деяний»	289
Петр Альфонса. «Наставление обучающемуся» . . .	308
«Римские деяния» в русском переводе XVII в.	332
ПРИЛОЖЕНИЯ	
С. В. Полякова. Из истории средневековой латинской новеллы XIII в.	341
Примечания (С. В. Полякова)	
«Римские деяния»	370
Истории, заимствованные из старейшей рукописи «Римских деяний»	382
Петр Альфонса. «Наставление обучающемуся»	382

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛАТИНСКИЕ НОВЕЛЛЫ XIII в.

Утверждено к печати

Редколлегией серии «Литературные памятники» АН СССР

Редактор издательства *Н. А. Храмова*

Художник *М. И. Разулевич*

Технический редактор *Г. А. Бессонова*

Корректоры *Л. Я. Кожи* и *К. С. Фридлянд*

ИБ № 6304

Сдано в набор 06.12.79. Подписано к печати 12.05.80. М-36653.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура академическая. Печать высокая. Печ. л. 12 + 2 вкл. (1/3 печ. л.). Усл. печ. л. 14.18. Уч.-изд. л. 13.4. Тираж 100000 (1—50000). Изд. № 7399.
Тип. зак. 961. Цена 1 р. 60 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука».
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12